

Папенькина дочка

Петр Сосновский

Петр Сосновский

Папенькина дочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70399057

SelfPub; 2024

Аннотация

Эту книгу я написал быстро. Найти тему и дать название книге мне помогла коллега по работе. Я случайно разузнал у нее, что она долгое время была папенькиной дочкой. Это словосочетание и мне не раз в детстве приходилось слышать. У отца от первой жены была таковая. Я приложил немало сил, чтобы написать этот роман.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
1	15
2	58
3	72
4	83
5	100
6	119
7	139
8	153
9	166
10	187
11	199
12	208
13	217
14	226
15	238
16	251
17	265
18	283
19	306
20	315
21	324
22	338

23	364
24	378
25	396
26	403

Петр Сосновский

Папенькина дочка

ОТ АВТОРА

Эту книгу – «Папенькина дочка» я написал быстро. Правда, торопливость во время письма не позволяла мне кропотливо подбирать слова, оттачивать предложения, четко выделять абзацы, главы, но была хороша тем, что я сохранил целостность задуманного сюжета и не потерял ни одной мысли при повествовании. Посидеть над бумагой, воображаемой – монитором (от настоящей – я уже давно отказался и использую для письма только компьютер) можно после, когда дописана последняя строка и книга готова.

Отчего я был вынужден писать быстро, не имея четкого пространственного плана? Потому что его разработка требует много времени, а еще детального обдумывания сюжета, которое можно сделать непосредственно при повествовании. Неинтересно заниматься одним и тем же делом дважды. Я только единожды занимался написанием плана, работая над первой своей большой книгой. Это была проба пера – решил, до каких пор увлекаться одними рассказами, пора что-то и серьезное создать. И то, я тогда написал план, разбросал все по полочкам не сразу, а когда уже были готовы несколько

глав, и я запутался. Не в состоянии был сделать и «шага». Для других моих повествований он уже не требовался. Буду надеяться, что не потребуется и в дальнейшем.

Тему, а также и название для книги мне помогла найти коллега по работе солидная женщина заместитель директора научно-исследовательского института. Я разузнал у нее, что она долгое время была папенькиной дочкой, а также мне удалось, выяснить, с чем это было связано.

За написание книги я принялся ни сразу, прошло время, рассказ коллеги был подзабыт. Возможно, я бы и ни сел за компьютер, но в детстве мне приходилось слышать выражение: «папенькина дочка». Оно в моей жизни не было случайным, так как моя мать была второй женой отца. От первой – где-то далеко на западе страны у него была дочь – моя старшая сестра. Долгое время я о ней ничего не знал.

Родители, не только мать, но и отец ее прятали от меня, долго, сколько возможно. Соседская девочка проболталась. Я даже запомнил ее имя – это Маня.

Она уже посматривала на мальчиков, любила вникать в разговоры взрослых – подслушивать. Однажды, Маня забежала к нам домой для передачи на словах чего-то важного моей матери. Ее отправила бабушка. Матери дома не оказалось, и девочка в ожидании принялась пялиться на фотографии в больших рамках – раньше их модно было вывешивать на стены, а не хранить в фотоальбомах. Разглядывая фотографии, она увидела совместный портрет отца и матери, и

лукаво взглянув на меня, поинтересовалась, не с первой ли женой мой отец сфотографирован. Я ничего не знал о жизни отца до его встречи с матерью и не понял ее, сказал, чтобы она валила из дома да поскорее. Маня тут же манерно принялась ойкать, затем обозвала меня маленьким, выходя за калитку, словно невзначай, сообщила о том, что у меня есть старшая сестра. Я замахнулся на нее рукой и она, засмеявшись, убежала.

Неделю-две мне было не по себе, я находился в неведении, но подойти к родителям не только к отцу, но и к матери и расспросить у них о старшей сестре, я не смел, пока однажды не нашел случайно оставленное отцом письмо и не прочитал его. Оно было от папенькиной дочки. Затем, много лет спустя, я с нею встретился, познакомился.

Память о встрече со старшей сестрой – «папенькиной дочкой» и рассказ сотрудницы подтолкнули меня сесть за книгу. Правда, я использовал то, что осталось в памяти. Не надо-есть же женщине-коллеге снова и лезть со своими расспросами. Кто я такой? Ну, да ладно. Материала мне хватило. Я добавил в ее сюжет еще одну папенькину дочку – свою старшую сестру по отцовской линии. Брат женщины – бедолага стал моим братом, судьба которого чуть менее трагична, но также по-своему несчастна. То, о чем я не знал или же позабыл, я нашел в своей жизни. В ней было предостаточно всяких событий и хороших, и плохих.

В желании уйти от фальши при работе над книгой «Па-

пенькина дочка» я должен был повествовать от лица девушки, женщины, или же от автора, но никак ни юноши, мужчины. Но у меня не было уверенности в своих способностях полно передать женскую душу.

Женщина – это женщина. Оставалось писать от автора. Опыт, имелся. Я попробовал, но скоро отказался, желание ощущать себя участником событий, рассказанных коллегой, перевесило, и я принялся повествовать от лица жениха, затем мужа героини – папенькиной дочки.

Муж реальной героини был учителем физкультуры, занимался легкой атлетикой, мечтал об олимпийских медалях и я, то есть мой герой Андрей Асоков тоже. В отличие от него, я работал «в науке» и отношения к профессиональному спорту не имел. Но что важно – в науке, как и в спорте, главной чертой характера является упорство и целеустремленность. Я постарался и наделил этими качествами Андрея Асокова. Он, не стоит на месте, постоянно развивается, добивается звания мастера спорта в легкой атлетике, преподает физическую культуру в техникуме, без отрыва от работы поступает в физкультурный институт.

Андрей Асоков студент и папенькина дочка Светлана Зорова, отчего-то Зорова, а не... – Ямаева, тоже студентка. Она приехала на учебу из поселка в подмосковный городок – на родину Андрея и встретила с ним в Доме культуры машиностроительного завода.

В жизни подобных ситуаций сколь угодно много. Для

встречи молодых людей потребовалось время, подруга Татьяна Полнушка и брат Зоровой – Алексей. Валентина – другая подруга Светланы тоже сыграет свою роль, но значительно позже. Рядом возле Андрея Асокова будут находиться друзья Виктор Преснов и Михаил Крутов. У последнего – свое мнение о приезжих девушках. С ними можно гулять, а жениться необходимо на своих, местных, считает парень. Мне, по книге – Андрею Асокову знакомо это мнение. Долгое время я (автор) жил в большом селе (ранее посаде) недалеко от сельскохозяйственного училища, в котором учились девчонки, приобретая специальности бухгалтеров, цветоводов, овощеводов и другие. Парней почти не было, а если и были, то одни ветеринары. Они тогда не котировались. Мне было с кого списать характеры своих героев, и я это делал с удовольствием.

Андрей Асоков, познакомившись с девушкой, стал ухаживать за ней. Они полюбили друг дружку. Парень познакомил девушку со своими родителями: отцом Николаем Валентовичем высокообразованным, культурным человеком, пользующимся любовью у женщин – министерским работником и матерью Любовь Ивановной начальником центральной заводской лаборатории. А вот когда настало время знакомства с родителями Светланы, возникли проблемы. Затем оно это знакомство состоялось, но девушка вдруг неожиданно исчезла, и долгое время избегала встреч с Андреем. Он мучился, искал ее, не понимая причин разлуки. Филипп Григорьевич

Ямаев, хотя возможно его звали-величали иначе, так как он был то ли башкир то ли татарин – отец Светланы неожиданно влез в жизнь Андрея и, видя, что молодой человек любит его дочь, поженил их.

Тестя Андрея Асокова – Филиппа Григорьевича я слепил из нескольких человек, знакомых мне. Одним из них был мой отец. Правда, он присутствует и в Николае Валентовиче – отце Андрея Асокова. Для создания портрета Николая Валентовича я оживил в своей памяти взаимоотношения с одним знакомым, с которым однажды работал на заводе, а затем в научно-исследовательском институте. Его, как и отца Андрея Асокова забрали с завода на работу в министерство, а затем вовремя передрыг, начавшихся в стране, уволили и предложили ему место в НИИ, где мы снова встретились и долгое время трудились вместе. Общение с бывшим министерским работником помогло мне и не только оно – лет несколько я был вхож, в министерство автомобильной отрасли, так как после перехода НИИ на хозрасчет вел договора.

Женитьба Андрея Асокова и Светланы Зоровой соединила Николая Валентовича и Филиппа Григорьевича, хоть они и были разные, но неожиданно сошлись, предавшись воспоминаниям о военных днях, оба были фронтовики. И еще что важно им не помешало то, что они, имели разное образование и национальные корни. Главное – выросли в огромной многонациональной стране и воспитаны были на принципах

интернационализма.

Задолго до событий, которые разворачиваются в книге «Папенькина дочка» Филипп Григорьевич Ямаев, возвращаясь с войны, не доехал до дома. Он, желая день-два отдохнуть у товарища-однополчанина будущего отца Татьяны Полнушки, неожиданно влюбился в русскую женщину солдатку вдову Марию Федоровну Зорову и пригрозил с нею дочку. Не один раз Ямаев пытался отправиться домой и повиниться перед родными, уладить отношения, но что-то его всегда удерживало. Однажды он, вняв совету Николая Валентовича, решается и едет к себе в Башкирию, чтобы поставить все точки на «и».

Отъезд Филиппа Григорьевича выпал на нелегкое время – развал страны. Фиктивный развод дочери Светланы с Андреем Асоковым, необходимый

Николаю Валентовичу чтобы получить квартиру для своей дочери Инги выводит Ямаева из себя. Правда, не сам развод, а то, что его любименькая доченька снова – Зорова, а не Ямаева. Уж лучше бы она оставила фамилию мужа, так нет же.

Забыты принципы равенства, братства, равноправия среди людей великого могучего государства СССР. Это забывчивость, посеянная и взращенная мелкопоместными князьками – правителями республик необходима для развала страны.

Николай Валентович отец Андрея Асокова, как и Филипп

Григорьевич отправляется в нелегкий путь, но не на восток, а на юг страны. Он знает зачем – спасти свою дочь Ингу и внука, вытащить их из «очага национальных распрей» и привезти в городок. Для них в Москве готова квартира, доставшаяся большой ценой – благодаря фиктивному разводу Андрея и Светланы. Это ему удастся, но пожить уже не суждено, «наци» отколотили Николая Валентовича, и он по возвращении умирает.

Филипп Григорьевич из-за мнимого предательства дочери, прибыв в Башкирию, хочет остаток лет прожить на родине, но это сделать непросто, так ему объяснили «наци». Для того чтобы стать одним из сынов своего народа, влиться в его сообщество он должен в ненавистной Москве надеть пояс моджахеда.

За это ему проститься проживание на чужбине. Он будет признан своим, пусть и на том свете, но своим. Ему воздадут похвалы в мечетях по всей стране.

Мне знакомо чувство хаоса и неопределенности. Моя семья и знакомые, гостившие у нас в Москве, пережили опасный момент, отправив детей на концерт в Тушино. Я был вынужден даже вызвать скорую помощь для женщин. Они были вне себя. Причина была в том, что люди, одевшие пояса моджахедов, принялись подрывать себя. Одну из террористок схватили и обезвредили. Они подобно Ямаеву хотели приобщиться к своему национальному сообществу, религии, но на том свете. Мой герой Филипп Григорьевич, от-

правившись на поезде в Москву, не погиб на массовом мероприятии, находясь в забытьи, он вдруг видит образ Николая Валентовича, тот выталкивает его из вагона для того, чтобы Филипп Григорьевич заехал и простился с Марией Федоровной и дочерью. Оказавшись в поселке, Ямаев осознает, что не чужой здесь, о нем не забыли, беспокоились и встретили со слезами радости, даже Алексей Зоров и тот не помнил ему ничего плохого.

Филипп Григорьевич оказывается дома в знаменательный день венчания Андрея и Светланы – своей доченьки. Их близкие, родные, друзья поздравляют молодых, почему бы им не быть таковыми, не смотря на годы. Андрей Асоков, соединившись со Светланой, осознает, что его отец Николай Валентович не мог быть разлучником, он предвидел будущее семьи сына Андрея и помог своей дочке – его старшей сестре. Не забыт Николай Валентович и Филиппом Григорьевичем. Он только о нем и думал, переживает по поводу смерти свата, которого сгубили «наци». Ему не нужна призрачная родина. Его родина, это небольшой поселок, близ маленького городка и большой огромной Москвы, захваченной кучкой зажавшихся олигархов, виноватой во всех грехах и оттого, раздираемой на части. Москва должна очиститься, и не только она, но и другие большие города, уже вкушившие «кровавого мяса» – человеческого горя простых людей. Мои герои чувствуют, что благостью веет с некогда заброшенных и восстановленных церквей, а еще с нераспаханных брошен-

ных полей, заросших по пояс и выше – травами и цветами. Жизнь наладится. Пустоши будут распаханы, не только реальные, но и в головах людей – страна поднимется с колен, научиться ценить обычного человека с его маленькими запросами и большими духовными желаниями.

2010г.

1

Девушка меня поразила. Ее, я увидел на танцах в Доме культуры машиностроительного завода. Она была невысокого роста, тонкая, как осинка в простом незамысловатом платьице, на ее точеных ножках красовались черные туфельки на каблучках. У нее были большие зеленые глаза, аккуратный носик, пухленькие губы и густые русые волосы с отдельными вьющимися прядями. Возможно, девушка, до того, как отправиться на вечер накручивала их и долго ходила в папилютках. Других доступных способов применимых в домашних условиях тогда не существовало. Не идти же в парикмахерскую.

Зеленые глаза девушки слегка выделялись, будто тлели в полутемном зале и лишь при встрече с моим взглядом вспыхнули ярко-ярко подобно огню электросварки. На мгновенье я ослеп и долго приходил в себя...

– Ну, что, поймал «зайца»? – спросил, находившийся рядом друг детства Виктор Преснов, и засмеялся, за ним следом загоготал другой мой однокурсник Михаил Крутов. Он будущий технолог по сварке как никто другой понимал слова товарища.

Я учился с парнями в техникуме и, кроме этого, серьезно увлекался легкой атлетикой. Мне неплохо давались: бег, прыжки, как в высоту, так и в длину, я далеко метал диск,

копье, а еще делал много упражнений на перекладине, особенно эффектно крутил «солнце». Что интересного в том? Занятия тут же прерывались. Не только девчонки, но и многие из ребят моей группы засматривались на меня.

– Да-а-а, ты мастак, – не раз говорил мне Виктор Преснов, – я просто завидую...

– И я, – тут же добавлял другой мой товарищ.

Не раз я срывал аплодисменты восторженных зрителей. От девушек не было отбоя. Хвалили. Однако я не задавался, не робел – вел себя спокойно, а тут вдруг... Опешил – другого слова не придумаешь.

На танцы я попал случайно. Мое своевольное поведение могло помешать мне, следовать режиму, который однажды установил мой физорг – Олег Анатольевич Физурнов.

Он не зря меня выделил среди студентов техникума. В избранные попали не многие. Из всех групп нас набралось человек пять, не больше. Мои друзья – Виктор Преснов и Михаил Крутов ему чем-то не подошли, он их забраковал. Я отличался от них телосложением. Оно было безукоризненным. Взглянув на меня, преподаватель физкультуры определил, что я способен прославить себя, техникум, а еще в придачу и его.

– Андрей Асоков, у тебя хорошие физические данные! – сказал мне Олег Анатольевич. – Я, думаю, через год, два ты уже станешь мастером спорта. И знаешь, не буду загадывать, но все может случиться – чем черт не шутит, возьмешь

и вырвешься – выступишь ни где-нибудь в районе, в самой Москве.

Столица находилась не далеко – рукой подать – километров тридцать от нашего городка. Физурнов сам когда-то мечтал о большом спорте, часто смотрел в сторону мегаполиса, он успешно шел, но что-то у него не получилось, поговаривали, помешала травма ноги. Я видел, что когда он нервничал, то начинал слегка прихрамывать.

На занятиях группы Олег Анатольевич работал в основном только со мной. Остальные беспокоили его постольку поскольку. Большею частью мои однокурсники находились недалеко, вблизи, выполняя простые физические упражнения или же получив от преподавателя мяч, шли на поле играть в футбол.

Физические нагрузки я приветствовал. Мне нравилось качаться. Однако из-за занятий спортом я не только в учебном заведении, но и дома был не свободен. Они у меня забирали массу времени. Я чувствовал присутствие Физурнова, он словно дышал мне в спину, находился рядом.

Спорт давал силу. Эта самая сила приносила мне ощущение легкости. Я, после занятий физкультурой, домой не плелся, не тащил еле-еле ноги, как многие из моих знакомых, а летел. Чувство полета мне было знакомо еще со времени службы в армии. Оно было прекрасно, но что меня в жизни тяготило – я должен был рано ложиться спать и рано вставать. Из-за этого я много терял. Прежде всего, мне не

хватало общения с друзьями.

Однажды, после очередного отказа пойти в кино, Виктор Преснов, не удержался и сказал:

– Андрей, армия тебя испортила. Я бы тебя понял, если бы ты устроился на работу в Москве и изо дня в день мотался на электричке. Ну, пусть, на крайний случай, сменами работал у нас на машзаводе в горячем цеху, как мой отец или, например, отец Михаила. Так нет же! Ты здесь – и тебя нет!

– Не-е-е, не наш ты, чужой, – тут же поддержал его, стоящий рядом Михаил Крутов – Мы ведь также, как и ты отслужили в армии, – продолжил он свою речь. – Пусть вернулись чуть раньше, раньше пошли – курсы шоферов, как ты мы не кончали, но не чокнулись же? А ты – чокнулся! На этой? Как там... – на мгновенье запнулся и продолжил: – своей гимнастике, – после чего сделал несколько движений. Одно из них было рукой у головы. Что меня слегка вывело из себя. Преснов это заметил. Он знал, что я мог двинуть парню кулаком в дых и вовремя встал, между нами.

Я решил не связываться, но для того, чтобы показать свое неприятие, придав голосу жесткость, тут же поправил Крутова:

– Не на гимнастике, а на атлетике, легкой, – и посмотрел ему прямо в глаза. Он слегка отодвинулся и, выглянув из-за спины Преснова, тут же неожиданно со мной согласился:

– Ну, пусть на атлетике.

– Легкой! – сказал я.

– Да-да, легкой, – добавил он.

– Да какая разница. О чем спор. Гимнастика или атлетика, – тут же выдал Преснов, придя Крутову на помощь. – Не в этом дело. Друзья так не поступают. Запомни, Андрей, не поступают.

Я с ребятами согласился. Мне было перед ними неудобно, чувствовал вину, если бы нет – с чего бы вдруг поддался на уговоры Виктора пойти на танцы, танцевать я ведь толком не умел. Мне до сих пор не понятно, как это произошло.

День был как день. Ничего такого особенного. Я, вернувшись из техникума, пообедал, затем немного позанимался – полистал лекции. После отправился в спортзал. Там, меня уже ожидал Олег Анатольевич Физурнов. Под его присмотром я как следует, четко, от и до, отработал положенных два часа.

– Молодец! Все, как надо! – сказал мне мой физорг. – Иди домой. Отдыхай. Завтра жду! – Я попрощался с Олегом Анатольевичем, оделся в легкую не по сезону курточку, и вышел из спортзала. Немного прошелся размеренным шагом, отдалившись от техникума, почувствовав холод, чтобы разогреться, не удержался, побежал, используя окольные пути, сделал три километра и уже распаренный оказался у дома.

Дверь мне открыла мать. Она уже вернулась с машиностроительного завода, где работала начальником центральной лаборатории. Там все ее называли по имени и отчеству. Я тоже иногда обращался к ней со словами: «Любовь Ива-

новна, а можно мне...». Она замахивалась на меня полотенцем и кричала: «Андрей, не смей меня так называть. Мы находимся дома, а ни где-нибудь. Я тебе кто? Мать! Понятно тебе это».

– Понятно, понятно, – тут же соглашался я, но проходило время, и о нашей договоренности забывал.

Мать готовила ужин. Я был голоден, но себя сдержал. Мне было известно: она не любила, когда я что-то хватал у нее из-под руки, поэтому, заглянув на кухню, я тут же отправиться к себе в комнату. Там, от нечего делать, я достал из-под кровати гири-пудовики и принялся выполнять упражнения. Ловко подбрасывал их и ловил.

Мой товарищ появился неожиданно. Вначале я услышал из прихожей его громкий голос:

– Любовь Ивановна, а Андрей дома? – затем, не менее громкий, ответ из кухни матери:

– А где же ему быть? Дома! Ты бы хоть его вытянул куда-нибудь – один спорт на уме. Занятия, занятия и занятия. Свихнуться можно! Иди он там у себя... – А затем я увидел Виктора Крутова. Он меня не баловал своим посещением, да и я у него после возвращения из армии бывал редко. Я рад был видеться с другом, но не мог. Наше общение ограничивалось лишь тем временем, которое у нас было в техникуме. Преснов больше толкался с Крутовым. Я, во время перерыва стоял рядом возле них и слушал. Договариваться о чем-то, я не смел. Это у них всегда были длинными вечера, и мучи-

ла проблема, как их «убить». Мне понятно – катастрофически не хватало времени.

Мой товарищ меня отвлек – минут десять-пятнадцать можно было бы позаниматься. Ужин еще не был готов. Но, я решил на сегодня достаточно. Я, толкнул раз несколько гири-пудовики, затем поставил их на место. У меня не было желания выполнять упражнения под внимательным взглядом друга.

– Как ты? – поинтересовался я и тут же добавил: – Все нормально?

– Да! – ответил Виктор.

– Подожди минут пять, – попросил я друга, – сейчас схожу в ванную. Хорошо? – и тут же вышел из комнаты.

Когда я вновь предстал перед Виктором, он, не дожидаясь лишних вопросов, принялся меня «укладывать на лопатки» – я сразу заметил: ему что-то от меня надо. Для этого было достаточно подслушанного случайно разговора Преснова с моей матерью. Ее слова для парня оказались, кстати. Он понял, что в случае необходимости она придет ему на помощь.

Матери, да и отцу, но ей в первую очередь не нравилось то, что я очень уж рьяно занимался спортом. Ей казалось, что Олег Анатольевич меня использует.

«Спорт – это хорошо, но зачем ты так выкладываешься. Все, должно быть в меру, – часто говорила мне мать. – Я не хочу, чтобы мой сын – молодой парень калечил себя – тянул

жилы ради каких-то званий, призов и медалей».

Отца беспокоило то, что занятия легкой атлетикой забирала у меня все время, и я не мог гулять с девушками. Я часто от него слышал:

– Андрей, я тебя никак не пойму? Ты же мой сын. Я в твои годы уже был женат. Посмотри на меня. Женщины вокруг меня как пчелы крутятся. Но я ведь старый, а ты? Ты, что монах?

Что я мог ответить? Ничего. Правда, отец не договаривал. Я знал о его первой женитьбе – Николая Валентовича напоили и расписали в Загсе с ненужной ему женщиной. От нее он, после еле избавился, долгое время не брал даже капли в рот спиртного.

Мой друг Преснов меня буравил глазами. Я отводил взгляд, дергал головой, пытаюсь его стряхнуть. Ничего не помогло.

– Асоков! Я, к тебе с просьбой, – сказал он. – Ты знаешь Михаила Крутова. Я чуть, что к нему. Сегодня он занят, а мне позарез нужно быть на танцах. Я, тебя, никогда не просил. Сейчас прошу! Танцы – это та же физкультура. Немного развеешься. Тебе это не помешает. Ты вон как гири толкаешь! – Я молчал. Преснов всматривался в мое лицо, ловил мой взгляд.

– Ты, пойми, я не собираюсь тебя втягивать ни в какие конфликты, – сказал мне друг. Не беспокойся, драться тебе не придется. Мне нужно лишь твое присутствие. – И я дрог-

нул. Наверное, из-за того, что за спиной невольно ощущал присутствие матери. Она в любую минуту могла предстать передо мной и сказать: «Иди сынок! Иди!». Слова друга: «Я, тебя, никогда не просил, сейчас прошу!» – также возымели на меня свое действие и я немного попиравшись, дал «добро».

Одно время я ходил на танцы. Не много, раза два-три, но это сразу же после возвращения из армии. Затем я поступил в техникум, познакомился с Олегом Анатольевичем и на этом мои «гулянки» окончились. И вот после значительного перерыва я вновь отважился рискнуть.

На танцы мы отправились ни сразу. Я вначале поужинал, затем принялся подбирать одежду. Она у меня была спортивного покроя и к данному мероприятию не очень подходила. Мне пришлось долго копаться в шифоньере, я бы так и не выбрал подходящую, но мать помогла:

– Сынок, надень брюки, рубашку и свитер. Брюки прежде отгладь. Да и не забудь сапоги – они должны блестеть, как у отца!

Мой отец Николай Валентович любил наряжаться. Одежда у него была безукоризненной. Мать это связывала не только с работой, но и с тем, что его словно магнитом тянуло к слабому полу. Шикарные костюмы, рубашки, особенно галстуки, помогали отцу быть с этим самым полом «на высоте», вести себя свободно, без стеснения. Я с ним сравниться не мог. Отец часто предлагал мне отправиться в столицу и как

следует приодеться, но я был равнодушен, отказывался. Мне было достаточно того набора, который однажды второпях я купил себе вместе с матерью в нашем местном универмаге после возвращения со службы в армии. Сейчас я мог винить только себя. Размышлять долго, не было времени. Я оделся, как мне велела мать, и предстал перед зеркалом. В нем я увидел какого-то напыщенного парня. Мне мой вид не понравился.

– Мам, посмотри на меня, – спросил я, – ну, разве вот так будет хорошо? Ты согласна меня отпустить? – я, нарочно неуклюже, повел большими широкими плечами.

– Да, я тебя отпускаю, – улыбнувшись, ответила мать.

Я не удержался и задал ей провокационный вопрос:

– Ты хочешь, чтобы я был похож на отца?

Мать с моим отцом Николаем Валентовичем намучилась. Он, как считала она, ни одной юбки не пропускал.

– Нет, не смей! – неожиданно громко выкрикнула мать, затем, взглянув на моего товарища, чуть мягче добавила:

– Иди уж! – и подтолкнула меня к двери. Мне ничего не оставалось – пойти на танцы.

На улице была поздняя осень, лежал снег. Я, надел пальто, на голову шапку и, конечно же, не забыл – начистил сапоги. Закрывая за собой дверь, я мельком заметил, что мать расстроена, хотя она и с одобрением посмотрела на моего друга. Ее довольство заключалось в том, что Виктор Преснов сумел меня расшевелить – вытянул в свет, на люди. Нет, она

не верила в то, что я стану таким как мой отец, иначе бы не отпустила.

Дом культуры машиностроительного завода находился в большом старом здании, распластавшемся на пригорке среди могучих тополей городского парка. Он стоял на соседней улице, недалеко от дома, и я решил – ладно немного потолкаюсь с товарищем, ничего страшного не произойдет, затем прогуляюсь по свежему воздуху и на боковую.

Танцы начинались в восемь вечера. Отец приезжал домой часов в девять-десять, а порой и позже. У меня было желание вернуться до его приезда.

Отец работал в Москве в каком-то министерстве. У него была служебная машина. Однако он от домашних это обстоятельство скрывал, пользовался ею, не утруждая водителя: часто отпускал его; если ехал домой, то лишь до городка, а после добирался на маршрутном автобусе или же пешком.

– Уж шибко дорога длинная, – коверкая слова, виновато улыбаясь, оправдывался он перед Любовью Ивановной.

– Знаю я тебя! – отвечала мать. – Дорога здесь ни причем. Снова у какой-нибудь финтифлюшки задержался?

Я часто слышал, как соседки за спиной у матери «перемывали косточки» Николая Валентовича. Любовь Ивановна была не первая и даже не вторая женщина в его жизни. У нас не раз случались конфликты, способные разрушить семью. Мать все делала для ее сохранения.

Однажды и я сыграл в том не последнюю роль. Из детства

мне памятен один эпизод. С одной стороны я и мать, с другой у порога – отец, незнакомая странной внешности женщина с чемоданом и тоненькая хрупкая девочка.

Я тогда не понимал происходящего, да и сейчас оно для меня покрыто тайной, однако мне четко слышится шепот матери:

– Сынок, хочешь, чтобы папка нас не бросил, возьми прут и отлупи девочку. Дай ей как следует, чтоб она закричала: «Домой хочу! Домой!» – Пусть они уезжают без твоего папки.

Я выполнил требование матери, хотя и был меньше девочки – заставил ее плакать. Отец не уехал. А может быть он, и не должен был уехать – все это мои фантазии, выдумки – сон?

С танцев я возвратился поздно. Отец меня опередил. Я задержался, и все из-за девушки. Она мне попала на глаза случайно, ее я вырвал из массы танцующих пар, и долго, не отрываясь, следил за ней взглядом. Девушка танцевала со своей подругой. Странно им девчонкам это делать позволялось. Нам ребятам нет. Сразу бы подняли на смех.

Трудно было сказать, что мне в ней понравилось – не знаю. Стоило мне заглянуть в ее зеленые глаза, и я был заморожен. Девушка обладала силой. Нет – не физической. Это было что-то другое. Она вела себя гордо, независимо, с достоинством. С ребятами не танцевала, отказывала им – искала своего единственного, как я узнал после – меня.

Танцы окончились. Я неторопливо направился к выходу. Передо мной мелькнул профиль зеленоглазой красавицы. Она о чем-то живо говорила, подружки, следовавшие за нею, внимательно слушали. Я уже был готов подойти к девушке, но меня отвлек неожиданно появившийся в Доме культуры, Крутов и разрушил мое намерение.

– Асоков! Подожди минуточку! – он схватил меня за рукав и развернул таким образом, что моя зазноба исчезла с поля видимости. – Ты не видел Преснова. Я не мог с ним пойти. Это хорошо, что ты меня выручил...

– Да, здесь он, где-то рядом, крутится возле одной особы, – перебил я товарища, чтобы как можно быстрее отделаться от него.

– Ну, ладно, давай, – сказал он, заметив невдалеке Виктора, и тут же исчез в толпе ребят.

Я осмотрелся. Девушки не было. Вышел на улицу. Было темно и холодно. Желания идти домой я не испытывал. На душе было паршиво. Я ругал себя: мог не дожидаться окончания танцев – подойти, познакомиться с девушкой – мог быть в тот вечер решительным, но отчего то не был. Еще я ругал друга за то, что он меня бросил, хотя и знал о том наперед. Я помог ему своим грозным видом – отбил претендентов. Он завоевал желанную для себя подружку – и все. Я свободен.

Минут пять я находился в нерешительности. Однако долго стоять на крыльце дома культуры было неудобно, я мыс-

ленно махнул на все рукой и отправился домой. А куда мне можно было пойти – некуда. Я выбрал дальний путь. Прошелся по центральной улице, затем свернул на прилегающую к ней другую и уже после вышел на свою. Наверное, из-за этого домой я пришел чуть позже отца.

У меня была надежда – через день-два, мои переживания притупятся. Но этого не случилось. Мои попытки забыть девушку, увиденную на танцах, были тщетны. Интуитивно я чувствовал – мне с ней будет нелегко – буду мучиться, ни один раз испытаю разочарования, но отчего то не остановился. Меня тянуло к ней. Влечение было так велико, что я с трудом дождался следующих танцев в Доме культуры и как только мои друзья Виктор и Михаил принялись договариваться о встрече, сам влез в их разговор:

– Я тоже с вами! – Они отнеслись ко мне доброжелательно – обрадовались и с удовольствием приняли к себе в компанию.

– Молодец Асоков, молоток! – долго хлопал меня Преснов по плечу. – Я вечером за тобой забегу!

– Нет, я сам зайду! – необычно громко выкрикнул я.

– Хорошо! Как хочешь! – тут же согласился друг. – Заходи. – И назвал время встречи.

Мне не хотелось афишировать: я намеревался выйти из дома незаметно для родителей. Но как я не пытался выскользнуть вначале во двор, покрутиться там и уже после отправиться на танцы у меня ничего не получилось. Мать бы-

ла тут как тут. И отец отчего-то вернулся в этот день домой рано.

Он первый заметил мои сборы, понял, с чем они связаны и толкнул возвышенную речь:

– Андрей, я рад за тебя, наконец, ты будешь окружен девушками, красивыми девушками. Их на танцах всегда много. Я это знаю. Нашу странную, непонятную жизнь только они, они способны украсить, сделать осмысленной и нужной.

Мать тут же обратила мое внимание на то, что отец женщин видит насквозь.

– Нам, от него не скрыться, – услышал я ее слова. – Мы перед ним нагие. Это его и толкает на подвиги. Одно слово – Ловелас. Ты, Андрей его не слушай!

Я заметил, как отец слегка поморщился, однако возражать ей не стал. Он часто вел себя, как нашкодивший кот, вернувшийся домой, после удачного мероприятия и поэтому от-малчивался. Мать это замечала и с годами, хотя и наседала на отца, но уже не так рьяно. Зачем расстраивать его и нервничать самой.

Моя мать Любовь Ивановна за Николаем Валентовичем жила неплохо. Она никогда не считала, что он загубил ей жизнь. При нем Любовь Ивановна расцвела – мужиков было раз-два, и обчелся – многих забрала война. Рядом хватало одиноких, не знавших мужского тепла красавиц. Ей завидовали – и оттого злословили. У нее было все. Чего бы она еще хотела? Так это – жить в Москве. О Москве мать мечтала

с детства – не удалось. Жизнь – изменила случайная командировка. Однажды ее, молодого специалиста машиностроительного завода отправили для выяснения какого-то вопроса на юг страны, где она и встретила отца. Главному инженеру однопрофильного предприятия девушка понравилась. Он не переадресовал ее другому человеку, а занялся сам – помог выполнить задание. Хотел даже задержать – продлить пребывание молодого специалиста, но отчего-то постеснялся. Отчего не мог объяснить. Намешано в нем было много чего – жил на перекрестке ста дорог. Могла сыграть в нем в тот момент кровь южного предка, не сыграла, заполнила сердце русская. Они тоже были в его генеалогическом древе.

Любовь Ивановна хотела уехать в Москву после окончания института. Но не получилось, ей пришлось ухаживать за престарелыми родителями. Не могла она их оставить, бросить. Затем матери помешало замужество.

Большой мегаполис – близкий – тридцать километров всего от городка и далекий тянул ее к себе. Там ее жизнь была бы совершенно иной – Николай Валентович всегда был бы у нее на глазах. Но так ли это было бы – большой вопрос. Одно мне было ясно, отец любил наш маленький городишко – родину моей матери. Столица отцу и даром не нужна была. Она у него ассоциировалась с работой и всего лишь.

Жизнь отца – прошлая, до определенного момента, где-то на юге страны, мне была совершенно неизвестна. О ней он не рассказывал, наверное, из-за того, что она ему была ко-

гда-то навязана вместе с должностью главного инженера на одном крупном заводе или же по причине того, что он не хотел травмировать мать. Я знаю, свой перевод в министерство Николай Валентович принял, как судьбу – с энтузиазмом. Он приехал не в столицу, куда его пытался вытащить какой-то товарищ – он приехал к Любви Ивановне. После того, как она дала добро выйти за него замуж, Николай Валентович поспешил в министерство в Москву с чувством благодарности к другу, хотя в дальнейшем особенно и не привечал его. Дома мне товарища отца удалось увидеть лишь однажды и то по случаю, требующему его безотлагательного участия.

Я, часто смотрел на мать. В ее жизни я также, как и в жизни отца находил много белых пятен не понятных мне. Любовь Ивановна была красавица. За ней должны были увиваться мужчины, да и увивались, но она строго держалась за Николая Валентовича. Бросая взгляды в прошлое, я нет-нет и приходил к мысли, что такую женщину как мать Николай Валентович просто ни мог не полюбить.

Задолго до начала танцев – я оделся и побежал к Преснову. Он жил на соседней улице. Дворами до него можно было добраться за пять-десять минут.

Дом был двухэтажный. Я вошел в нужный мне подъезд и, не поднимаясь, принялся давить на кнопку звонка.

Дверь мне открыла мать Виктора – Нина Михайловна, невысокого роста, плотная женщина. Где-то в глубине помещения до меня донесся хриплый голос его отца: «Кто это

там?»

Я тут же ответил:

– Это я, Андрей!

– Ах, Андрей. Давно не был, давно. Ты, проходи, Виктор уже ждет! – сказал, вывалившись из комнаты в прихожую, Василий Владимирович – крупный, знающий себе цену мужик.

Василий Владимирович Преснов был очень доволен своей жизнью – он с семьей жил в большой отдельной квартире, выданной ему заводом, получал прилично и часто за спиной я от него слышал: «Ну, и что, что Николай Валентович имеет приличную должность? Я рабочий, но у меня зарплата по более его будет».

Годы лихолетья – застоя и так называемой перестройки с Василия Владимировича Преснова уже пенсионера лоск довольства сдули. Он ходил, мыкался по улицам и всем знакомым, а порой даже чужим людям жаловался: «Обобрали нас. Не пенсия – слезы. Я всю жизнь проработал кузнецом – не каждый смог бы, не каждый. (Тут он был прав.) А они – эти буржуи обещали нам счастливое будущее! Мы, как дети верили им! Обманули нас, обманули, вот раньше жили, так жили! Нужно гнать этих кровопивцев с трона, гнать взащей. У нас разные дороги. Им, нас рабочих не понять».

Танцы в доме культуры были не часто два раза в неделю. Это меня устраивало. Я не хотел огорчать Физурнова. Мое своевольное поведение не должно было сказаться на спор-

тивных результатах – иначе мне несдобровать.

Дом культуры я посещал осторожно. Для меня было важно знать, девушка пришла или нет. Я, входил в зал, осматривался. Находил ее – в противном случае – отправлялся домой. Танцевать я не умел, крутился возле ребят Виктора и Михаила – пробовал: под быструю музыку – прыгал, а под медленную – топтался, переминаясь с ноги на ногу. Все это я проделывал, приглашая своих знакомых – местных девчонков. Моя зазноба была не из их числа – приезжая.

Наш городок держался только за счет машиностроительного завода. Его сокращенно называли – «машзаводом». Я не знал ни одной семьи, в которой хотя бы кто-то из ее членов когда-нибудь да не работал на нем. На машиностроительном заводе работала моя мать. На нем работали родители моих друзей.

Техникум снабжал завод специалистами, а нашим парням еще давал невест. Многие девушки после его окончания, выйдя замуж, оставались жить тут же в городке.

На танцах крутились в основном свои ребята, – чужие – иногородние – остерегались. Если и ходили, то только «сорви головы». Им было море по колено. Они, не глядя на размеры кулаков наших парней, какими бы они не были большими – не боялись.

Местные – свои девчонки у нас в городке особым расположением у ребят не пользовались. Все внимание отдавалось приезжим. Прежде, всего, из-за того, что они вели себя бо-

лее расковано – не чувствовали рядом за собой надзора родителей. Еще с ними было легко общаться. Не маловажное значение имело и то, что многие из них до того поражали нас своей красотой – мы просто обалдевали.

Правда, я, долгое время, не обращал внимания ни на своих девчонок, ни на чужих – приезжих. На лекциях я слушал преподавателей, а не крутил по сторонам головой. Из-за этого друзья надо мной часто подтрунивали. Они считали, что я у себя на уме. По их мнению, раз я пришел из армии, то должен был гулять направо, но вот не гулял, это многих задевало.

Для них я был не от мира сего. Однако издеваться надо мной они не смели, опасно было. Я имел большие кулаки, прощать мог только самым близким мне людям. Надо мной изгалялся Виктор Преснов или же Михаил Крутов. И то потому, что в их насмешках не было злобы. Еще, мне они были знакомы со школы. Это что-то да значило.

Я с интересом наблюдал, как Преснов, толкая в бок Михаила, крутившегося рядом и «делая глаза» в сторону моей зазнобы каким-то ненормальным, голосом, отделяя каждое слово, декламировал мне:

– «Андрей», «Асоков», «ну», «что», «ты» «ее», «боишься»! «Подойди», «пригласи» «на танец». «Будешь танцевать», «спроси», «как» «ее» «зовут» «и всего делов!». Хочешь, я подойду? – Крутов демонстративно понарошку тер кулаками глаза, после пальцем оттянув веко, восклицал:

– Я, не могу, сейчас заплачу! Хы-хы-хы...

– Нет здесь никакой романтики, – тут же оттолкнув локтем Михаила, влезал Виктор. – Все просто! – Возможно, так оно и было. Однако я не торопился.

Незнакомка мне понравилась ямочками на щеках и неторопливой размеренной походкой. На танцы она приходила не одна, с подругами. С ней рядом я часто видел девушку, чисто деревенской внешности – Полнушку с румяным лицом. Еще иногда на глаза попадалась особа с большой красивой грудью и длинными каштановыми волосами, в которых можно было запутаться. В них после запутался мой друг Виктор.

Странно, но я стал засматриваться на девушку. Не сразу, но моя любимица заметила меня. Вначале она вскользь бросала на меня свои взгляды, а уж потом просто тарасилась, без всякого стеснения. Я ей явно понравился. Однако она, также, как и я ничего не предпринимала – ждала от меня первого действий – шага навстречу. Я не торопился. Мне было тяжело подойти к ней. Знакомство с девушкой могло разрушить весь мой распорядок дня. Я и так, хотя и не значительно, но нарушал его, посещая Дом культуры. А тут уж точно нагоняя от Олега Анатольевича мне не избежать. К тому же я танцевал так себе, мои пасы могли у девушки вызвать смех, ни чего более. Позориться я не хотел и оттого не торопился.

Мастак был танцевать мой друг Преснов. Я никогда рань-

ше ему не завидовал, а тут не удержался и обратился к парню с просьбой помочь мне. Он сразу же согласился и принялся меня учить. Я, выполняя его требования, не раз ругал себя за то, что когда-то проигнорировал предложение отца пойти учиться в кружок танцев – сейчас бы пригодилось. Но что сделаешь? Нужно было нагонять упущенное время.

Для обучения я выбирал дни, когда родители находились вне дома. Необходимости упрашивать Виктора не было – он появлялся – стоило мне лишь только позвонить ему.

Вначале я думал, научусь быстро, проблем не будет. Но не тут-то было. Мне пришлось потрудиться изрядно. Обучение проходило трудно: Преснов раздражался.

– Да расслабь ты мышцы, – не раз кричал он на меня. – Ноги держи вот так, смотри. Носки внутрь, затем под музыку выворачивай их. Сильнее!

Мы «изъездили» не одну пластинку, пока что-то стало получаться дельное. Я недоумевал – штангу стокилограммовую толкать и то легче.

Прошло время, и Виктор изрядно со мной намучившись, однажды сказал:

– Вот, теперь я замечаю сдвиги. Практику пройдешь на танцплощадке, – вытер с лица тыльной стороной ладони обильный пот. – Думаю, что ноги у твоей зазнобы будут целы. – Помолчал и добавил: – А то раз наступишь своим сорок пятым и прощай любовь. Я это по себе знаю, – и хотел мне рассказать одну из своих историй, но я его остановил.

Он явно желал подсмеяться надо мной. Я часто замечал за Пресновым, как усталость делала его раздражительным, и он отыгрывался на любом попавшемся под руку, отыграться на мне я ему не позволил, тут же пресек, хотя задеть меня было нелегко. Наличие физической силы мне давало возможность быть на высоте, не падать духом. Я тут же похлопал товарища по плечу и, улыбнувшись, сказал:

– Расскажешь в другой раз, хорошо! А сейчас дай я пожму тебе руку. Обучение давалось нелегко. Однако, что похвально, находясь в Доме культуры, я думаю, у меня хватит смелости выйти в центр зала. Ноги не подведут. Двигать буду.

– Будешь! – ответил Преснов. – Главное практика. На танцах не стой и увидишь, начнет получаться.

Мой друг оказался прав. Скоро результаты стали заметны и не только мне, но и моим знакомым по школе девчонкам. Хотя их похвалы могли быть и не реальными, ради того, чтобы я обратил на них внимание.

Дом культуры не имел отдельного помещения для танцев, использовался все тот же зал, что и для показа фильмов, просто кресла сдвигались назад, и высвобождалась площадка у сцены. Часть кресел расставлялись по периметру стен. На них сидели – отдыхали. Это уже после, когда завод построил дворец – в нем расположился зал для спектаклей, концертов, для показа кинофильмов и свой – специально для танцев.

Я, наверное, около месяца готовился к тому, чтобы подойти к девушке и познакомиться. Уже было собрался, но она

исчезла – пропала с глаз – будто ее и не было. Я не понимал. Ходил и ходил. Была надежда, что мне попадется на глаза ее подруга Полнушка – девушка с румяным лицом, или же на всякий случай особа с большой красивой грудью и длинными каштановыми волосами, но напрасно, ничего не получалось – не помогло даже то, что я однажды протолкался в Доме культуры до самого окончания танцев. Бес толку все.

Домой, в тот вечер, я вернулся поздно – около двенадцати часов. Мать с отцом еще не спали. Они в который раз разговаривали о Москве. Любовь Ивановна наступала – Николай Валентович оборонялся, оборонялся нехотя – вяло – все предпринимал, чтобы не обидеть ее.

Мой приход для отца оказался, кстати. Он тут же отвлекся и решил его использовать для примирения семьи. Отец был «психолог» – хорошо разбирался в людях. Умел к каждому человеку найти свой подход – понимал как мужчин, так и женщин. А их – уж особенно. Я не раз замечал, как он потворствовал, шел на поводе у матери – умел доставить ей удовольствие, однако в принципиальных вопросах Николай Валентович всегда был тверд. Моя мать так и не смогла его заставить бросить наш городок и переселиться в столицу. Я думаю, отец предчувствовал грядущие перемены и поэтому все сделал, чтобы обезопасить нашу жизнь – просто не поехал.

– Я, думаешь, сам не хочу в Москву? – Еще как! Но пойми, сейчас нет возможности. Да и тебя с завода никто не отпу-

стит. Ты же не простой инженер! Ты начальник центральной заводской лаборатории. Что ты будешь из столицы ездить на работу? Да тебя все здесь засмеют, – вот были слова отца.

Ночь была нескончаемо длинной. Я еле заснул и то лишь под утро. Однако проснулся, как обычно, в семь часов. Махнув на все рукой, я решил не отчаиваться, поискать девушку в техникуме. Она могла быть занята. Так уж важны для нее танцы – ну, не пошла раз, два, когда-нибудь да придет. Я все сделаю – встречу с ней. Будет и на моей улице праздник.

День был воскресенье – для меня и матери выходной, но только не для отца – Николая Валентовича. В десять часов за ним неожиданно пришла машина, и он сразу же после завтрака уехал. У отца была встреча в посольстве, связанная с закупкой большой партии какого-то важного иностранного оборудования для завода на юге нашей страны – его, в прошлом, завода.

– Ну, вот сынок мы снова одни! – сказала мать, прибирая посуду. Настроение у нее было плохое, изменить его мне было не под силу. Я, не хотел влезать в разговор. Я опасался «завестись». Вчерашний ее разговор с отцом о столице не был окончен и никогда не будет. Он длился около двадцати лет и мог длиться до бесконечности долго. Что я мог поделать? Ничего!

Недолго думая, я оголил себя по пояс и выскочил во двор. Возле гаража, он у нас использовался, как кладовка, у меня находился целый арсенал спортивных сооружений. Они бы-

ли несравнимы с теми, которые сейчас продают в специализированных магазинах. На лицо – кустарщина. Я их сам сооружал. Кое в чем мне помог отец – приложил руку. Они и сейчас сохранились и дороги мне как антиквар и не только – я их использую для физических упражнений.

Для начала я размялся. Физурнов запрещал мне без предварительной подготовки переходить к серьезным занятиям.

Их я начал на брусьях, затем забрался на перекладину и уже после взял в руки самодельную штангу. Вес штанги был более пятидесяти килограммов. Увеличить его нельзя было. Я нагружал себя лишь за счет числа толчков. Мог толкнуть – двадцать, а мог и пятьдесят раз.

Зима – не лето. Вначале мне было холодно, но скоро я согрелся. Состояние мое улучшилось. Я растерся снегом и побежал в дом. С меня столбом валил пар.

Мне было достаточно минут пятнадцать-двадцать – я пришел в нормальное состояние и взял в руки учебники.

Наступило время – мать позвала обедать. После обеда я часа два слушал музыку – крутил пластинки и после отправился в спортзал. Меня ждал Олег Анатольевич. Он часто любил повторять:

– Спорт, Асоков, не знает ни выходных, ни праздников – запомни это.

Моя голова была забита мыслями о девушке. Хронометр-секундомер был в этот раз не для меня. У меня ничего не получалось. Физорг, глядя на его стрелки, все время меня

торопил. Мои результаты ему явно не понравились. В итоге Олег Анатольевич махнул рукой и сказал?

– Ты, Андрей сегодня несколько рассеянный. Успокойся и приходи завтра. А сейчас – домой, но не спеши – пройдишь по улицам, побудь дольше на свежем воздухе. Это помогает. Да и еще – обязательно проверь температуру и давление.

– Хорошо! – сказал я. Мне ничего не оставалось, как выполнить пожелание Физурнова – погулять по городу. Температуру и давление я не померил, проигнорировал, так как хорошо знал причину своего недомогания. Я беспокоился за девушку, не понимая отчего, она не появляется в Доме культуры. Что ей стоит?

Дома я появился, когда начало темнеть, оглянуться не успел, пришел вечер. Едва я и мать сели за стол на пороге показался отец. Он, быстро разделся, привел себя в порядок, помыл руки и подсел к нам. Николай Валентович выглядел уставшим. Он не любил общепит – всякие там фуршеты. Его утомляла суета. Отец часто с инспекцией от министерства выезжал в командировки – помотался по стране и хотел, жаждал одного лишь спокойствия.

Мне было интересно наблюдать за отцом. Николай Валентович никогда не выходил из себя, даже дома. Он умел везде в любых самых щекотливых ситуациях быть на высоте. Отец чувствовал плохое настроение матери, знал, с чем оно связано – с желанием Любовь Ивановны перебраться в столицу и как мог, гасил ее раздражение.

Я понимал, что квартиру в Москве нельзя было бы сравнить с нашим домом с домом-коттеджем. У нас удобств было намного больше, чем, если бы мы жили в столице. Комфорт не ограничивался только горячей и холодной водой, отоплением – мы имели возможность дышать свежим воздухом, летом отдыхать в маленьком саду из нескольких яблонь, вишен и кустов смородины, копаться в земле – перед домом была прекрасная клумба. Этого в Москве у нас не было. Я не раз бывал в ней и мне город не нравился. Я его считал большим и бестолковым. Однако мать так не думала. Ей столица была нужна, чтобы затеряться – спрятаться от женщины-соперницы – бывшей жены Николая Валентовича. Как Любовь Ивановна не крепилась – воспоминания о прошлом нет-нет и выводили ее из равновесия.

Злополучная поездка отца по работе, туда в Москву, в ее Москву, наверное, из-за того, что она пришлась на выходной день, вела к скандалу. Я недоумевал. Обычно я не влезал в распри родителей, хотя тайное, касающееся только их обоих, порой задевало и меня.

Отец без крика, спокойно, с упорством отражал натиск матери.

– Люба, забудь все! Не терзай себя! Живи настоящим. Тем, что у тебя есть. Зачем ты лезешь в мою голову? Я же знаю тебя. Ты снова расстроишься.

Он многое скрывал от матери, как мог, оберегал ее. Отец держал ту странную женщину в памяти лишь для себя и то,

только из-за дочери, иначе бы давно забыл. Не нужна она была ему.

Разговор мне не нравился. Тошно было слышать о том, о чем было много раз переговорено. Я, глядя на отца, видел, как он мучился. Мать наверняка это тоже понимала. Однако не унималась, словно с горки на лыжах или же на санках катилась вниз, без задержки.

Отец желал что-то нам сообщить и боялся, не знал, как это сделать. Наконец, он отодвинул тарелку и прямо без обиняков сказал:

– Я, завтра уезжаю! Мне предстоит командировка.

– Туда? – спросила мать скривившись.

Отец сморщил лоб, намереваясь соврать, но не соврал.

– Да, туда! – ответил он и глубоко вздохнул. Николай Валентович понимал, что жене тяжело это слышать, понимал и, тем не менее, открылся перед ней.

Я увидел глаза матери, ее, загоревшиеся вдруг щеки и открывающийся рот. Не знаю, как все случилось. Меня как будто что-то ужалило. Я неожиданно подскочил и побежал вон из столовой в кабинет отца, тем самым спас положение.

Произошло это машинально, не по моей воле. У стола отца – большого двух тумбового я остановился. Следом за мной бросилась мать. Отец в кабинете появился чуть позже. Мне отчего-то привиделось – он пришел не один. Рядом стояла странная женщина – его бывшая жена и еще моя сводная сестра – маленькая девочка.

Я резко вскрикнул. Мать тут же обхватила меня руками:

– Андрюша, Андрюша сынок, что с тобой?

– Вот, здесь, смотрите, здесь оно лежало.

– Что лежало? – услышал я снова дрожащий голос матери.

– Как что? Письмо. Я нашел его, нашел тогда – давно, лет

десять назад здесь на этих кипах бумаг – двойной тетрадный листок в линейчку и прочитал: «Здравствуй дорогой папочка. Можно я тебя буду так называть, ведь я твоя доченька? Правда? Я папенькина доченька...».

– Да-да – это ее слова, – тут же поддержал меня отец. – Это слова твоей сводной сестры Инги.

– Что я тогда сделал? – развернувшись в сторону матери, спросил я. – Тут же побежал к тебе: «Мама, мама кто это папенькина доченька?» – И тут же поплатился – получил от тебя. Ты помнишь? А еще что ты мне тогда сказала: «Как ты посмел, читать чужое письмо? Кто разрешил? Давай мне свои руки, руки, которые брали письмо».

После трепки я убежал в гараж и там долго плакал. Я понял – папенькиной доченькой была та самая девочка, которую однажды я отлупил прутом. Она! – кричал я тогда, испуганно стуча своими маленькими кулачками по земле. – Она виновата! – А еще я винил странную женщину с чемоданом.

– Помнишь, – я снова обратился к матери – Мне не хотелось идти домой? Меня напугала темнота ночи. Только она меня заставила тогда вернуться.

– Андрюша, сынок! Я же у тебя тогда попросила прощения.

– Ну, и что? Ты же мне сама сказала: «Чужие письма нельзя читать!» – сквозь хлынувшие вдруг из глаз слезы пробормотал я. – Сказала?

– Да! – ответила тихо мать.

– А мысли, можно? Можно читать то, что отец от тебя пытается утаить. Утаить не для того, чтобы обмануть, а спасти от фантазий, фантазий способных тебя свести с ума. Зачем тебе лезть в его голову?

– Прости, прости сыночек!

Я с трудом поднялся с кресла и, слегка качаясь, отправился к себе в комнату. Мне было тяжело смотреть родителям в глаза. Мать была не виновата. Отец был не виновен. Прошло время и я, как это не покажется странным, легко простил свою сводную сестру и ее мать – странную женщину с чемоданом в руках. Время способно сгладить любые острые углы – заставить забыть плохое, приукрашивать жизнь, смягчать ее.

На следующий день рано утром мать спокойно без шума собрала отца в дорогу, и он уехал – туда, к себе на юг. Я знал, отец вернется. На прощанье он крепко пожал мне руку и как-то иначе не так как обычно посмотрел прямо в глаза:

– Знаешь сын, ты, ты... – как это сказать? Твои вчера слова, хотя ты и расплакался – слова мужчины!

За много лет, моя мать, наверное, первый раз в жизни про-

водила отца без тягостных мыслей в душе. Это была победа, не только ее – всей нашей семьи – общая. Прошлое уже не способно было повлиять, испортить жизнь Любовь Ивановны. Время ожидания Николая Валентовича пролетело быстро. Даже мать его не заметила, не говоря уже обо мне. Из командировки отец приехал другим человеком. Он открыто смотрел в глаза Любви Ивановне. Она, не отходя от порога, не нервничая, подняв глаза, тихо спросила у него:

– Ну, как, отдал Ингу замуж?

– Отдал! – ответил отец, немного помолчал и сказал: – Ты знаешь, я просто не мог не присутствовать... Она ведь моя дочь!

– Не пойму я тебя, – услышал я в ответ спокойный голос матери, – то она твоя дочь, то не твоя! А тот курчавый? Ты говорил, что твоя бывшая жена с ним путалась!

– Да знаю, я того курчавого! А глаза, глаза? Глаза то у дочери мои! – сказал – отрезал отец.

Зеленые глаза девушки мне не давали покоя. Однако я для себя решил на танцы не ходить – будь что будет. У меня тоже есть характер. Правда, я недолго ерепенился. Однажды вечером в дом неожиданно ворвался Михаил Крутов.

– Андрей! Андрей быстрее-быстрее собирайся. Она снова пришла на танцы.

– Кто она? – нарочито спросил я.

– Ты, знаешь кто! – ответил тут же парень. – Меня Преснов послал. Он за ней наблюдает. В обиду не даст.

Я тут же набросил на себя одежду и выбежал вслед за Михаилом на улицу. Он бежал впереди и выкрикивал впопыхах:

– Будь настойчивее, смотри больше не тяни время. Подойди и пригласи на танец. Тут же не откладывая, познакомься.

– Хорошо-хорошо! Я, так и сделаю! – прокричал я ему, захлебываясь от сильных порывов ветра.

Я выглядел, наверное, непрезентабельно. Отдышавшись на крыльце Дома культуры, мы вошли вовнутрь. Виктор встретил нас на пороге. Он крепко пожал мне руку и сказал:

– Иди, она там в зале! Я думаю, тебя ждет – оглядывается. Всего уже «обмусолила». Дырку на мне протерла. Взгляд у нее недоуменный, будто спрашивает: «Где твой товарищ?»

Я быстро «прошелся» глазами по залу, встретился со своей зазной взглядом и улыбнулся. Девушка была не одна. Она сидела недалеко от оркестра рядом со своей подругой Полнушкой. Я решил, как только будет медленный танец, тут же ее приглашу. Мне пришлось долго его ждать. Я был весь в нетерпении, не знал, что делать. И вот момент настал. Я вырвался из толпы ребят и направился прямо к своей любимице, но странно был вынужден остановиться. Остановиться на полпути. Я увидел у девушки на коленях какого-то парня.

– Ни чего себе! Как она могла? – негодовал я. Раньше, он мне на глаза никогда не попадался, и вот представьте... – Я демонстративно резко взглянул на нее, развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел в другой конец зала. Ко мне тут же подбежал мой друг Виктор.

– Ну, вот и все – окончилась любовь! – сказал он, – заглядывая мне в глаза. – Опоздал ты. Я же тебя сколько раз предупреждал, а ты не хотел мне верить. – Он помолчал, а затем, хлопнув меня рукой по плечу, взбодрился:

– Слушай, давай мы этому прыщю, как следует, накостыляем. А ты не лезь, будь в стороне. Договорились?

– Нет-нет, что ты! – отказался я. – Зачем все это? Она после со мной вообще не захочет разговаривать. Ты, прав в одном, что мне не нужно было тянуть – красивых, сразу уводят.

От огорчения я чуть не ушел с танцев, но удержал меня Михаил Крутов. Он посоветовал пригласить подружку моей зазнобы – Полнушку.

Я заметил, на девушке новое ситцевое платье. Для кого-то она его одела? И решил, пусть будет для меня.

За спиной я услышал язвительный голос товарища:

– Раз не хотела дружить с таким парнем, пусть теперь помучается, покусает локти. Будет знать!

Во время танца я чувствовал себя уверенно. Благодаря уроку, преподанному мне Виктором, у меня получалось неплохо. Девушка тут же без всякого стеснения назвала мне свое имя:

– Я, Татьяна, – сказала она. В ответ я лишь кивнул головой, говорить не хотелось. – Можно, я к тебе буду обращаться по имени? – спросила она. – Я снова кивнул головой, но не представился.

– Андрей! – услышал я ее голос. Моя новая знакомая – Полнушка, не молчала. Я слушал ее и недоумевал: откуда, откуда она столько обо мне знает? Друзья не могли проболтаться. Я был известен благодаря своим родителям, возможно, этого было достаточно.

Из-за обиды на свою любимицу я принялся уделять Татьяне максимум внимания, на какое был способен, при этом не забывал бросать взгляды и на ее подругу. Парня уже не было. Он куда-то ушел, и это меня радовало. Испугался меня вот и ушел.

Моя партнерша мне стала не нужна. Я явно скучал по своей зазнобе. И как после оказалось, она также была ко мне равнодушна, так и бросала на меня взгляды.

– Держись! – шепнула мне вдруг Татьяна, – твоя идет. – Она так и сказала: «твоя».

Наверное, мое поведение возымело действие. Я не мог поверить. Девушка подошла к нам и неожиданно у многих на глазах оттолкнула свою подругу:

– Поезжай ты лучше домой, а не крутись возле моего парня! – сказала она, а затем, уже глядя мне прямо в глаза, выдала:

– Пошли, выйдем. Я хочу с тобой поговорить. – Она была настроена решительно. Лицо у нее было серьезным. Серьезнее не бывает. Такого я у нее после никогда не видел даже в тяжелые минуты испытания нашей любви.

Михаил Крутов танцевал. Виктор Преснов сидел без дела.

Я, представ перед ним, не удержался и кивнул в сторону Татьяны. Он меня понял, встал и послушно пошел к девушке.

– Если что? Мы, здесь рядом, – сказал он. – Зови нас на подмогу!

Моя красавица вышла из танцевального зала в коридор, нашла укромное место возле раздевалки и остановилась. Я подошел к ней. Она посмотрела на меня, слегка помялась, подыскивая слова:

– Ты подумал, что у меня есть парень? – спросила девушка. – Так?

– Да! – ответил я.

– Это мой брат! – сказала она. – Он просто дурачился. Тебя хотел достать. Он на машзаводе работает. Если хочешь знать мой брат женатый человек. У него даже ребенок есть. Неделю назад родился. Я поэтому и не ходила на танцы. Помогала ему и Надежде – его жене. Правда, моя помощь этой Надежде оказалась не очень уж и нужна. У моего брата такая родня, что лучше не связываться... Да, что говорить мой брат сам после рождения ребенка – ей этой родне больше не нужен. – Девушка замолчала. Через мгновение я снова услышал ее мягкий голос:

– Я, учусь в индустриальном техникуме, – сказала она, – и ты учишься. Я знаю. На выходные дни вместе с подругой или братом я уезжаю домой. Здесь недалеко. – Она подняла глаза, и лицо девушки засветилось.

– Меня зовут Света! – она тут же быстро подала мне руку.

Я взял ее.

– А тебя как зовут? – спросила девушка.

– Ты же знаешь? – сказал я, и, не дожидаясь ее реакции, ответил:

– Я, Андрей! Асоков Андрей!

– Ну, вот мы и познакомились! – улыбнулась Света, и я невольно улыбнулся ей в ответ.

– Я живу в общежитии, – и девушка назвала мне номер комнаты. После добавила: – Приходи в гости. Я буду тебя ждать. В комнате я живу не одна, с подругами. Одну – Татьяну ты уже знаешь. С другой – Валентиной познакомишься позже. Если, конечно, придешь.

Во время разговора к нам подошел тот самый парень, который сидел у Светланы на коленях.

– Алексей, – обратилась к нему девушка. – Это, Андрей! Познакомься.

Я подал ему руку.

– Зоров! – сказал парень.

Этот самый Зоров был на вид лет тридцати. Армия у него была, как и у меня позади. Однако, кроме выправки она Алексею ничего не дала. Его рукопожатие оказалось слабым. Эта самая слабость возможно и явилась причиной того, что в будущем Зоров не смог выдержать те испытания, которые вдруг обрушились на его голову – не только физически, но и душой. Я был другим человеком – целеустремленным, этим, наверное, и понравился Светлане.

Два года армии я «крутил баранку» – это благодаря отцу. Он мечтал водить автомобиль, но так и не нашел возможности пойти выучиться, а вот меня в свое время толкнул на курсы шоферов, в ДОСАФ, были такие добровольные организации содействия армии и флоту. Однако, чтобы там не говорили легко мне не было. Попал я в строевую часть и там получил хорошую практику – стал настоящим мужчиной. Я был патриотом своей родины и служил с такими же парнями. Тяготы службы меня не сломили. Армия меня закалила, сейчас ее боятся, как черт ладана, прячутся – все делают, чтобы не пойти. В наше время, такого не было. Положение в стране было иным. Мы защищали общее добро, государственное – оно исчислялось миллиардами рублей, а сейчас богатеет, хранящих доллары в иностранных банках и готовых в любой тяжелый момент для страны покинуть ее, предать.

Физическая подготовка после идеологической в армии была на первом месте – поощрялась. Я, вначале вместе с командиром отделения – сержантом, а затем уже в последний год службы сам, задолго до официального подъема, вставал и бежал на спортплощадку. Меня порой даже непогода не останавливала только в исключительных случаях.

О, как у меня болели руки, ноги, все тело. Но я научился отжиматься по сто раз, подтягиваться, делать на перекладине «солнышко» и еще толкать пудовые гири. Своей ловкости я был обязан в первую очередь армии – сержанту Карпенко, а затем уже физоргу – Олегу Анатольевичу Физурнову.

Я не хотел расставаться с девушкой. Мне было радостно сознавать произошедшее событие. Однако пришлось. Алексей не дал нам поговорить:

– Света, пошли, автобус ждать нас не будет, опоздаем, – сказал он. – Я не хочу, чтобы из-за тебя, меня снова ругал отец. Ты ведь у нас папенькина дочка, – язвительно буркнул Алексей.

Девушка сделала вид, что не услышала его последних слов:

– Алексей, ты иди, я, догоню тебя, – сказала она, и как только ее брат показал нам свою спину, не удержавшись, потянулась ко мне и чмокнула в щеку:

– Андрей, до встречи! Обязательно приходи, я буду тебя ждать!

Они ушли, а я еще долгое время стоял и размышлял: «Нет, наша городская так бы не поступила. На такое способна лишь приезжая и то не каждая девушка».

Легкое прикосновение губ Светланы вызывали у меня приятные ощущения. Она будто стояла рядом, держала меня за руку, не отпускала. После я узнал, что такое же чувство испытала и девушка, трясась в автобусе, когда ехала с братом домой к себе в поселок.

Из состояния забытья меня вывел мой друг. Не дождавшись, он вышел в коридор:

– Ну, что ты тут застрял? Мы ждем, ждем тебя... – Преснов обхватил меня за плечи и повел в зал. Я очнулся, в голо-

ве у меня мелькнула мысль, что, если расспросить Татьяну. Она должна была многое знать о Светлане – из одного поселка. Однако, увидев Полнушку, я остановился, посчитал: всему свое время, не зачем торопить события. Светлана сама мне все о себе расскажет.

Ансамбль, расположившийся на сцене, играл известную мелодию. «Народ» танцевал. На креслах я увидел Крутова Михаила и Татьяну. Они разговаривали. Я взглянул на них со стороны и подумал:

– Вот бы была хорошая парочка.

Мы подошли к ребятам. Я решил попрощаться и уйти домой. Но Татьяна удержала меня:

– Ну, как там у вас? – улыбнувшись, поинтересовалась она.

– Все нормально! – ответил я. – Знакомство состоялось. Дней, через несколько зайду к вам в гости. Я получил от Светланы приглашение. Вот так!

– Я рада за тебя! – сказала Татьяна. – Можешь захватить с собой и Виктора, – она взглянула на моего товарища. – Михаилу мы тоже найдем девушку. Пусть не унывает. – Однако парень в ответ на нее слова промолчал. Позже он с нами не пошел, отказался, как мы его не уговаривали. Крутов тогда серьезно подумывал о женитьбе и дружбу с «чужими» девушками – приезжими считал пустым времяпровождением.

– Они, – говорил он, – для утех. – После Михаил изменил свое мнение. Правда, когда прошло время.

В отличие от него Виктор Преснов не оплошал – реакция у него была неплохая – он в тот же вечер «ухватил» Татьяну и забыл, ни разу не вспомнил о той другой, ради которой однажды меня вытащил в дом культуры на танцы. Наверное, моего друга прельстили у Татьяны ямочки на щеках. После Виктор бегал за ней еще как. Я для него стал намного ближе, чем Михаил. Крутов ушел со сцены – отгородился от нас. Правда, нашей мужской компании он не чурался, если была возможность, находился рядом, однако большей частью в том случае, когда мы были без подруг.

Домой, в тот день я пришел не так уж и поздно. Тихо, стараясь не шуметь, я прокрался к себе в комнату. Однако не успел. Лишь только я принялся разбирать постель, желая юркнуть под одеяло, в комнате тут как тут появился отец. Следом за ним пришла мать.

– Ну, как? – спросил у меня родитель, – познакомился?

– Да, познакомился! – сказал я, зевая и потягиваясь. Отец тут же понял, что мне хочется побыть одному, выпроваживая мать, он сказал ей:

– Ну, ладно, пошли и мы уже поздно, пора ложиться спать.

После знакомства с девушкой я не мог себе представить жизнь в Москве. Эти мечты матери о столице мне вдруг стали неинтересны. Я был рад тому, что отец одержал победу. Не только ему, но и мне нравилась, как любила всегда выражаться мать, «наша захолустная жизнь в городке».

В ту ночь, я долго не мог заснуть. В моей памяти вдруг

всплыли слова брата Светланы – Алексея: «Ты же у нас папенькина дочка». При встрече я им не придавал значения, так же пропустил, как и его сестра. Сейчас они мне не давали покоя. «Папенькина дочка» – что это значит? Отчего он так сказал? Хотел задеть свою сестру. Посмеяться над ней, или же обратить мое внимание на что-то странное и для меня важное.

Я не смог обойти вниманием Светлану. Наше знакомство состоялось. Мы нашли друг друга. И еще она также, как и моя сводная сестра по отцу Инга оказалась папенькиной дочкой.

На следующий день мой отец торжествовал. Я его таким не видел. Он слегка толкал мать локтем в бок и без конца говорил ей:

– Посмотри, посмотри на нашего сына. Ты ничего не замечаешь?

Андрей уже взрослый. У него есть девушка.

Мать долго не откликалась, но потом не выдержала.

– Ну, и что? – сказала она. – Ну, есть. Что он, не парень. Но я его тебе не отдам! Ты думаешь, он будет таким же бабником как ты? Нет, ни за что! Вот смотри! В оба смотри, – и она, взяв меня за плечи, развернула. – Андрей мой сын, мой!

– И мой! – перебил ее отец.

– У него на лице написан праведный путь! Праведный! – Понял ты меня, – выкрикнула мать.

Она оказалась отчасти права. Мой жизненный путь был

иным, чем у отца. Наверное, по причине того, что я оказался однолюбом – не оглядывался, как он на каждую встречную женщину. Правда, сердце у меня часто щемило при виде красоток. Это у меня было врожденное – от него – Николая Валентовича.

2

Все свободное время я по возможности отдавал спортивным занятиям. К случайным встречам с девушкой в техникуме не стремился, знал, что Светлана ждет меня у себя, в общежитии. Мне трудно было сдерживать желание увидеться с девушкой. Я с трудом переносил разлуку, хотя и понимал, что дружба со Светланой могла полностью перевернуть мою жизнь. Мне не следовало подводить физорга Олега Анатольевича Физурнова. Я хотел подготовиться и мысленно обращался к своей подруге – подыскивал необходимые слова. Во время нашего свидания я намеревался убедить девушку в том, что спорт для меня – все. Я был у него в заложниках. Он, от меня требовал полной отдачи. Светлана это должна была знать. Однако, я не был полностью уверен в том, что она меня поймет и оттого мучился. А тут еще ко мне приставал Преснов, торопил: «Ну, когда?» – спрашивал он. Я от него отмахивался. Однажды он не выдержал:

– Андрей, ты меня втянул, – сказал он, – а теперь в кусты. Я и знать не знал кто такая Татьяна. Собирайся. Я хочу ее видеть. Ты, что забыл, нас приглашали. Тебя и меня. Я один идти не могу. Михаил тот сразу отказался. Если бы нет, я тебя просить не стал, с ним бы отправился.

– Ты, что боишься? – спросил я.

– Да нет! – нервно передернул плечами Виктор. – Вдвоем

сподручнее. Потом, ты сам сказал Татьяне, что мы придем вместе. – Я хотел задать ему вопрос: «Ты что за компанию и жениться будешь?», – но промолчал.

Не знаю, кто на меня подействовал? Может быть друг. Однако, скорее всего отец. Он, подбадривал меня и толкал вперед – на подвиги.

Я тянул недолго. Чтобы там не говорила мать, я был сыном не только ее, но и еще Николая Валентовича, а значить устоять перед Светланой не мог.

И не устоял, буквально на следующий день после разговора с другом я попросил Преснова принарядиться, и мы отправились в общежитие.

– Вы, хоть цветы возьмите! – сказал мне отец. – Тоже мне, кавалеры! – И хмыкнул.

Я был готов последовать совету отца, но Виктор Преснов отговорил меня, и правильно сделал, иначе мы с букетом выглядели бы смешно.

Здание общежития находилось в глубине двора. Со всех сторон оно было зажато какими-то административными постройками.

Общежитие было двухэтажным и ничем не отличалось от здания обычной школы – имело такие же длинные коридоры, вместо классов комнаты для проживания студентов.

Светлана и Татьяна жили на втором этаже, что для нас было неудобно.

– Их специально так высоко поселили! – сказал Преснов.

– Почему? – спросил я с недоумением.

– Чтобы мы их не выкрали, – с серьезным видом ответил он. – Вон, как у тебя глаза горят, как у кавказца. Папаху тебе одень и не отличишь! – и громко засмеялся.

Я не стал возражать другу. Смолчал. В чем-то он был прав: в роду у моего отца были предки с горячей южной кровью. Николай Валентович родился и провел детство на Кавказе. Долгое время там жил. Поэтому и мне, наверное, передалось его отношение к женскому полу. Однако, в отличие от отца я часто был с этим самым полом не решителен. Что-то меня сдерживало.

Махнув рукой, я подтолкнул Виктора в плечо. Мы вошли в здание. Дверь, с громким хлопком, благодаря мощной пружине захлопнулась у нас за спиной, отрезав нам путь назад. Путь вперед преграждала вертушка – устройство, явно позаимствованное на заводе. Я с ним был знаком еще в детстве, когда бегал на проходную встречать с работы мать. Наверняка, оно было подарено женскому общежитию по настоятельной просьбе дирекции техникума. Но, это было еще не все. Кроме технической преграды на всякий случай тут же находилась крепкая тетка. Она, привлеченная шумом, тут же выглянула из широкого проема – окна:

– Я, вахтерша, – сказала женщина. – Меня зовут тетя Надя. Вы к кому ребята?

Я несколько замешкался, но затем, вспомнив фамилию брата Светланы – Алексея, ответил:

– К Зоровой! – и тут же назвал номер комнаты девушки.

– Хорошо. Сейчас я вас пропущу. Давайте мне, ваши документы в окно! – сказала эта самая тетя Надя.

Их у нас не оказалось. Не принято было тогда носить с собой паспорт, даже отправляясь порой в Москву, я не всегда его брал. Вахтерша, нас не пустила. Что мы только не делали, ничего не помогало. Нам проще было стонять домой, но мы уперлись.

Тетя Надя более получаса продержала нас на входе. Преснов даже попытался силой прорваться, но вертушка была заневолена и стояла так, что пройти было просто невозможно. К тому же тетя Надя, выскочив из своего помещения, встала стеной:

– Ребята, со мной не спорте! Я сказала – «нет»! Значит «нет»! Что я вам посоветую, – смягчив голос, сказала вахтерша, – вы, как только кто-нибудь из девчат будет возвращаться, не оплошайте и тут же попросите вызвать ваших принцесс. А в следующий раз обязательно берите с собой какие-нибудь документы. Поняли?

Желающих подниматься наверх, на второй этаж не было. Все торопились покинуть общежитие. Хорошо, что мне на глаза попалась подруга Светланы – особа с большой красивой грудью и длинными каштановыми волосами. Она то и сжалилась над нами.

Как только девушка ушла наверх, тетя Надя тут же открыла вертушку. Затем, свесилась в окошко и, тыкнув в меня

пальцем, сказала:

– Вот ты, самый сильный, можешь пройти.

Я прошел.

– Ну, ладно, хорошо и ты проходи, – сказала тетя Надя, Виктору Преснову. – Ребята, там за углом увидите дверь, зайдите. Мне нужна мужская сила. Не против?

Мой друг заупрямился, но я тут же опередил его и ответил:

– Да нет, не против!

Мы быстро нашли дверь и ввалились в комнату.

– Вот этот топчан передвиньте сюда. Последнее время стало холодно. Ночью до костей пробирает. А я люблю тепло. – Топчан был не подъемный. Видно, его тоже кто-то для общежития позаимствовал на заводе. Мы с трудом его подтащили к батарее.

– Ну, все-все, спасибо, – сказала тетя Надя: – Идите уже. Ваши принцессы скрипят половицами. Спускаются по лестнице.

Я первым выскочил в коридор и увидел Светлану, за ней шла Татьяна и следом та самая девчонка... Они прошли мимо нас несколько в стороне и направились на выход. Я не удержался, замахал рукой:

– Зорова, Зорова!

Эффект был ошеломляющий – разорвавшейся бомбы. Я ничего не сделал – назвал девушку по фамилии и всего лишь.

– Не называй меня так! – закричала она странным, чужим,

незнакомым мне голосом, забыв о словах приветствия.

– Я, я – Светлана, Свет-ла-на, – по слогам повторила она. – Запомни это!

Не знаю, что бы было, как я себя повел, но вперед вдруг вырвалась Полнушка Татьяна. Она сгладила неприятие нашей встречи. Девушка, толкнув Светлану локтем в бок, заставила ее замолчать. Следом за ней за меня вступилась тетя Надя:

– А кто ты? Ты, Зорова и есть! А на парня так кричать не смей. Светлана сразу же осеклась, на глазах у нее появились слезы. Она была готова расплакаться, но та же самая тетя Надя удержала ее.

– Ну, ладно-ладно, успокойся. Все будет хорошо. – И тут же обратилась ко мне:

– Как тебя?

– Андрей! – выдавил я из себя.

– Андрей все понял и тебя простил. Он парень хоть куда, воспитанный, не то, что некоторые, – и она бросила взгляд на Преснова. – Даже мне старой понравился и тебе придется по душе.

Тетя Надя открыла нам вертушку.

– Идите куда шли. Бог с вами. – Я оказался последним. Вахтерша проследила глазами, и когда мои товарищи вышли тут же заневолела ее.

– Андрей, подожди немного! Ты уж будь добр, не обижайся на девушку, сказала тетя Надя. – Я ее сразу заметила, не

свистушка, какая-нибудь в техникум сама поступила. «Знаешь, тетя Надя, сказала она мне однажды – сварка, это яркое-яркое солнышко – горит, звездочки во все стороны рассыпаются. – Давно-давно в детстве ее отец водил в мастерские она с тех пор и решила для себя – обязательно выучусь и буду сварщицей. Вот так». Не знаю, зачем я тебе это говорю. Ну, ладно, иди, догоняй своих друзей, – вдруг подтолкнула меня вахтерша. И я тут же выскочил во двор. Мне тут же в лицо ударил ветер. Я не удержался и на мгновение закрыл глаза.

– А вот и Андрей Асоков, – бросилась ко мне Татьяна Полнушка, – мы уж тебя потеряли – иди знакомиться, Виктора Преснова я уже представила, теперь твоя очередь.

– Это, Валентина! Она живет со мной и со Светланой в одной комнате. Мы друзья. Везде, всюду вместе.

Я подошел к девушке и как истинный джентльмен, осторожно пожал ее тонкую ладошку, затем улыбнулся и сказал:

– Очень приятно.

Мой друг, как мне тут же сообщила Татьяна Полнушка, оказался по-деревенски прост. Он ничего не сказал. Но я ведь я, а не он. Он не был сыном Николая Валентовича.

Правда, мне не пришлось долго расплыться в любезностях перед Валентиной, Преснов, тут же меня перебил и легко без вычурности предложил отправиться в кино.

– Фильм, просто классный! Мне о нем говорили. Не пожалеете! – сказал он.

Кино мы любили. Оно нас привлекало с самого детства. Раньше этот вид искусства в стране занимал важное место. Была целая киноиндустрия. Фильмы «крутили» везде, даже в забитых деревушках. Сейчас – это удовольствие только для больших городов. Дорого, да и лент уже своих нет – одни иностранные.

Дом культуры или сокращенно ДК и кинотеатр, находившийся в новом микрорайоне городка, давали большой доход, хотя билеты и были дешевы. Летом мы детьми, если фильм нас захватывал в день порой по два-три раза бегали его смотреть. Сейчас это невозможно: культурная жизнь ограничилась – поглощением пива где-нибудь на улице и церковью. Там можно посмотреть на людей. Больше – нигде.

Постановки, концерты заезжих театров, или вокально-инструментальных групп были довольно редки – рядом Москва. Хочешь, отправляйся в город и смотри, слушай.

Бар или ресторан – эти заведения были для солидных людей в годах. Мы в них бывали лишь в особые знаменательные дни, пьянство тогда не поощрялось.

Предложение Виктора: пойти в кино я принял с удовольствием. Оно мне пришлось по душе. Да и не только мне, следом за мной согласилась Светлана, после Татьяна. Валентина какое-то время была в раздумье, не знала, что делать. Парня у нее не было. Себя она считала третьей лишней. Я, ругнув про себя Михаила Крутова, отказавшегося с нами пойти, заглянул девушке в карие глаза и принялся ее упрашивать:

– Валя, ну пошли, – и она сдалась.

Это меня порадовало. Мой поступок был замечен Светланой. Она тут же позабыла о недоразумении в общежитии, связанном с ее фамилией и недолго думая, сразу же ухватила меня под руку.

– Ну, чего же мы стоим, пошли! – услышал я ее голос. Обида, на девушку, не созрев – развеялась. Близость Светланы придала мне силы. Я не нуждался в дороге. Ее неровности – наледь, небольшие холмики снега для меня были ни почем. Десять минут, и мы поднялись на крыльцо Дома культуры, оббили с сапог снег, прошли вовнутрь. На нас пахнуло теплом.

Преснов бросился покупать для всех билеты. Очередь в кассу была небольшой, наверное, фильм был так себе. Для меня и моего друга это было не важно. Для девчонок, наверное, тоже. Общение – превыше всего.

У нас было еще время, и мы, не договариваясь, отправились в буфет. Там, нам на глаза попался брат Светланы – Алексей. Он был не один с женой. Мы познакомились. Ее звали Надеждой. Она была тонкой и хрупкой. Моя подруга не удержалась:

– А как же ваш ребенок – девочка? Вы что ее бросили? – На что брат Светланы засмеялся и ответил:

– Места пошла занимать! – после, дополнил: – С тещей, ее матерью осталась – и показал на Надежду.

– Что нам уж и в кино нельзя сходить, развлечься?

– Можно, конечно, можно! – ответила Светлана. После влез Виктор и предложил:

– Я с девчонками пойду займу столики, а вы – Андрей и Алексей стойте в очереди. Хорошо?

– Ладно, уж, иди! – сказал я, и стал рядом возле брата Светланы.

Он был прост. Я его видел всего лишь однажды, однако это его несколько не смущало. Алексей не комплексовал и вел себя будто мы с ним, лет сто, были знакомы. Эта его черта характера мне всегда нравилась. Он по жизни был таким.

– У тебя, как со Светланой, серьезно? – услышал я голос Алексея, но ответить не успел. Он мне не дал – тут же выдал, – молодым жить лучше отдельно. А то я вот вляпался – позарился на жилплощадь. Мучаюсь. Надежда – она ничего. Я о ней плохо не скажу. А вот ее мать достает. Сбегу, наверное. – Я отшатнулся и взглянул на парня. Глаза его были черны. Очередь продвигалась быстро. Мне было неловко. Я обрадовался, когда мы подошли к стойке. Не дожидаясь Алексея, я вырвался вперед и заказал несколько бутылок воды и полную тарелку пирожных. Деньги у меня были – отец дал, не пожалел.

Тут же к нам подоспели девушки и помогли перенести все купленное на стол.

Я вместе со всеми торопливо съел свое пирожное и выпил стакан «ситро». Мы задержались в буфете. Фильм уже начался, и нам пришлось в потемках отыскивать свои места. Я

нашел нужный ряд и пропустил вперед Светлану. Сам прошел следом за ней. Валентина, опередив Татьяну, устремилась за мной. Замыкал цепочку Преснов.

Нас подгоняли:

– Да быстрее вы там, – не дают журнал посмотреть. – Могли бы, и подождать, зайти в перерыве перед началом картины.

Места у Надежды и Алексея были в другой части зала – мы расстались. Я ничуть не сожалел. Мне трудно было что-либо ему посоветовать. Если быть откровенным он меня напугал. Я словно почувствовал неладное. Однако изменить положение не мог. Никто не мог. Ни его жена, не говоря уже о сестре.

Экран от нас был не далеко. Однако – это не упрощало просмотр фильма, так как деревянные кресла, соединенные по четыре в секции и выстроенные в ряды находились на одном уровне. Для меня это значения не имело. Я мог его обозревать отовсюду. Другим моим товарищам это делать было сложно, особенно Валентине и не только из-за ее роста – я бы сказал, она была не такой уж и маленькой, просто впереди попался зритель с большой широкой спиной.

Я решил помочь девушке и тут же предложил ей пересесть. Она почему-то отказалась.

Журнал окончился. На минуту-две был включен свет и затем снова погашен. Начался фильм. Как только замелькали первые кадры, Валентина ожила и, отыскав промежу-

ток между двумя головами впереди сидящих зрителей, буквально прильнула ко мне. Это насторожило меня и я, чтобы устранить неудобство, которое испытывал от ее близости, тут же положил свою руку на плечи Светлане.

Фильм меня не заинтересовал, спроси, о чем он, я бы не ответил. Моя подруга также. Мы были заняты друг другом. В зале было много молодежи, таких же, как мы ребят. Спокойно сидеть могли в том случае, если кино было интересное. А оно не было таковым. Поэтому, то тут, то там слышались разговоры, смешки, повизгивания девчонок.

Пленка рвалась. Фильм тут же прекращался. Не удержавшись, кто-нибудь из ребят кричал:

– А ну поберегись! – И тут же загорался свет. Парни и девушки мгновенно отодвигались друг от друга на приличное расстояние. Кто не успевал, на них сразу же обрушивались всевозможные шутки, типа: «Вы что себе позволяете, вы же в кино пришли!» – затем раздавался дружный смех.

Я вел себя культурно: не пользовался темнотой. Это не было связано со стеснением или чрезмерной скромностью. Просто так был воспитан. Общения во время просмотра фильма как такового у нас не было – отдельные слова, реплики, то с моей стороны, то со стороны Светланы и все. Однако и этого было достаточно. Мы ощущали гармонию без слов.

Мой отец был бы мной доволен. В любых обстоятельствах я всегда старался быть мужчиной, рыцарем. Девушка, неважно кто она – для меня всегда была дама. Светлана – просто

принцесса. Я сохранил рыцарские отношения к ней на всю жизнь, как нам после не было трудно.

Мне было приятно находиться рядом со Светланой. Я не замечал времени, но картина окончилась, вспыхнул в зале свет и мы направились к выходу. «Народ» – в большинстве своем парни и девушки сразу же создали толкучку. Мы чуть было не растерялись. Впереди я вдруг, неожиданно увидел Алексея всего лишь на мгновение. Водоворот человеческих тел быстро запрятал его в однообразной серо-черной массе – пучине. Его жена Надежда так и не показалась. Наверное, была где-то рядом.

В тот вечер я догадался, что ненужно быть многословным. Можно общаться, даже не прибегая к языку. Мы расстались с трудом, с жадной новых встреч. Что мне было непонятно – эта ситуация там, в общежитии, когда я назвал Светлану по фамилии – ее реакция. При последующих встречах с девушкой я, помня о случившемся, не раз прикусывал свой язык.

Однажды, ее подруга Татьяна не удержалась и сказала мне:

– Асоков, я заметила, ты избегаешь называть Светлану по фамилии и правильно делаешь! Она не любит ее, можно сказать ненавидит. Если была бы в силах, давно уже сменила. Для нее фамилия Зорова – чужая. Вот так! Запомни это! – Я, было, открыл рот, чтобы спросить у нее, из-за чего такая нелюбовь, но Татьяна меня осекла:

– Больше я тебе ничего не скажу. Сам когда-нибудь узна-

ешь. Всему свое время. Я надеюсь, ты меня не выдашь?

Татьяну я не выдал – постарался забыть то, что мне не следовало знать. После разговора с Полнушкой я обращался к Светлане только по имени. Правда, иногда мне приходилось пользоваться и фамилией, но у нее за спиной. Произнося ее: «Зорова» – я недоумевал, фамилия, как фамилия ни чего в ней странного не было. Я бы сказал, она звучала красиво.

3

Мой друг Виктор с Татьяной сошелся быстро. Везде и всюду он ходил с ней под ручку, не отпускал от себя. Другую девушку, ради которой Преснов когда-то вытащил меня в дом культуры на танцы, он оставил. Забыл напрочь и даже не заикался о ней. Мой друг мог быть забывчивым. Я ему о том не напоминал, лишь про себя улыбался.

Дружба Преснова с Полнушкой мне была на руку. Я мог вместе с ним ходить к девчонкам в общежитие. Это упрощало общение. Виктор часто приходил мне на помощь и помогал поддерживать разговор, если он вдруг становился трудным или заходил в тупик.

Я переживал больше не за него, а за Валентину. Мне было жалко девушку. Она была без парня и оттого дружба с нами ей часто была в тягость. Я не раз наблюдал: во время разговора со мной или же с Виктором как она, отчего то краснела и опускала вниз глаза. У меня порой от этого пробегали по телу мурашки. Преснова – это обстоятельство развлекало. Он, измывался над Валентиной и не раз пытался ее завести. Татьяна спасала положение и отбивала напор своего парня:

– Виктор, перестань, сейчас же перестань! Любишь же ты над людьми поиздеваться.

Мне не всегда было удобно препятствовать другу. Не знаю отчего, но я порой боялся за него – это добром не должно

было окончиться. И не напрасно переживал.

Однажды, по прошествии многих лет, Валентина не удержалась и сказала мне, что я ей понравился сразу, как только она меня увидела, но соперничать со Светланой не могла, уж очень та выделялась не только среди них, но даже в техникуме была на виду. А вот Татьяна, она для Валентины, оказалась простушкой. Мой друг, не желая того, чем-то увлек девушку, и она без труда легко отодвинула от него Татьяну, полностью завладев им. И случилось это – нет, не из-за горячей, вдруг вспыхнувшей любви девушки к моему другу. А из-за того, что Татьяна была наиболее близкой подругой Светланы – ее землячкой – из одного поселка. Их отцы дружили. Однополчане – этим все сказано. Отбив Виктора она таким странным образом отомстила Светлане за ее любовь ко мне.

Данное происшествие случилось неожиданно. Я тогда его полностью и не принял – логика Валентины была мне, да и не только мне, но и другим моим друзьям непонятна. Признать свою вину я также не мог, хотя Татьяну Полнушку с ямочками на щеках мне было искренне жаль.

Долгое время я видел перед собой только образ Светланы, наверное, из-за этого и не смог ничего изменить – повлиять на Виктора. Он был мой друг. Если бы я настоял, возможно, Преснов меня послушал. Для своего оправдания, произошедшее событие, я списал на недостаток времени. Его у меня порой не хватало даже для своей подруги. Я за счастье

почитал, когда вдруг, благодаря расписанию или же болезни преподавателя лекции для наших групп совмещались, и мы имели возможность сидеть вместе. На практических занятиях мы совсем не встречались. Больше было возможности пообщаться друг дружке на глаза в коридоре, в перерыве.

Олег Анатольевич Физурнов меня доставал – гонял как «сидорову козу» не только на занятиях физкультуры, но и внеурочное время. Моя девушка понимала меня. Она как ребенок радовалась любимым нашим встречам, не обижаясь на то, что они часто были мимолетны и коротки. Я мог, например, во время массовых забегов указать Светлане время и место, где проходила трасса и, пробегая по ней, лишь только помахать девушке рукой и поймать ее улыбку. Мне порой этого было достаточно – тело наливалось силою, и я побеждал.

На индивидуальные тренировки физорг посторонних никого не пускал. Он не терпел сентиментальностей. Его строгость меня порой поражала. Я ни разу не видел возле Олега Анатольевича ни его жену, ни детей.

Светлана могла приходить на соревнования. Там она была не одна вместе со всеми – места, где крутились спортсмены для нее, как и для других зрителей были закрыты. Вместе со Светланой я брал на соревнования Виктора Преснова со своей девушкой и, конечно же, Валентину. Михаил Крутов бывал редко. Мои друзья, устроившись в зале на первых местах, болели за меня. Их близость придавала мне уверен-

ность. Я часто побеждал.

Спорт – в то время в стране был на одном из первых мест, ему уделялось особое внимание. Не было ни одного учебного заведения, предприятия, общественной организации, где бы не устраивались всевозможные спортивные праздники. Они проходили торжественно, под оркестр выстраивалась линейка, вверх поднимался флаг. После соревнований снова звучал оркестр, лучшие из лучших спортсменов награждались. Им вручали кубки, медали, вымпелы, грамоты.

Я помню, большинство моих сверстников жили небогато. У многих ребят не было коньков, лыж, настоящих футбольных мячей, специальной одежды и обуви. Однако мы не унывали, спортивный инвентарь брали бесплатно, для этого стоило лишь только записаться в клуб, кружок или какую-нибудь спортивную секцию. Тренеры и не только они, но и администраторы от спорта входили в штат завода и получали деньги – зарплату. Было, кому с нами работать.

Нас почти в принудительном порядке заставляли бегать, прыгать, подтягиваться на перекладине. Мы круглый год играли в футбол, зимой – не расставались с лыжами. Лыжи были везде. Их нам выдавали на спортивной базе машзавода. В выходные дни мы часто отправлялись за город на прогулки.

Правда, за город я часто отправлялся один, без Светланы. На выходные дни она, и не только она, но и Татьяна, порой даже Валентина уезжали к себе, домой.

Не только я один страдал, но и Виктор Преснов. Не знаю,

чтобы я делал, если бы не Олег Анатольевич. Он ни раз выгонял меня на трассу.

Зима была прекрасна: мороз, снег, солнце – упускать такое время Физурнов не желал.

– Андрей, спортзал нам сейчас не нужен. Давай на лыжи. Они – лыжи тренируют «дыхалку», укрепляют ноги. То, что надо.

Я брал с собой Виктора, а порой и Михаила. У нас тогда была чисто мужская компания. Олег Анатольевич хотя и доверял мне, но нет-нет и устраивал проверки. Я не раз встречал его где-нибудь на лыжне. Он приветствовал меня и спешил скрыться. Для него это не представляло труда. Бег на лыжах у него был, что у иноходца. Смотреть, как он шел, просто загляденье.

Дома, Светлану ждал отец – одно слово – папенькина дочка. Мне трудно было уговорить девушку остаться в общежитии. Мой друг был более счастливым. Зазноба Виктора, Татьяна Полнушка, хотя и дружила с моей девушкой, к тому же была ее соседкой – жила на соседней улице, однако часто ему потакала, и выходные дни порой проводила в городке. Правда, на лыжи становиться отказывалась: «Лыж мне и на физкультуре, вот так хватает», – говорила она, проводя рукой по шее, и отправляла парня за город одного. Он для меня был «тормозом», уже минут через тридцать начинал маяться и поглядывал в сторону дома.

– Да не переживай ты так! – подбадривал я парня. – Все

будет нормально. Татьяна к тебе еще только приглядывается. Жди, наступит время, и она будет рядом. Я думаю, у нее хватит смелости, даже на лыжи станет. Ты ведь непостоянный. Сколько девушек сменил. У тебя были..., – и я принимался перечислять имена, увидев злой взгляд друга, запинаясь, но тут же продолжал снова: – От тебя многого можно ожидать. Что не так?

– Да, так, так, – отмахивался от меня Виктор и, перебирая лыжами, шел искать сочувствия у Михаила Крутова. Он тоже ему помочь не мог. Девушка – «своя», за которой Крутов бегал – знала парня как «облупленного», знала его семью. Ей не нравилось то обстоятельство, что парень из рабочей семьи и учится не в институте, а лишь только в техникуме. Выходить замуж за него она не торопилась.

– Да, мой папаня не подарок, – жаловался нам Михаил, – он мне репутацию изрядно подпортил. Нет бы пил дома, а то надерется в сквере у завода, с такими же оболтусами, как сам и лазает в самых людных местах, ко всем пристаёт и говорит о том, как тяжело работать в горячем цеху. А мне из-за него после страдай!

– А ты не страдай! – говорил в ответ Виктор Преснов. – Дались тебе эти, свои. Они все воображалы. Открой глаза – Валентина – красавица и одна мается, возьми и подкати к ней. Я тебе с Андреем помогу! – Я тут же соглашался, кивал головой. Мне было жалко Крутова, да и девушку не терпелось пристроить, уж очень она по-особому смотрела на меня.

Михаил хотя и сторонился девушки, но нет-нет и оказывался в нашей компании. Я, глядя на парня, ни раз ловил себя на мысли, что ему не нужна Валентина. Ему бы больше подошла Татьяна. Но, она была что надо и для другого моего товарища – Виктора. Не мое дело пусть сами разбираются, делал я заключение и успокаивался.

У меня не было свободного времени задумываться. Мне даже со Светланой находиться рядом не всегда удавалось. Не зря я все делал, возможное и не возможное, чтобы она не могла без меня прожить и дня. Мне было ясно – наше счастье не за горами. Светлана, как ни кто другой, если не считать матери, чувствовала мое состояние. Она ни раз угадывала – если говорила: «Андрей тебя ждет победа!» – я побеждал. Я знал, что девушка для меня не была чужой. Это точно. Достаточно одного примера. Это произошло на спартакиаде, я чуть было не разуверился в ее словах – разминка у меня прошла плохо. Но Зорова оказалась права, я снова победил, тут же разыскал девушку и выдал ей:

– Знаешь, кто ты, знаешь? Ты у меня ясновидящая! – и завалился в кресло, которое подруга мне заблаговременно приберегла. А она в ответ засмеялась. Смех ее был по-детски тонким и приятным, я был им очарован:

– Ты смейся, смейся, – сказал я, – не останавливайся. Светлана тут же отмахнулась от меня.

– Ну, что ты Андрей, народ рядом, сразу же подумает, что я у тебя дурочка. Тебе ведь этого не надо. Или ты согласен? –

И снова засмеялась.

Большую часть времени я, и Светлана находились рядом не физически, а в мыслях. Я с каждым днем привязывался к ней. Она мне нравилась. Расставаться всегда было трудно. Проводив девушку до общежития, мы подолгу толклись у входа. Нас отрезвляла тетя Надя. Она в отличие от других вахтерш выходила на улицу и, постояв с минуту, предупреждала:

– Все, закрываю дверь. Кто не успел, тот остался на улице.

Я в душе был оптимист. Мне была понятна концепция отца, я ее принимал беспрекословно. Он всех людей делил на три большие группы: одних он считал весельчаками, к ним он причислял в первую очередь себя, других носителями негатива – они везде и всюду жизнь видели с изнанки и от этого мучились, третьи у него были люди, подверженные влиянию тех, которые могут и грустить и радоваться жизни.

Моя девушка была, как-то солнышко. Я с ней всегда чувствовал себя хорошо, как наедине, так и в компании. Даже ее «лишняя» подруга – Валентина, всегда находилась рядом с нами и не была в тягость – все это благодаря Светлане. Моя зазноба умела ее удержать своими теплыми словами. Может быть, причина была в другом, – хотела бы ушла, не знаю. Однако чтобы там ни было, она везде и всюду находилась рядом с нами. Редко какое мероприятие проходило без Валентины.

Однажды я попросил своего отца, и он у себя на работе достал мне и моим ребятам билеты в столичный театр. Та-

тьяна не смогла поехать с нами, у нее заболела мать. Девушка отправилась к себе домой, забросив даже занятия в техникуме. Преснов от культурного мероприятия не отказался.

– Молодец! – сказал я улыбнувшись. – Сам понимаешь, мне ведь с двумя красавицами никак ни управиться, – и я обвел рукой, стоящих рядом девушек Светлану и Валентину.

Столица, есть столица. Везде было много людей и мы, чтобы не потеряться часто держались друг за друга. Я ни на шаг не отпускал от себя Светлану, а Виктор – Валентину. Правда, первое время он шел с нею на расстоянии, стеснялся и только иногда брал девушку то за талию, то под ручку. В метро мы чуть было не растерялись, и я предложил им: «Да возьмитесь вы за руки. Ищи вас потом» – мы тогда боялись опоздать в театр. Времени у нас было немного.

– Это все штучки Валентины, – впоследствии заподозрила Светлана. – Она специально все так устроила. Ей это было надо. Ты видел, как Валентина хватала Виктора за руки. А руки – это что оголенные провода – соедини их и вот ты уже ощущаешь любые токи души другого человека – ничего нельзя скрыть, завуалировать – открыт, как на духу.

Я любил ходить в театр. Меня в детстве родители часто таскали по спектаклям и научили разбираться в условностях, без которых театр был бы не театр. Мне хотелось, чтобы и Светлана понимала происходящее на сцене. Я, часто обращался к ней и объяснял те или иные запутанные сцены. Она с благодарностью жала мне руку. Рядом с другой стороны на-

ходила Валентина, чуть дальше Преснов. На его месте мог быть Крутов. Я, не понимал поведения Михаила. Валентина легко, без проблем могла стать городской девушкой. Она была наблюдательна, легко поддавалась обучению. Природная стеснительность уберегала ее от плохих поступков. Она не способна была сделать шаг, не увидев себя мысленно со стороны. Я заметил у девушки чувство такта. Чем-то она была близка Михаилу Крутову. Виктор Преснов с ним не мог сравниться. Он, я бы сказал – был грубее и очень уж прост.

Спектакль окончился поздно. Домой мы приехали за полночь. Хорошо, что мы предупредили тетю Надю, и она без криков лишь только я стукнул в дверь, впустила нас в общежитие. Я поцеловал на прощанье Светлану и расстался с ней. Мне трудно было понять, что привлекло Виктора в Валентине, отчего он вдруг забыл о Татьяне. Во время расставания подруга Светланы навалилась случайно на него своей большой грудью, и парень дрогнул. Я, когда дверь за нами закрылась, не узнал Преснова. Он весь дрожал, как от сорокаградусного мороза. Зуб на зуб не попадал.

– Успокойся! – съехидничал я. – На дворе скоро уже весна – погреешься, когда начнешь таскать Валентине цветочки.

Зря, я тогда сказал так. Борьба страстей у Виктора продолжалась не один месяц. Татьяну от себя друг «отрывал с кровью». Сблизился он с Валентиной летом во время практики. Практика у нас проходила на машиностроительном заводе в одном из цехов. Уж не знаю, где там, наверное, за од-

ним из станков девушка обвила его своими тонкими, гибкими словно змеи – руками, запутала в волосах и парень просто «погиб».

Светлана меня воодушевляла на многие дела. Я ею был доволен. Благодаря девушке, я стал лучше учиться, хотя, если говорить честно, меня техникум в нашем городке не привлекал. Я поступил в него совершенно случайно. На горизонте была Москва. Для меня родители готовили институт. На какое-то время московский вуз отошел на второй план. Причина была в том, что я вернулся из армии поздней осенью. Набор в учебные заведения уже был окончен. Я не знал, что мне делать, необходимо было как-то убить время.

Мои друзья Виктор Преснов и Михаил Крутов возвратились со службы раньше меня – весной. У них было предостаточно времени, чтобы успешно сдать экзамены и поступить в наш техникум. О чем-то другом они и не помышляли.

Я уже не помню, как все это было, кто конкретно из ребят сказал мне первым: «Асоков! Иди к нам учиться», – но я случайно о данном предложении ребят проболтался дома, и отец, махнув рукой в знак того, что так тому и быть, тут же отправился в дирекцию учебного заведения, в котором учились мои друзья, и пристроил меня.

– Андрей! – сказал мне тогда он. – Это неплохое предложение, выход. Иди! А там видно будет! Не понравится учеба, я тебя на следующий год переведу в столицу. Сейчас даже я не в силах что-либо сделать. Сам понимаешь, поздно,

учебный год начался.

Учиться я пошел без особой охоты, за компанию – рядом будут мои товарищи, а значить, мне скучать не придется. Встреча с Олегом Анатольевичем – физоргом несколько отодвинула меня от Виктора и Михаила, хотя я с ними контакта и не терял, но за то придала смысл моим походам в техникум. Светлана – для моих занятий спортом предоставила мне крылья. Я лишь ради соблюдения этикета подходил к физоргу и говорил ему: «спасибо». Нет, я не мог отрицать, его помощь была ощутима, но без девушки я, завоевав приз, не смог бы себя чувствовать на седьмом небе. Без крыльев нет неба.

Я летал. Рядом была Светлана. Я, благодаря ней, стал более аккуратным и внимательным. Мои родители не раз обращали на это мое внимание.

– Да, это все она – Светлана, ее влияние, сын наш таким никогда не был, – говорил с поднятой головой отец, – никогда!

– Ты, должен, – обращалась ко мне мать, – нас с нею познакомить. – Я, соглашался, говорил: «Хорошо-хорошо!», а после отнекивался, тянул время. Особенно на меня нажимал отец.

Однажды, он не выдержал и, уставившись на меня своими стальными глазами, они у него могли быть самыми разными и даже такими, строго сказал:

– Андрей, если ты завтра, ну крайний срок послезавтра

не приведешь Светлану к нам в дом, не познакомишь нас с нею, я сам отправлюсь в общежитие и поверь мне, найду что сказать девушке, пусть тебе будет после стыдно.

Я выполнил просьбу отца. Тянуть время стало опасно. Он работал в министерстве в каком-то управлении начальником отдела, и, наверное, оттого был решительным, напористым, умел требовать. Я понимал, когда он говорит и дает время – можно не спешить, а когда голос у него строг – это значить, необходимо его желание выполнить – выполнить незамедлительно.

На следующий день я разыскал девушку во время перерыва в длинном коридоре и попросил после очередной – последней пары лекций подождать меня у входа в техникум. Когда занятия окончились, мы встретились. Я подхватил Светлану под руку и увлек ее за собой. Она еле поспевала за мной, быстро-быстро перебирая ногами.

– Андрей, что-то случилось? – спросила девушка, заглянув мне в глаза. – Или ты просто соскучился по мне, а, говори?

– И то и другое! – ответил я. – Мои родители хотят тебя видеть.

– Прямо сейчас? – спросила она.

– Да, прямо сейчас! – ответил я, ничуть не сбавляя шаг. – Мать взяла отгул. Отец ради этого приедет раньше домой. Он завтра уезжает, ему нужно хорошее настроение. Мы ему должны помочь его обрести.

– Не мог меня предупредить раньше? – спросила Светлана.

– Извини, не мог.

Командировка у моего отца была на большой завод – туда к себе. Там он, наверняка, должен был встретиться со своей дочерью. Я это понял по поведению матери. Он не удержится, и сообщить хрупкой девочке из прошлого обо мне, и еще о Светлане – моей принцессе. Непременно похвастается ей. Я представлял, как отец скажет и потрет при этом руки. В глазах замужней сводной сестры я стану взрослым и она, возможно, забудет мою детскую выходку – избиение ее прутом.

Минут пять-десять Светлана шла по инерции, размышляя над моими словами.

– Ну, хорошо! – согласилась она, – наверное, так и должно быть. – Для меня слово «отец» – свято. Отец, есть отец, – сказала девушка и задумалась.

Всю оставшуюся дорогу мы шли молча.

На морозе девушка раскраснелась и выглядела просто русской красавицей. У дома, на крыльце она остановилась, я легонько подтолкнул ее:

– Заходи!

– Асоков, не торопи, дай, я соберусь с духом.

– Запомни, обратной дороги нет! – сказал я и она, с шумом вдохнув морозный воздух, подняв голову вверх, быстро вошла в дом. Я, проследовал за ней.

Прихожая у нас не была светлой, даже днем, летом в ней царил полумрак, а тут вдруг странно хоть иголки собирай. Я свет не стал включать, ни к чему.

– О, солнышко! – сказал отец. Он уже был дома. Отец умел делать комплементы. Его слова были, кстати. Услышав их, в прихожую вышла мать.

Я помог Светлане раздеться, представил ее родителям, и мы прошли в зал. Отец посадил девушку на диван. Я устроился рядом, чтобы в случае необходимости прийти ей на помощь. Моя мать могла приревновать меня к Светлане и невольно обидеть ее. За отца я не беспокоился. Хотя кресло было более представительно и могло выделить Светлану, он не посадил в него девушку, а сел сам. Я был доволен этим обстоятельством. Моя зазноба не была под перекрестным огнем наших глаз. Что было важно особенно в первый день знакомства.

Мои родители были в восторге. Светлана им пришлось по душе. Она косноязычием не страдала, говорила легко, порой была наивна. Это особенно радовало мою мать. Отец хотя и загадочно улыбался, однако воспринимал слова Светланы также по-доброму.

Девушка рассказала, кто она, упомянула о своих родителях, сообщила, где они живут и кем работают, затем принялась описывать свою жизнь в городке. Долго говорила о занятиях в техникуме, мы с ней были в разных группах, объяснила причину выбора своей будущей профессии.

Я ее слушал с удовольствием. Себя, она не выделяла. У нее на первом месте были друзья, подруги. Особенно много было слов о Татьяне Полнушке. Девушка была ей более близка, чем Валентина. Как ни как из одного поселка. Татьяну она знала с детства. Их отцы фронтовики – дружили.

Мой отец Николай Валентович на работе человек значительный, дома в семье среди близких и друзей не страдал манией величия. Я знал – он, если бы слог у моей зазнобы был вычурным и многосложным, ее бы не принял. Отец очень тонко умел поддерживать беседу и я, наверное, только благодаря нему, стал Светлане еще ближе.

Время прошло незаметно быстро. Был накрыт стол. Мы покушали. Мать к чаю приготовила пироги. Наконец настал момент, я пошел провожать девушку до общежития. Отец, улучил мгновение, за спиной у моей подруги, поднял вверх большой палец и прошептал мне:

– Во-о-о!

Меня, его жест обрадовал.

Я стал часто приглашать Светлану к себе домой. Ей было у нас хорошо. Она с удовольствием помогала моей матери Любовь Ивановне возиться на кухне. Та, ею не могла нахвалиться:

– Андрей, она у тебя работающая. И, что главное – все умеет делать по дому. Даже пироги печь. Отличная будет жена.

– Ну, это ты ее, наверное, всему учишь? – тут же парировал я.

– Да нет, она сама.

Светлана Зорова любила бывать у нас дома. Однажды я провожал ее до общежития. Мы шли, прижавшись друг к дружке. Я шел, держа правой рукой левую руку Светланы, пропустив ее сзади со спины, а левой спереди – правую. Песня рук – иначе такое переплетение не назовешь.

Однажды Виктор Преснов хотел перенять у нас манеру так ходить, но не смог. Хотя я ему и ни раз показывал, все бес толку.

– Не знаю, как это у вас получается? Я и Валентина, в недоумении, – сказал он мне с завистью.

Я с трудом удержался от ответа: – «И не получиться, Валентина – другой человек – это тебе не Татьяна!»

До закрытия общежития еще было много времени. Мы шли неторопливо. Зорова не удержалась и сказала мне:

– Андрей, я у вас порой чувствую себя лучше, чем дома. Такое состояние ощущала я только в детстве. Но это было давно.

Дома – это было дома. Лучше нигде не может быть. Я не принял ее слова, но вникать в смысл сказанного не стал и посчитал их за обыкновенную лесть. На самом деле все было не так. Мне это стало понятно значительно позже.

Мою мать Светлана называла леди. Она Любовь Ивановну несколько побаивалась. А вот с отцом чувствовала себя на равных, хотя часто и говорила о нем:

– Николай Валентович элегантен, как граф! – Отец к осо-

бам женского пола относился очень деликатно. Он, это умел делать, мне до него было далеко. Я не обладал тем шиком, которым был наделен отец. Это у него было от природы.

Я с родителями девушки познакомился значительно позже. Прошел не один год. Светлана, ни в какую не хотела меня везти к себе в поселок. Что-то ей мешало. Она постоянно придумывала всевозможные причины, чтобы не поехать. То, она говорила, что у нее отец болен, то вдруг эта самая эпидемия перебрасывалась на мать и уже она неважно себя чувствовала. Алексей, брат также присутствовал у нее в разговорах, и часто из-за него она оттягивала день моего знакомства со своими родителями.

– Вон, смотри! – говорил я ей, – Преснов с Валентиной уже скоро поженятся, а я еще не знаю ни твоей матери, ни твоего отца, хотя ты в своих словах очень часто говоришь о них. Они у тебя присутствуют везде.

– Ну, Андрей, не обижайся на меня, познакомлю я тебя с ними. Придет время...

И время пришло. Я помню – мы не учились – выполняли заключительные работы. После их защиты нам должны были вручить дипломы об окончании техникума.

Однажды, когда я перестал ждать, Светлана сама подошла ко мне и сказала:

– Андрей, ты можешь со мной поехать?

– Да! – ответил я. – С удовольствием.

До поселка, в котором жила семья моей девушки, мы до-

брались быстро – на автобусе. Я не ожидал, что это так близко от моего городка. Москва и та была дальше, правда, она расширялась и оттого семимильными шагами подступала к городку, и недалеко было то время, когда она, как большая река вбирает малые водоемы, могла вобрать его в себя полностью, целиком.

Светлана на улицах своего поселка со всеми встречными здоровалась, вынуждая и меня быть вежливым – следом за ней говорить «здравствуйте», при этом я слегка склонял голову. Люди на меня глазели, как на заморское диво. А у моей девушки спрашивали:

– Света! Это не жених твой?

– Да, жених! – отвечала она, и отпускала вниз глаза. За спиной я слышал: «Дочка Киргиза вон какого знатного жениха себе отхватила... А он тоже не русский, есть в нем что-то не наше».

Однажды – это было уже после нашей со Светланой женитьбы, я спросил у нее: «А почему твоего отца в поселке зовут Киргизом? Он же никакой не киргиз!». «У нас любят давать прозвища, – ответила Светлана. – Мой отец не русской национальности. Этого достаточно. Никуда не денешься. Как назвали, так назвали. Вот так!»

Девушка вела меня под руку к себе домой с боязнью. Я ощущал ее тревогу – что еще будет. Ее опасения мне стали понятны значительно позже. А до этого я четко делал шаги навстречу своего будущего.

Дом был большой из кирпича одноэтажный, двухквартирный, покрыт железной крышей. Я увидел у калитки пожилую невысокого роста умеренно полную женщину и направился к ней. Светлана пошла следом за мной.

– Здравствуйте баба Паша! – сказала моя подруга. Я также поздоровался. Девушка представила меня:

– Это, Андрей, – и все, больше ничего. Женщина, знающая цену жизни – это было видно по ее изможденному лицу, в отличие от других знакомых Светланы не стала интересоваться и выяснять кто я такой, не видела в том необходимости. Ей оказалось достаточно одного моего имени.

Девушка немного постояла, перекинулась с бабой Пашей ничего незначащими словами и, взяв меня за руку, потянула в сторону.

– Наша квартира чуть левее, – сказала моя зазноба и, отпустив мою руку, показала на окна, затем оторвалась от меня и пошла вперед, выигрывая доли минуты, для того чтобы предупредить своих родных о моем появлении. Она чувствовала себя неуверенно, словно чего-то боялась.

Я поднялся на крыльцо и прошел в прихожую следом за нею. Меня встретил отец девушки, он испытывающим взглядом окинул меня с ног до головы, затем, освободив правую руку, он ею держал завернутое в полотенце белье, протянул для приветствия, пожав, спешно выставленную мою, представился:

– Дядя Филипп. – Мать Светланы, следом за мужем ти-

хо добавила: – Я, Мария Федоровна. – В доме находился и Алексей. Я его не понимал. Он был женатым человеком, но часто пропадал в поселке, оставляя жену с ребенком в городе. Не знаю, то ли она не хотела общаться с его родителями, то ли он ее просто не брал с собою, чего-то стеснялся. Брат Светланы тут же подошел ко мне со словами:

– А, это ты, – и подал руку. Он тоже держал в руках белье.

Филипп Григорьевич мужчина лет пятидесяти оказался очень уж прост, мне незнакомому парню тут же предложил:

– Андрей, у нас сегодня банный день, не желаешь с нами сходить за компанию? – и при этом кивнул головой в сторону Алексея. Я тогда отказался, но то тогда, а после с превеликим удовольствием ходил в баню. Она у Филиппа Григорьевича оказалась отменной. Мне понравились его березовые и дубовые венички с вложенными в них стеблями мяты. С каким жаром я научился стегать себя ими – до изнеможения и обдаваться после холодной водой. Это не в городской бане мыться. Невозможно даже сравнить.

– Хозяин барин, – сделал заключение Филипп Григорьевич, услышав мой отрицательный ответ и сказав Алексею: – Пошли, – двинулся к двери, оглянулся, и Марии Федоровне выдал:

– Вы в баню пойдете вечером, гостя нужно как следует встретить, чтобы стол ломился, вот!

Они ушли. Я остался со Светланой и ее матерью, затем Мария Федоровна занялась готовкой, а мы отправились в зал

– другую комнату. Что мне бросилось в глаза обстановка в доме была бедной: большая русская печь, рядом слегка занавешенный ситцевыми шторами настил, упирающийся другой своей частью в стену – на нем видно как и на самой печи спали, стол у окна, большая скамья, несколько, табуреток – это в одной комнате. В другой – зале тоже печь – Светлана назвала ее грубой. На ней можно было, как на диване, посидеть и не только, развалится – «погреть кости» – это выражение Филиппа Григорьевича. Зимой, в лютые морозы, груба была просто необходима. Еще в комнате стоял письменный стол, вокруг него располагались стулья, сундук для одежды. В спальную комнату я не заходил. Мне было достаточно взмаха руки девушки и слов:

– Там, апартаменты родителей. – Слово – «апартаменты» было произнесено, как-то свысока и я для себя принял его как место, ничуть не уступающее предыдущим помещениям, мной уже виденным, однако, пользующееся положением привилегированным – особым статусом.

За русской печью находилась детская. Светлана показала мне и ее. Алексей обычно спал на печи, а она на кровати – железной с никелированными набалдашниками. После того, когда они стали взрослыми, ее брат на ночь стал располагаться на настиле – летом или же в зале, на грубе – зимой.

Тому, что я увидел в доме у Светланы, особого значения не придавал: поселок, ни город и интерьер должен быть соответствующим. Наша квартира выигрывала, она была мебели-

рована просто шикарно. Я, предвидел разницу в обстановке задолго до знакомства с семьей девушки, слыша ее ахи, когда она бывала у меня в гостях. Меня поразило, то, что произошло несколько позже, когда с бани вернулся красный, что тот рак, хозяин. Он разыскал меня и Светлану в детской и настоял:

– Так, молодые люди, живо за стол. Все уже готово! Бутылка в центре. Нужно выпить за знакомство! – Я начал что-то говорить, пытаюсь отказаться от такого приглашения, но Филипп Григорьевич моих возражений не принимал.

– Нет-нет, – дыхнул он на меня перегаром. Заметив, как я поморщился, Филипп Григорьевич в свое оправдание, тут же рассказал притчу о том, что еще царь Петр говорил: «Нет денег, теленка последнего продай, но с бани вернувшись, выпей!» – Я вот сто грамм уже принял, так что извиняемся. А теперь, вот еще примем, – сказал он и стал меня поднимать со стула. Мне пришлось отправиться на кухню. Следом за мной пошла и Светлана. Она себя чувствовала неудобно. Ей было стыдно за настойчивость отца, но поделаться она ничего не могла.

– Иди, вот сюда, на видное место. Присаживайся! – указал мне на стул отец Светланы. Рядом Филипп Григорьевич по левую сторону от меня усадил свою дочь, затем уселся сам, но в торце стола. Мария Федоровна и Алексей красный, как и Филипп Григорьевич, уселись несколько особняком. Едва я устроился, как отец Светланы тут же ухватил бутылку за

горлышко и налил всем водки.

– За знакомство! – сказал Филипп Григорьевич. – Я чуть отпил и поставил стакан на стол. – Нет, так не пойдет! Ты, что больной? Парень на вид крепкий или не уважаешь нас? Что мы не люди?

– Уважаю, – ответил я.

Моя зазноба стала говорить о том, что я спортсмен и мне нельзя. Отец Светланы так и не понял, отчего нельзя, не желал понимать, тарачил на меня глаза и сильно возмутился:

– Вон, какой торс. Здоровяк и не хочешь выпить, странно это, странно.

– Папа, у Андрея завтра соревнования. В другой раз.

Филипп Григорьевич махнул на меня рукой и стал пить молча без тостов. Выпивка была – одна водка, вина здесь не держали, закуски также были не прихотливы – соленые огурцы, помидоры, капуста, селедка и еще что-то из острого и соленого. На горячее Мария Федоровна подала жареную картошку тушеную в печи, с мясом. Она мне понравилась.

Меня разносолы, приготовленные Марией Федоровной, не шокировали. Разговоры за столом порой были покруче, поострее и посолонее самих закусок. Мне было трудно ориентироваться. Я часто терялся, и вел себя неординарно, не зная, как отвечать на реплики Филиппа Григорьевича. Он задавал тон за столом. Был груб и напорист. Светлане и Алексею передо мной было неудобно. Мария Федоровна сидела тихо. Она себя чувствовала виноватой.

– Вот, моя доченька! Одна моя кровиночка! – гнусавил, напившись, Филипп Григорьевич, а затем вдруг начинал ругать себя за то, что не пригласил отца Татьяны Полнушки:

– Вот была бы компания. А то и выпить не с кем.

Свой стакан водки я так и не допил до конца. После, при расставании хозяин, повиснув у меня на плечах, не удержался, и заплетающимся голосом сказал мне:

– Андрей, я раньше спиртного в рот не брал, религия не позволяла, а вот теперь, пожалуйста. И правильно делаю. Я, русский, понимаешь, русский до глубины души. Наши, мусульмане в праздничные дни кумыс пьют, в тяжелые времена травку курят, а я не хочу пить кумыс, он слабый, не хочу курить травку, лучше буду пить водку. Она и в праздники хороша и в тяжелые времена. От нее легче избавиться, чем от наркоты. Я бы избавился, но тяжелые времена, начавшиеся в сорок первом году... – он махнул в сердцах рукой, помолчал, а затем продолжил:

– Ты, тоже русский! Неправильно все это, – и Филипп Григорьевич показал на мой стакан. – На горе оставляешь!

Я, признал в отце Светланы, алкоголика: его волосы были всклочены, под глазами мешки, лицо худощавое, измождено резкими длинными морщинами. Было в жизни что-то такое, что с давних лет тяготило Филиппа Григорьевича, вынуждало его быть с водкой на «ты» – пить и пить. Мое присутствие ему было на руку. Он моим визитом остался доволен, так как это дало ему возможность напиться. В водке Филипп Гри-

горьевич находил успокоение, отодвигая мучившую его застарелую проблему – рану военных лет, которую невозможно было вылечить. К дочери он относился очень уж ласково, она была у него любимой, для сына ему не было жалко ни грубого слова, ни крепкого тумака. Я не понимал, отчего он так неодинаков в отношении к своим детям.

Алексей недолго побыл за столом. Филипп Григорьевич не выдержал его присутствия и, двинув горячим кулаком по столу, выгнал парня на улицу. Причина была до того пустячной, что я даже ее не заметил. Лишь обратил внимание на слова Светланы в защиту брата:

– Пап, да пусть сидит!

– Нет, не бывать тому! Марш отсюда. Мерзавец! – выкрикнул хозяин.

Минуты через две-три тихо незаметно следом за братом Светланы из-за стола выскользнула и Мария Федоровна.

– Знаю, побежала своего сыночка гладить по головке! – отпустил фразу в адрес жены Филипп Григорьевич.

Находиться долго в доме Светланы мне было тягостно и я, выразив желание освежиться, выбрался во двор. Больше я за стол не сел. Моя невеста из-за поведения своего отца чувствовала себя передо мной неуверенно. Ее зеленые глаза выражали тревогу. Что-то девушка не договаривала. Мы в тот день не были откровенны. Нам не хватало взаимопонимания. Я искал руки Светланы и не находил их.

Время пролетело быстро. Я его не заметил. Очнулся

лишь, когда услышал вдруг слова своей принцессы:

– Ой, тебе уже пора! – сказала она. – Быстренько соберайся и пошли на станцию. Остался последний рейс, больше автобусов на сегодня не будет. Идем, я тебя провожу, да и мне нужно торопиться: баня совсем простынет.

Я уехал один. Глаза у Светланы были печальны. Я это чувствовал, может оттого, что она на прощанье меня не поцеловала. Такого раньше не было.

Долго-долго в окошке старого пазика я видел перед собой ее образ. Девушка стояла и на прощанье махала мне рукой. По прошествии времени я понял, что тогда Светлана Зорова расставалась со мной, расставалась навсегда. Однако мне того не хотелось, и я чтобы, задуманное ею не сбылось, должен был приложить немалые силы. Светлана должна была под моим влиянием забыть на время о своих родителях и заняться собой, только собой. Этого было достаточно, чтобы она почувствовала себя моей, стала моей, была моей. Мне справиться с ее противостоянием удалось не сразу.

5

Эта моя поездка и знакомство с семьей невесты изменили наши отношения, если быть точным, их отношений просто не стало. Я, что только не делал, чтобы встретиться со своей зазнобой, но не мог. Она меня избегала. В техникуме мы уже не учились – готовились к защите дипломов. Я зря болтался по его коридорам, надеясь на случай. У нас было свободное посещение. Светлана могла мне попасться лишь во время консультаций. Но, не попадалась. Я не понимал ее и мучился.

Домой ко мне она ходить перестала. Однажды мой отец не удержался и поинтересовался:

– Да, а что, Светлана к нам заходит? Я уже давно ее не видел!

– Нет, не заходит, – ответил я, и тут же вышел в другую комнату. Мне трудно было разговаривать с ним о Светлане. Николай Валентович на женском фронте не имел поражений. Я предвидел, о чем он мне стал бы говорить. Его нравучения мне были ни к чему. Тошно было на душе.

Тетя Надя – вахтерша меня порой не узнавала.

– Асоков, ни как ты! Что с тобой? Ты изменился. Ну, ладно, беги к своей!

Я пытался вытащить студенческий билет, показать его, но тетя Надя хватала меня за руку:

– Не надо, иди, я же сказала: разрешаю!

– И я, стремительно перескакивая через отдельные ступени, бежал вверх, находил нужную мне комнату, стучал в двери, услышав приглашение – заходил, приветствовал всех и осматривался, выискивая глазами свою зазнобу.

Я видел Валентину, Татьяну. В комнате порой мне попадался мой друг Виктор, но Светланы не было. Иногда я засиживался до полночи и все напрасно. Однажды я не выдержал и обратился к Преснову. Мне было стыдно искать помощи у него, но пришлось, так как я во что бы то ни стало, хотел поговорить со своей невестой. Ссоры ведь как таковой не было, если бы мы поругались, то тогда другое дело.

Виктор сжалился надо мной и однажды, когда мы, покинув общежитие, отправились по домам, сказал:

– Не знаю, чем ты провинился, но перед твоим приходом Светлана прячется. Залезает в шкаф и сидит там. Все это я тебе сказал для информации, запомни. Ты ничего не предпринимай. Иначе мне попадет: девчонки больше не пустят меня к себе. – Он помолчал, потер лоб, а затем продолжил:

– Я, сам понимаешь тоже в щекотливой ситуации. Не знаю, что и делать. Диплом, можно сказать в руках. Пора жениться! Чего тянуть. Валентина, дала добро, согласна. Но рядом Татьяна – я перед нею просто свинья.

– Но ты сделал выбор? – спросил я.

– Да, сделал, сделал, – сказал он, – однако мне тяжело, как-то не по себе.

Виктор Преснов понимал, что Татьяна – это девушка для него просто создана. Но ничего поделать с собой не мог. Чтобы освободиться от Валентины ему необходимо было время. А времени этого уже не было. Да и Валентина всегда была начеку, не подпускала парня к подруге и порой в минуты опасности, что того коня поднимала на дыбы. Мой друг раздражался и становился не управляемым. Татьяна тут же ретировалась.

Я, глядя на них, понимал, жизни у Виктора с Валентиной не будет. Они держались друг возле дружки только по причине того, что рядом находилась Татьяна. Вот она получит распределение, уедет, и не дай Бог, чтобы между ними пробежала черная кошка – они расстанутся, расстанутся навсегда. Их союз ничто не спасет. В будущем так оно и случилось. Зря, я тогда не вмешивался в их взаимоотношения.

Преснов помог мне, помог тем, что рассказал о том, где прячется моя зазноба, а еще его слова о переживаниях Светланы дали мне возможность понять – не все потеряно. Есть шанс помириться, маленький, но есть.

Из слов друга моя зазноба последние дни ходила чернее тучи – мрачной. Она ни с кем в комнате не общалась. Душа была закрыта на все замки.

– Мучается, – сказал Виктор, – и ты мучаешься. Не пойму я вас. Так все было хорошо и вот – «здратье».

Татьяна Полнушка, напротив, понимала и меня и свою подругу. Она считала наши разногласия временными, иначе бы

не влезала. Я помню, она ни раз говорила нам: «Андрей и Светлана, я смотрю на вас и не могу налюбоваться – вы идеальная пара. Таких, не бывает!»

Девушка все делала, чтобы нас примирить. Однажды Полнушка, разыскала меня на консультации, подошла и, поприветствовав, сказала:

– Андрей, не переживай, все будет нормально. Ты тут ни причем. Во всем виновата моя подруга Светлана. Ты пока не влезай, подожди, она находится где-то рядом возле тебя. Я это говорю в переносном смысле. Понимаешь? – девушка заглянула мне в глаза. – Я думаю, тебе мог бы помочь ее брат Алексей Зоров. Встреться с ним, поговори. Он хороший добрый парень. Правда, у него свои проблемы. Ну, ничего. Пройдет время, и вы будете вместе. Потерпи.

Татьяна Полнушка для меня оказалась хорошим товарищем – своей девушкой. Я с ней чувствовал себя комфортно. Мне не было необходимости, что-то скрывать, юлить, обманывать ее. Мы сразу же с первых минут знакомства нашли общий язык. Ее нельзя было сравнить с Валентиной. Хотя я однажды, заглянув в карие глаза Валентины, открыл для себя, то, что она всегда ото всех прятала – сильной, девушка лишь хотела быть, старалась, но это все было наносное – лежало сверху – внутри обычная слабая женщина, ищущая ласки и тепла – опоры, сильного мужского плеча.

В трудные минуты жизни Татьяна часто приходила мне на помощь, и я ей был благодарен. Я поступил, как она мне по-

советовала – встретился с братом Светланы – своей зазнобы.

Алексей Зоров работал на машиностроительном заводе. Я с ним встречался иногда, правда, все те встречи зависели от ее сестры Светланы. Она была их инициатором. Сами по себе мы ни виделись, не было необходимости.

И вот в один из свободных дней я отправился на завод и стал недалеко от проходной. Алексея, я увидел сразу же. Он шел неторопливо, смотрел под ноги. Веселья на лице у парня я не заметил. Его что-то тяготило. У меня в голове мелькнула мысль не подходить к нему, перенести встречу на другой день, возможно, я бы так и поступил, но, вспомнив слова Татьяны Полнушки о том, что Зоров собирался в ближайшее время взять очередной отпуск, рассекая толпу, идущих со смены домой людей, я тут же бросился к нему.

– Привет! – сказал я. – И тронул Алексея за плечо. От неожиданности он вздрогнул.

– Андрей, ты! Случилось, что-нибудь? – спросил парень.

Алексей Зоров ничего не знал о моих взаимоотношениях со своей сестрой. Она, наверное, не делилась с ним.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал я. – Мне трудно понять Светлану. Я не знаю, что и думать. Она меня, после той памятной встречи у вас дома, избегает. Ты мне можешь рассказать, с чем это может быть связано? Что я сделал тогда такое, страшное, от чего она неожиданно во мне разочаровалась?

Алексей приподнял голову, взглянул на меня и, не оста-

навливаясь, сказал:

– Андрей, все это сложно. Я вижу, она тебе нужна... На ходу, говорить об этом не стоит. Давай куда-нибудь зайдем. На трезвую голову я вести такие разговоры не в состоянии.

На улице, в сквере, как это делала большая масса трудяг – рабочих завода я пить не хотел. Да и вообще я был человеком не пьющим. Спортсмен – этим все сказано.

Я, предложил Зорову зайти в кафе. Он утвердительно кивнул. Мы взяли бутылку вина, закусок и сели в уголок за пластиковый столик без скатерти. Зал был полупустым. Видно не время. Интеллигентные места были для интеллигентов, а они оканчивали работу несколько позже.

Я налил Алексею полный стакан, себе чуть-чуть – на дне. Он возражать не стал. Выпил тут же залпом. Затем снова, едва я успел наполнить стакан. Только после этого у него развязался язык и он начал разговор. Мне не нужно было его ни о чем спрашивать. Я боялся, что мои вопросы лишь заведут Алексея в тупик. О чем бы он не говорил пусть даже о том, что касалось лично его, оно касалось и Светланы. Она не была для него чужой. Сестра – этим все сказано.

– Дурак я, вот кто? – сказал Алексей. – Жениться мне нужно было на своей девушке, из поселка. – У меня сразу же перед глазами возник образ Михаила Крутова. – Была ведь возможность. Вот бы и взял ее. Так нет же. Баба Паша не раз меня подталкивала, не послушал.

Он спешно рассказывал мне о своей жизни. Но до конца

обо всем поведать не успел. В кафе вдруг стало шумно.

Зоров, окинул взглядом наполняющийся людьми зал, сказал:

– Пошли отсюда, не дадут. Поговорим где-нибудь в другом месте. У меня дома сейчас кавардак – ребенок без конца орет, жена на взводе, от тещи покоя нет. Я не могу тебя привести к себе.

Мы вышли из кафе, и пошли по улице.

– Я, не родной сын Филиппа Григорьевича, – продолжил Алексей. – Да ты, наверное, это заметил, хотя бы по его отношению ко мне, там за столом. Он мне всего на всего отчим. Мой отец пропал без вести на войне. Филипп Григорьевич с моей матерью Марией Федоровной встретился случайно. Он возвращался с фронта, и его друг-однополчанин из нашего поселка, уговорил заехать к себе в гости. Филипп Григорьевич заехал, рассчитывал побыть дня два-три, но задержался. – Алексей потер лоб, скривился и выдал:

– До сих пор никак не уедет. Я с ним часто ссорюсь. Он меня с детства не любит. У него любименькая – это моя сестра Светлана. – Парень замолчал. Мы шли вдоль улицы. Я ничего не замечал и подобно Алексею, когда он выходил из проходной – смотрел на землю, под ноги. Алексей раскрыл мне глаза.

– Я не обижаюсь на свою сестру. Она здесь ни при чем. Виноват во всем Филипп Григорьевич. Он сам мучается, где-то далеко в Башкирии у него осталась семья, и нас мучает,

помолчал, затем продолжил: – Я, если бы только имел силу, как у тебя, – Зоров на мгновение отшатнулся от меня, всего осмотрел и продолжил, – давно бы его выгнал. Пусть катиться к себе на родину, к Аллаху или же ко всем чертям. Нечего ему здесь у нас делать. Мы без него жили бы лучше. А так, разве я, живу? – задал вопрос Алексей и тут же ответил:

– Нет! Думал, что меня спасет семья – вот женился. Не спасла. Хреново все, – слова он не выбирал. – Порой прямо немоготу. Давно бы удавился. Но баба Паша будет плакать. Еще мать. Но она больше. Одно спасает. Я беру ноги в руки и в магазин. Затем – «наклюкаюсь» и мне легче.

Я укоризненно посмотрел на Зорова. Он поймал мой взгляд:

– Думаешь, я не понимаю? Пить мне нельзя, сердцем чувствую, до добра это не доведет, – сказал он и тут же, о что-то споткнувшись, чуть не растянулся на тротуаре. Но я успел, подхватил его, выровнял и когда он был в состоянии снова идти, сказал ему:

– Правильно говоришь! Осталось лишь притворить в жизнь! Ты же взрослый мужик. У тебя есть, какой никакой дом, свой дом. Влезай в жизнь, меняй ее. Зачем тебе обвинять во всех бедах отчима – Филиппа Григорьевича и бездействовать. Будь независимым и свободным.

– Рад бы, но у меня ничего не получается. Я даже его выгнать не могу. Филипп Григорьевич меня спас от смерти. Я живу благодаря нему: в армии во время учений попал в ката-

строфу. Наш автомобиль с солдатами на переезде столкнулся с железнодорожным составом. Многие погибли. Я, весь искромсанный, надолго лег в госпиталь. Там за мной, ты не поверишь, ухаживал Филипп Григорьевич. Он по телеграмме прилетел на самолете и долгие два месяца находился рядом. Как я хотел тогда пить. Я изнывал от жажды. Мать бы не выдержала – она бы дала мне воды, и я был бы уже давно мертв. Отчим тот не дал. Наверное, он меня не любил! На мои просьбы дать хотя бы глоточек – он всего лишь смачивал мои губы мокрым платком.

– Ну, вот, – сказал я, – а ты еще его ругаешь, хочешь выгнать из дома. Ты должен Филиппа Григорьевича понять и простить. Твой дом там, где жена, где твой ребенок. А отчима своего ты оставь матери. Пусть Мария Федоровна с ним и разбирается. Это ее забота.

Мы медленно шли по улице. Алексей прилагал все усилия, старался. Но видно вино на него действовало, и он нет-нет кренился то в одну, то в другую сторону. Наконец я не выдержал и взял его под руку.

– Я, не хочу делать матери больно. Она Филиппа Григорьевича любит. Это странная любовь. Мне она не понятна, какая-то неистовая на виду у всего поселка. Мне порой смешно смотреть на них. Мой отчим часто надирается. Затем он мертвецки пьяным падает на землю и валяется. А мать идет на его поиски. Она обыскивает весь поселок, находит Филиппа Григорьевича и тащит домой. При этом при-

народно голосит на всю улицу и целует его.

Мне сложно было разобраться в голове Алексея. Ну, и что из этого, – думал я. Любовь его матери к отчиму здесь ни причем, ведь сын ей так же дорог. Не бросила же она его, когда Филипп Григорьевич выгнал из-за стола на улицу, тут же побежала следом. И то был не единственный случай. Я после не раз замечал, как Мария Федоровна, словно курица-квочка кружила возле своего сыночка.

Что меня удивило, в будущем брат Светланы, как не сторонился Филиппа Григорьевича, как не пытался идти своим путем часто уподоблялся ему. Из него вышел бы алкоголик, если бы не случайное стечение обстоятельств.

Мы долго ходили по стемневшему городку. Наш разговор был необходим. Я им остался доволен. Зоров пообещал помочь мне встретиться с сестрой. Я довел его до дома. Нажал на кнопку звонка, и с трудом вырвав руку, он не хотел меня отпускать, отправился к себе восвояси. Шел и размышлял. Мне стало понятна причина, отчего Светлана меня сторонилась, избегала встреч. Она видела, между нами, большую разницу. Ей было стыдно находиться рядом со мной. Раньше, для себя она уже давно решила – мы не пара и тянула лишь время расставания. На что-то надеясь. Мое знакомство с ее семьей это был для нее лишь повод, чтобы убедиться в своей правоте и порвать наши отношения.

Почему мы, не пара? – задавал я себе вопрос, торопясь домой. – Отчего нам нужно расстаться? Мы так далеко за-

шли. Дороги назад нет, и не может быть. Она должна об этом знать. Как бы не длилось долго наше отчуждение оно не вечно. Мы обязательно должны быть вместе.

Дня через два Алексей разыскал меня дома, не подвел.

– Андрей, она сегодня... – и он назвал мне час, – отправляется домой. Я только что от нее. Теперь все зависит от тебя. Чем мог я помочь, больше ничего сделать не в состоянии.

Я тут же бросился на вокзал. Сердце, отчего то мне подсказывало: встречу Светлану, все будет хорошо!

Так и случилось. Я в ее зеленых глазах увидел радость. Она мелькнула и погасла. Девушка тут же принялась прятаться за людей, но не смогла. Я видел ее везде, шел прямо к ней. Она пыталась убежать. Не убежала. Ее подвели ноги. После она мне сообщила: «Я, чуть было не упала. Они словно остоленели».

Я торжествовал. Подскочив к Светлане, я, тут же, не размышляя, обнял ее и принялся целовать. Она сразу же обмякла и поддалась на мои поцелуи. У нее не было силы мне сопротивляться.

– Я так и знала, что у меня ничего не получится. Я все-таки тебя люблю. Сильно-сильно! —прошептала девушка. – А ты и рад, – добавила она: – Пользуешься моей слабостью.

Не знаю, как случилось, но мы осознали тогда все, когда ехали в автобусе в поселок – туда к Светлане. Девушка бросилась к водителю, хотела вдруг остановить старенький «пазик», но я не дал ей.

– Не нужно, – сказал я, – так, наверное, и должно быть. Зачем что-то менять, не удастся.

Было лето. Погода прекрасная. Мне было приятно выехать за город. Я не боялся того, что меня ожидало. Будет желание, возможность, вернусь. Нет, ну и ладно где-нибудь у Светланы переночую. Не выгонят же.

Филипп Григорьевич, пусть наша встреча и не была хорошей, меня называл женихом, а раз я жених, будь добр, прими.

События, произошедшие после со мной и Светланой, меня шокировали, да и не только меня... Мой отец Николай Валентович, узнав о случившемся, просто прыгал от удовольствия:

– Мать, ты посмотри на нашего сына! Ты, что мне говорила, вспомни... Да он же меня перещеголял.

Отец просто изгалялся надо мной, едва до него дошло то, что я вдруг неожиданно там, в поселке женился на Светлане.

Данное событие произошло на следующий день после нашего приезда. Подтолкнул меня к женитьбе Филипп Григорьевич.

– Я вижу, вы друг без друга не можете, – сказал он. – Ну-ка давай свой паспорт.

Я безропотно достал из кармана документ и отдал ему. Он покрутил его, полистал, затем потребовал паспорт у Светланы забрал и скрылся за дверь.

Мы недоумевали, куда он побежал. Филипп Григорьевич

вернулся минут через двадцать.

– Так, быстро прихорашивайтесь. Я уже договорился. У меня в Загсе знакомая есть, да ты ее знаешь, – сказал он Марии Федоровне, своей жене.

– Да, как ты смел! – не выдержав, закричала, обычно спокойная тихая женщина. – Ты у них спросил?

– Нет, не спросил, но сейчас вот и спрошу! – ответил Филипп Григорьевич и повернулся к нам лицом:

– Ребята, вы согласны пожениться? Жених, твое слово!

– Да! – сказал я.

Светлана взглянула на меня и кивнула головой.

Этого оказалось достаточно. Тут же возле нас появились совершенно незнакомые для меня люди. Был и друг Филиппа Григорьевича однополчанин отец Татьяны Полнушки, мне о том шепнула Светлана. Мне было интересно на него посмотреть и найти между ними черты сходства.

Нам, нашли свидетелей: ко мне подошел парень и представился, назвав имя, затем вскоре я увидел в доме молодую женщину. Это была бывшая подруга Алексея, брата Светланы. Он с нею дружил с детства. Многие недоумевали – отчего это Алексей в свое время не взял девушку замуж.

– Я, Людмила! – сказала женщина и, взглянув на меня, протянула руку. Я пожал ее. Тут же к ней протиснулся через толпу взрослых, мальчик, лет десяти. Он со слезами на глазах принялся просить:

– Мам, ты скоро? Пошли домой! Я боюсь Киргиза!

– Не бойся сынок! Дядя Филипп, не страшный. Иди, к бабушке Паше, иди, меня не дожидайся, – сказала женщина. Я освобожусь и приду.

– Это мой сын Гриша, – тут же объяснила мне Людмила. – Мальчик уже большой, но всего боится. А Филиппа Григорьевича, так до безумия. Я, после слов Людмилы иначе взглянул на мальчика. Мне отчего-то запомнились глаза Гриши. Он смотрел исподлобья печальным взглядом, словно заглядывал далеко в будущее и ничего хорошего в нем для себя не находил. Таких неуверенных в себе ребят, обычно, находят более сильные, и подминают их под себя, затем пользуются ими.

Бракосочетание прошло быстро – заняло пятнадцать-двадцать минут не больше. Я, Светлана, Алексей, Людмила и еще наш свидетель появившись в Поселковом Совете, тут же были встречены знакомой Филиппа Григорьевича добродушной женщиной лет сорока. Она провела нас в комнату и принялась оформлять бумаги. Я со Светланой написал заявление, в нужных местах мы расписались и нам выдали свидетельство – коричневую корочку при нас заполненную.

Мария Федоровна с бабой Пашей в это время накрыли на стол.

Алексей, когда мы шли расписываться и возвращались назад, толкал меня постоянно в бок и говорил, говорил: «Я, как чувствовал – нужно ехать домой и не зря, попал в самый раз».

Людей на свадьбе собралось немного. Чуть более десяти человек. Я запомнил что-то кричащего Филиппа Григорьевича с бутылкой водки, брата Светланы – Алексея со стаканом в руке, его бывшую зазнобу Людмилу, бабу Пашу. В кутерье неожиданного для всех мероприятия, я, сидя за столом, на одном из лучших, имеющихся в доме стульев, не слышал тонкий, прорывающийся сквозь шум голосок Марии Федоровны:

– Нехорошо все это. Нужно было подготовиться. Вызвать отца и мать Андрея. Мы их ведь совсем не знаем.

– Не бойсь мать, узнаем! – на возражения Марии Федоровны отвечал Филипп Григорьевич, пока мог отвечать, после он напился и свалился на пол.

Алексей также не удержался, и как его не уговаривала Светлана, не внял ее увещаниям. Его глаза, словно гвозди, были вбиты в Людмилу. Он пил и смотрел на нее, пил и смотрел. Она тоже пила и пыталась не отстать от Алексея. Из-за нее брат Светланы вдруг поцапался с внезапно протрезвевшим отчимом.

– Киргиз, ты вот кто, киргиз. Сын Людмилы вырастит, он тебе задаст, ты почто мальчика трогал

Баба Паша с трудом уняла Алексея и, оттолкнув полезшего драться Филиппа Григорьевича, потащила вместе с Людмилой парня к себе – домой. За ними следом, неизвестно, откуда взявшись, устремился по пятам сын Людмилы Гриша. Он плакал горькими слезами. Мария Федоровна, сдерживая

мужа, говорила:

– Вот выпала судьба! Никуда от нее не денешься. Отчего бы Алексею не жениться на Людмиле. Ее детство прошло у бабы Паши. Каждое лето жила, в поселке. Там, Людмила, – Мария Федоровна махнула куда-то в сторону Москвы, – возле матери —чужая! Ну, пригрела она ребенка? Но ведь муж ее...

– Объялся груш, – дополнил Филипп Григорьевич, и тут же схватив со стола стакан водки, резко опрокинул его в рот.

– Да-да! А здесь, – продолжила Мария Федоровна, – она своя! Своя! Вот бы нам такую невестку!

– Тьфу, на тебя, – тут же выкрикнул Филипп Григорьевич и продолжил: – Может быть, Людмила баба и ничего, но ее волчонок – вырастит и таких дел натворит, попомни меня, попомни....

Алексей, Людмила и баба Паша ушли и пропали. О них тут же забыли. Правда, и нас – меня и Светлану также оставили в покое. Это нам было на руку.

Я, обняв Светлану, попытался ее увезти к себе домой. Но она отказалась:

– Андрей, я не поеду. Я боюсь! Просто боюсь! Ты, вначале обо всем, что здесь произошло, сообщишь своим родителям или если хочешь, мы вместе с тобой им скажем, а уж затем решим, как нам жить и где. Хорошо?

– Хорошо! – ответил я и еще крепче обнял свою жену, уже жену, не невесту, что было приятно сознавать.

Находиться дома, в четырех стенах мы не захотели. Противно наблюдать, как пьянчужками – они везде есть, и у нас им тоже нашлось место – допиваются остатки водки, выискиваются лакомые закуски на столе, превратившемся из натюрморта в поганое место для отходов.

Дождаться окончания праздника мы не стали и вышли на воздух, чтобы немного погулять, прийти в себя. Уезжать к себе в городок я не торопился – рано. Нас тянуло друг к другу, но везде был народ, и мы тыкались в поисках укромного местечка, не находя его.

Облазав поселок, мы вышли к церкви. Она была когда-то красивой – это бросалось в глаза даже непосвященному в архитектуре человеку. В настоящее время храм находился в запустении. Я долго стоял рядом, осматривая облезлые купола. Один большой сохранял свое величие, несмотря на разрушения времени, другие – маленькие, лепившиеся по бокам, были в плачевном состоянии. Звонница зияла дырами. Я было подумал: «Вот бы сейчас на радостях ударить во все колокола» и ударил бы, но их давно уже не было.

– Зайти вовнутрь можно? – спросил я у Светланы.

– А отчего же нет! Пошли!

В храме было тихо. Мы вошли, взявшись за руки. Долго стояли в полумраке. Я смотрел на стены. На них местами были видны фрески.

– Светлана, вот мы расписались. Ты вышла за меня замуж, а ты хотела бы венчаться в церкви?

– Не знаю! – ответила девушка. – Я об этом не думала. Хотя, наверное, этот обряд был бы незабываемым, красивым праздником.

Я взял торжественно свою зазнобу за руку, сделал несколько шагов и в благоговении застыл. Она также встала неподвижно рядом. Затем после минуты молчания я, не замечая под ногами оббитой штукатурки, словно после венчания повел Светлану – свою законную жену из тени храма прямо в лучи солнца. Не оглядываясь, девушка потянула меня на окраину поселка.

Мы оказались у ржаного поля. Вдали стеной стоял лес. Он был смешанным – это не вызывало труда распознать по неровностям мазков, сделанных природой: темно-зеленые с синеватой поволокой, говорили о скоплениях сосен и елей, а светлые тона – о березах, осинах, дубах. Светлана тянула меня вперед и вперед. Я шел осторожно, боязливо наступал на высокие рвущиеся в небо стебли ржи. От порывов ветра она колыхалась, как море и пыльца облачками поднималась вверх. Зорова, а если уже быть точным Асокова успокаивала меня:

– Андрей, за рожь, не беспокойся. Мы ее не вытопчем. При первом же дожде она снова поднимется. Да уже и поднимается, оглянись назад. Но мне назад смотреть не хотелось.

До леса мы так и не добрались. Нашли пригорок, заросший васильками и, завалились прямо на него, в цветы. Все остальное произошло красиво и романтично. Светлана отда-

лась мне с удовольствием. Ночи брачной у нас не было – у нас был день. День – солнечный, прекрасный, наполненный красивыми видами и запахами поля, ржи, васильков, глубокого синего-синего неба и песнями птиц.

Мы долго-долго лежали в объятьях друг дружки. Так могло продолжаться вечно. Желания чего-либо менять ни у Светланы, ни у меня не было. Реальный мир был далеко по ту сторону поля, поселка, вначале в городке, а затем уже в далеком отсюда мегаполисе – Москве. Но Москва для нас пока была недостижима, чужой.

Мне не хотелось расставаться со Светланой. Я тянул до конца. Вернулись мы, когда уже вечерело. Перед тем как нам отправится на автостанцию, моя зазноба зашла в дом переодеться, а я присел на крыльце и тут случайно столкнулся с Алексеем, он шел от Людмилы, пристроился рядом и закурил. Я не удержался, принялся расспрашивать его о маленьком Грише и о конфликте, произошедшем с Филиппом Григорьевичем.

– Да ерунда, пустяк, но он сильно испугал мальчика, – сказал Зоров. – Тот в не себе. Однажды я истопил баню, с отчимом ходил в первый пар, похлестать себя березовым веником, затем следом ходили женщины, помылись, и тут неожиданно, глядя на вечер, приехал из Москвы муж Людмилы с сыном. Я его тогда не запомнил. Она взяла и отправила их к нам, мы после парной и небольшого отдыха отправились обмыться. Так вот там Филипп Григорьевич, тронул мальчика пальцем за писку и, шутя, сказал: «Мужичок растет» – ну и что тут такого... Только после того случая Гриша сам не свой, даже отец не может его помыть. Здесь в баню ходит с Людмилой и дома, в Москве, в ванной, она его тоже моет. Не знает, что и делать, как отучить мальчика от такой опеки, большой уже.

– Зря ты пугал своего отчима, – сказал я. – Не нужно ему

о том говорить, да и мальчик должен забыть об этом случае.

– Да, должен, но не забудет. Он там, у себя в Москве учится в школе-новостройке. Рядом с ним много ребят – не наших, знаешь, как о них говорят? Понаехали! А называют – «хачиками», «азерами» и не только... Гришу они притесняют. Оттого он в каждом из них видит Филиппа Григорьевича... Вот так!

Тут из дома вышла Светлана, и я поднялся.

– Пошли, – сказала моя зазноба.

– Ну, давай, – пожал я руку Алексею.

– Давай! – услышал голос парня.

Уехал я из поселка на последнем автобусе. На остановке мы уже без стеснения долго и крепко целовались. Нас развлек единил водитель.

– Нет сил, смотреть, глядя на вас, сам готов домой бежать, к жене. Забирайся! – сказал он мне. – Поехали. Чай не последний раз.

Я вскочил на подножку. Двери тут же закрылись. Автобус, круто развернувшись, стал выруливать на трассу.

Перед глазами у меня маячил силуэт моей Светланы. На дорогу я не обращал внимания. Она не заняла много времени. Минут двадцать я был в пути, не больше.

Домой я добрался уже в темноте. Меня встретил на пороге отец, в глубине коридора стояла мать. Они явно беспокоились обо мне. Я редко когда отсутствовал дома. Виктор Преснов прикрыл. Он, в тот вечер, когда я вместе со своей

заснобой уехал знакомиться с ее родителями на телефонный звонок моей матери нашелся, что сказать:

– Любовь Ивановна, Андрей вышел во двор, подышать свежим воздухом. Он вам разве ничего не сказал? Мы с ним вместе занимаемся – чертим листы. Не знаю, может, даже, всю ночь будем сидеть. Нам их нужно завтра показывать.

Отец хитро сощурил глаза, спросил:

– Ну, как сдал листы? Все нормально!

Он это явно говорил для матери, чтобы избавить меня от лишних вопросов.

– Да! – ответил я.

Отец толкнул меня плечом в сторону моей комнаты, и я, недолго думая, отправился в постель.

На следующий день я мучился, не знал, как рассказать родителям о своей женитьбе. Отец загадочно ходил рядом и молчал. Он не поверил моим вчерашним словам. Что-то его беспокоило. Не ужели он интуитивно чувствовал, что со мной произошло. Если так, то почему не говорил, молчал?

Меня выдавало мое лицо. Уж очень я выглядел счастливым. Наконец отец не выдержал и спросил:

– Андрей, ну, что, пора? Ты уже созрел и готов на все? Я тебе помогу. Ты только скажи мне: «Да!» Светлана девушка что надо!

– Знаю! – нарочито грубо ответил я, – Но, все уже произошло. Я вчера женился. Светлана моя жена.

– Как это женился? – вскрикнул отец, слегка оторопев от

моих слов. – Ну, сын ты и даешь! Вот это да! Мать, мать, – закричал он и бросился на кухню, а я тем временем быстро выскочил из дома. Мне трудно было им объяснить случившееся событие. Пусть сами между собой обсудят мое поведение, и уж тогда я предстану пред их очами, и скажу, как на духу – вот, я – хотите, казните, хотите, помилуйте?

Не один час я бродил по улицам своего городка. Он для меня был новым, не узнаваемым. Я на него уже смотрел иначе, как взрослый человек – муж – с чувством ответственности. В голову лезли мысли: удобно ли будет нам – мне и моей жене ходить на работу, куда в какой сад будем мы водить нашего будущего сына, я считал, что у нас обязательно родиться мальчик. Школу он будет посещать мою, она расположена недалеко от дома – здесь проблем не должно быть. Меня все волновало. Светлана, конечно, пойдет работать на машиностроительный завод, а я в техникум. Мои родители после вручения нам дипломов все сделают, чтобы мы получили свободное распределение. Уехать на работу куда-то на Урал или же в Сибирь – далеко-далеко, нам не дадут. Отец желал и требовал, чтобы я продолжил свое обучение. Я часто от него слышал:

– Андрей, ты должен получить высшее образование. И получишь, чего бы это мне ни стоило.

Так, что мне рисовать в уме романтические картины было нецелесообразно. Я их и не рисовал. Мое положение того делать не позволяло.

До возвращения жены я хотел все взвесить – определить-ся. Жить я рассчитывал дома. Места у нас было предостаточно. Я знал, что ни отец, ни мать не допустят того, чтобы мы расположились где-то вдалеке от них.

О многом я передумал, блуждая по городку. Ноги мои были легки. Шаг огромен. На лице у меня играла улыбка – невидимо рядом со мной шла моя принцесса.

Я не заметил Преснова. Он, неожиданно преградил мне дорогу. Мы с ним чуть было не столкнулись. Виктор искал меня. Я ему оказался нужен.

– Андрей! Ну, как там дома? Ты успокоил родителей? В следующий раз ты хотя бы меня предупреждай. Я не знал, что и отвечать.

– Да, все нормально.

– Послушай! – снова продолжил он свою речь. – Тут такое дело: я собираюсь жениться. Ты будешь у меня свидетелем? Не тяни, говори – согласен или нет?

– Ты, ты – жениться? – с изумлением спросил я и уставился на друга...

– А что тут такого? – обиделся Виктор.

– Да ничего! – опомнившись, ответил я и продолжил. – На Татьяне?

– Нет, на Валентине! – шмыгнув носом, сказал Преснов, и резко посмотрел на меня:

– Я люблю Валентину, только ее и никого больше. А Татьяна лишь мимолетное увлечение, понял! Если хочешь, мо-

жешь сам на ней жениться!

Мне трудно было удержаться. Не знаю, как это получилось. Я не стал долго ждать, тут же похвастался:

– А я уже женат, мне это не нужно.

Теперь настала очередь Преснова удивляться. Он стоял и как рыба хватал открытым ртом воздух.

– Нет, нет, я не ожидал от тебя такой прыти, – выкрикнул друг. – Меня словно прорвало. Я принялся описывать ему произошедшее событие. Говорил и говорил. Он лишь слушал меня и кивал в знак понимания головой. Затем едва я умолк, Виктор тут же принялся хлопать меня по плечу.

– Вот так тихоня... Я, рассчитывал первым жениться. Я должен был это сделать, и никто другой! Обскакал ты меня!

При прощании с Пресновым я дал ему согласие быть на свадьбе, правда, перед тем как уйти поинтересовался:

– А свидетельница уже есть?

– Да, есть – Татьяна! – легко и просто ответил мне Виктор.

Я чуть было не вскрикнул: такого нахальства от Преснова, ну никак не ожидал. Ну, зачем ему это? – недоумевал я. – Нашел бы какую-нибудь другую девушку! Что знакомых мало.

На свадьбе у Виктора и Валентины мне побывать не удалось, хотя я того и желал. Михаил Крутов заменил меня. На торжестве у Виктора с Валентиной он неожиданно увлекся Татьяной Полнушкой. Ею можно было увлечься. Она была девушкой открытой, доброй.

Дома, я, едва появившись на пороге, молчать не стал, сразу же сообщил:

– Мам, пап! Встретил Виктора. Мой друг жениться. Меня пригласил быть свидетелем!

Я не знал, как ими будет воспринята моя женитьба, и хотел отвлечь родителей. Поведение отца я предчувствовал, а вот мать меня беспокоила. Она часто на меня смотрела как на мальчика-подростка. Я же желал быть взрослым.

– Ладно тебе, – сказал, приблизившись ко мне, отец, – Нам сейчас не до твоего друга. Ты скажи мне и матери, что произошло. Ты, что и вправду женился? Может быть, те твои слова это просто шутка?

– Я это должен сказать здесь прямо на пороге или мне можно пройти в комнату?

– Ну, хорошо, – сжалился отец, – пошли в комнату. Хотя это ничего не изменит. То, что есть – есть!

– Да, я женился.

– На Светлане? – спросил родитель.

– Да! – ответил я.

– Молодец! – сказал он мне и уже после матери:

– Ну, что Любовь Ивановна, – он часто обращался к матери официально, наверное, это было связано с его положением на работе, – собирайся, поедем за невесткой. Ты не против того, что они будут жить у нас в доме? Нет? – Мать взглянула на отца и промолчала. Лицо у нее было серьезным. Она вела себя не так как мой отец, хотя после высказалась по по-

воду моей поспешной женитьбы. Плохих слов я от нее не услышал. Правда, и восторга мать не проявила. В отличие от отца она не горела желанием, как можно быстрее, познакомиться со своей новой родней, то есть с отцом Светланы – Филиппом Григорьевичем, матерью – Марией Федоровной и ее братом Алексеем.

Я посмотрел на мать. Она внесла сомнения. Я не знал – тащить родителей в поселок или же – лучше не следует – мне воочию представилось скудное убранство квартиры Зоровых, а затем я увидел своих новых родственников: небритое лицо тестя и несогласное тещи и решительно сказал:

– Нет, еще будет время, съездим, – и про себя подумал, что не следует показывать одежду, по которой встречают человека – пускай они узнают Светлану ближе – увидят ее добрую душу, а уж все остальное потом. Тогда, это вряд ли повлияет на наши отношения.

Мне удалось уговорить моего отца Николая Валентовича повременить со знакомством. Я объяснил:

– Вот Светлана приедет, и мы все обсудим, возможно, также, как и у нее, там, в поселке отметим здесь наше событие и уж после нагрянем к ее родителям, предварительно, сообщив им об этом.

Мать поддержала меня:

– Сын прав! – сказала она. – Зачем нам еще одно столпотворение – снег на голову. Ты то умный человек, работаешь в министерстве, а порой ведешь себя как ребенок.

– Хорошо-хорошо! – буркнул отец. – На том, и порешим.

Меня на время оставили в покое. Я мог заниматься собой. Конечно, мне было трудно. Все мои мысли были о Светлане. Она домой поехала не гулять. Была летняя пора. Зоровы имели приусадебный участок и ее руки не были лишними. Она должна была помочь матери. Я для нее там был лишь помехой. В крестьяне не годился. Насколько мне помнится, помощь колхозу от меня была не значительной, когда я вместе со студентами техникума выезжал на уборку урожая. Кроме того, я оставил Светлану еще и из-за того, что мне не хотелось вносить в наше прекрасное полотно-картину – мысленное венчание в храме и брачное соитие во ржи, недалеко от леса – черные краски бытия.

Дни шли медленно. Я торопил время, ждал встречи с женой. Мне о дне ее приезда сообщил Алексей. Он часто ездил в поселок, я думаю, это было связано с приездом его подруги Людмилы.

Людмила не любила Москву и оттого в поселке многие ее считали своей, а может быть еще из-за того, что она часто при любой возможности стремилась оказаться в поселке у бабы Паши. Мой зять мог с ней видаться запросто. Для этого ему достаточно стукнуть в стену и выйти во двор. То, что отношения у них были близкими, я догадался сразу.

– Дурак-дурак, упустил свое счастье, – не раз я после слышал от Светланы. Она, толкая его в шею, говорила. – Людмила была бы тебе хорошей женой. Зачем тебе далась На-

дежда? Она городская, на нее дунь, и согнется как лоза. А Людмила крепко стоит на ногах. Ей любая работа ни почем. Все умеет делать сама, ни на кого не надеется. – Я понимал, что Светлана была недовольна поспешной женитьбой брата. Надежда в доме не была хозяйкой, не стремилась ею быть – все заботы она переложила на мать и этим пользовалась.

– Я, побитый был, ты же сама знаешь! – «отпихивался» от сестры Алексей. – Помнишь, или уже забыла, какой я пришел из армии. Ты думаешь, я бы не женился на Людмиле, женился. Это теперь я уже другой – при руках и при ногах. Тогда днями лежал пластом. Мне ничего не было нужно. Даже любовь. Вот так!

Алексей мог быть с Людмилой счастлив. Мог, но отчего то не был. Мой зять мучил женщину и сам мучился. Его жизнь катилась не в колею – сикось-накось.

Зоров довольно часто, чуть ли не каждый день бывал в поселке, видел я его и у себя дома. Дорога к автостанции шла через нашу улицу. Алексей был прост: новости доносил мне легко, не стесняясь.

– Андрей, ты не представляешь, как у нас в поселке говорят о вашей свадьбе: Светлана герой дня! Она – умная. Ты – лох. Она тебя захомутала. – Я отмахивался от Алексея:

– Отстань, не до тебя! Скажи лучше, когда твоя сестра намерена приехать к законному мужу?

– В воскресенье! Я уже тебе это раз несколько говорил, а ты не принимаешь моих слов! Может, для тебя уже рус-

ский язык стал непонятен? Ты уж извини, другого языка я не знаю! – сказал Зоров, развернулся и ушел, торопясь туда, где находилась моя жена Светлана, к себе в поселок.

Ожидание мне давалось тяжело. Но я ничего не мог поделать. Поселок был рядом и далеко. Светлана находилась рядом и далеко. Мои мысли были только о ней, ни о ком более.

В день приезда жены мне пришлось основательно поусуе-титься. Я оббегал весь свой городок в поисках цветов.

Найти их оказалось невозможно – бабушки везли все в Москву. Нарвать цветов у себя на клумбе, я не смел – они не имели того вида. Мать их выращивала для души, а не для торжеств. Любисток, московская ромашка, анютины глазки... – все это не то.

Я не мыслил встречу со Светланой без букета цветов. Приобрести его у нас в городке было сложно, но я достал. Мне помогла тетя Надя. В поисках букета я буквально столкнулся с ней:

– Андрей! Ты меня чуть не сбил с ног, отчего так мечешься?

– Да, вот..., – и я начал объяснять тете Наде свое возбужденное состояние, – никак, нигде не могу достать цветы. Нет и все!

– Пошли со мной! – услышал я ее голос. Вахтерша повела меня к себе домой, и сама собственноручно срезала мне со своей клумбы, выбранные мной цветы. Букет получился что надо. Я не знал, как ее благодарить. Даже пытался всунуть в

ее руку деньги, но тетя Надя отталкивала ее и говорила:

– Андрей, не нужно. Я цветы выращиваю не для продажи – просто люблю копаться в земле. Хочешь, зайди в дом, посмотри. Я живу не плохо. Мне одной, зарплаты вот так хватает, – и она, задрав руку, махнула ею над головой. – Я рада за тебя и за Светлану! – сказала вахтерша.

– На, держи букет. Это георгины – цветы не простые, королевские. И торопись, скоро, наверное, автобус прибудет!

Я попрощался с тетей Надей и побежал на автостанцию.

Она находилась у перекрестка двух улиц – небольшой пятючок, рассчитанный для парковки нескольких машин и их разворота при выезде на трассу. Там же у пяточка стояло здание, где можно было купить билеты и дожидаться своего рейса автобуса.

До автостанции было рукой подать. Можно было бы подъехать на маршрутном автобусе, но он ходил редко. Я им не пользовался. Обычно везде и всюду меня выручали ноги. Только надеясь на них можно было не опоздать в техникум на занятия, на стадион на соревнования, навстречу со Светланой или же с друзьями Виктором Пресновым и Михаилом Крутовым. Я в шутку называл пеший маршрут – одиннадцатым номером и часто любопытным на вопрос:

– Ты на остановку? – Отвечал: – Да, на остановку! Одиннадцатый ждет, не опоздать бы.

Я пришел задолго, до прихода автобуса, зря меня торопила тетя Надя. В помещение я не стал заходить, в нем было

жарко, присел у дерева – могучего тополя.

Время тянулось утомительно долго. Автобус – старенький обшарпанный «пазик» – «чай не из Москвы прибыл» – опоздал.

Светлана приехала не одна. Я увидел через окно рядом с ней Алексея и про себя подумал: Фигаро там, Фигаро здесь. Он, едва автобус остановился, вытащил из него большой-пребольшой чемодан. Затем показалось лицо Филиппа Григорьевича. За Филиппом Григорьевичем из автобуса вышла Мария Федоровна.

– Привет! – сказала Светлана и, оглядев своих родственников, выдала: – Нас целый комплект. Я не хотела, но отец?

– Не беспокойся! Места всем хватить! – ответил я, вручил букет и тут же полез целоваться. Стеснения я не испытывал. Светлана – не чужая – законная жена, а я ей был мужем.

– Отец и мать сегодня же уедут, – сказала моя зазноба. – Алексей, ты знаешь, где прописан – он нам не помеха, мы его отправим к Надежде или же..., – Светлана не договорила. Я понял к кому. Она имела в виду Людмилу.

Дома, я о том, что приезжает жена, ничего не сообщил. На вопрос отца:

– Андрей, ты куда? – махнул рукой. Я думаю, он понял все, не зря еще вечером интересовался, расспрашивал меня о Светлане. Мать тогда его остановила:

– Не лезь к парню, – сказала она, – дай ему хоть опомниться, прийти в себя!

Я пришел в себя не сразу. Поцелуи меня опьянили. Я с трудом оторвался от Светланы. Она даже вынуждена была меня слегка оттолкнуть. Тут же мою руку ухватил Алексей. Затем я пожал заскорузлую руку Филиппа Григорьевича и после поздоровался с Марией Федоровной.

Автобус, развернувшись, ушел. А вещи остались лежать. Их было много. Я недоумевал, как все это мы потащим.

Отец предлагал мне свою служебную машину черную «Волгу». Зря, я отверг его помощь. Она была бы кстати.

За пять минут, ну чуть более, перед рейсовым автобусом ушел маршрутный – ему бы дождаться нас, так нет, а следующий – ожидать целый час, если не больше.

Я как самый крепкий и сильный взял на себя тяжелую ношу – огромный коленкоровый чемодан и направился в сторону дома. За мной поплелись Светлана, Алексей, Филипп Григорьевич и Мария Федоровна.

Мои цветы мешали девушке, и она часто останавливалась. Я, глядя, как она мучается, не выдержал и сказал:

– Да выброси ты их! Я тебе другие подарю.

– Ну, что ты Андрей! Я не могу – это твой первый букет мне, как жене. Он – дорог и я его донесу.

Мои новые родственники приехали среди бела дня. Солнце нещадно пекло и доставало нас. У всех по лицам катился пот. Особенно страдал Филипп Григорьевич, наверное, из-за того, что был человеком пьющим. Правда, в этот день он был как «стеклышко». Я знал, что мой отец не даст ему «вы-

сохнуть» и предложит выпить. Он был очень уж гостеприимным.

Мы несколько раз останавливались, отдыхали. Я жалел Светлану. Наша процессия была странной и возможно смешной со стороны. Я шел первым, за мной жена с двумя сумками, сшитыми из дешевого грубого материала, и букетом, затем Алексей, тоже не пустой, Филипп Григорьевич и замыкала строй – Мария Федоровна.

На нас смотрели редкие прохожие. Среди них попадались и знакомые. Я здоровался и как мог, отвечал на их реплики. В этой компании, я выглядел простачком. Но это от незнания существа всего происходящего. Однажды я об этом случае поведал своему другу Виктору:

– Андрей! – сказал он, – это как посмотреть. На самом деле все ведь не так. Ты сам добивался Светланы. Ты женился на ней. Возможно, ее отец и ухмылялся тому, как он ловко обвел тебя вокруг пальца, но на самом деле он помог тебе. Ты ему должен быть благодарен.

Да, это была сущая правда. Я представить себе не мог, сколько бы мне еще потребовалось времени, чтобы соединиться с девушкой. У нас все было на грани разрыва. И вдруг я муж, а она жена.

Улица, на которой я жил была новой. Она появилась на месте яблоневого сада. Он состарился и уже был не пригоден. Вначале был построен один дом, затем другой, и пошло. На ней ставили дома для элиты. Они больше походили на

коттеджи. Филипп Григорьевич, когда увидел дом, в котором я жил так и сказал:

– Да, это не дом – это хоромы.

Он стоял в глубине двора в тени деревьев каштана, черемухи, яблонь, слив, вишен. Здание было шикарным, воздвигнуто из камня на четыре окна, крытое железом.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал я, открыл калитку и вошел во двор. Все последовали за мной. Я поставил большой коленкорый чемодан на ступени крыльца. Дверь тут же распахнулась, и на пороге показался отец. Он окинул нас всех своим взглядом, поприветствовал и принялся помогать, вносить вещи в дом.

– На пороге, – бросил он реплику, – знакомиться не будем! Заходите в дом.

– Хорошо-хорошо! – ответил ему Филипп Григорьевич.

Наш дом был прекрасен и внутри. Он имел прихожую, коридор, кухню, подсобное помещение и четыре светлых комнаты. В них стояла хорошая и современная по тем меркам мебель. Она была изготовлена из дерева стружечных плит, сокращенно ДСП. В то время такая мебель только входила в моду. У нас был даже телевизор – чудо современной техники. В доме мы пользовались тапочками, чего не было у Светланы.

Мой отец Николай Валентович по праву хозяина провел гостей в зал, представил им мою мать Любовь Ивановну и сам познакомился с Филиппом Григорьевичем и Марией Фе-

доровной. Затем он усадил гостей на кожаный диван. Я и Светлана уселись рядом, на легкие венские стулья.

Я, при знакомстве Николая Валентовича с Филиппом Григорьевичем заметил, что напор отца Светланы несколько спал. Мой тесть разительно отличался от того мужчины, с которым я виделся в поселке. Рядом с моим родителем Филипп Григорьевич был, как колхозник рядом с председателем, как рабочий перед директором завода – он проигрывал. Мой отец красовался в черном шикарном шерстяном костюме. На нем была рубашка, галстук – все это отца возвышало. В своем, пахнущим нафталином одеянии, Филипп Григорьевич не котировался. Он долго мялся, и не знал, что сказать. Мне его даже стало жалко.

Но это его состояние было временным. Лишь только мой отец заметил на лацкане пиджака у Филиппа Григорьевича планку наград, не так давно был праздник – день Победы и мой тесть не успел, наверное, ее снять, так и красовался – все резко изменилось. Николай Валентович сам помог бывшему солдату восстановить утерянное равновесие.

Николай Валентович любил предаваться воспоминаниям о тяжелых годах войны, хотя на фронте побыл всего немного. Только в сорок третьем году он вырвался на передовую. Отца не отпускали из-за его должности – она была значимой. Николай Валентович работал заместителем директора завода, слился с ним и в тылу без него, ну никак нельзя было обойтись. Обошлись. Не зря говорят, что не заменимых лю-

дей, не бывает. Любого можно заменить.

– Ты, на каком фронте воевал? – спросил отец, обращаясь к нему на «ты». Он не хотел обижать свата – раз породнились, значит теперь свои, не чужие и «выкать» не следует.

– Я, на втором украинском! – сказал мой тесть.

– И я там же! – ответил мой родитель. – Может статься, что мы где-нибудь и встречались?

– Может-может! – ответил Филипп Григорьевич и продолжил:

– Был у меня один забавный случай в жизни. Тогда наша батарея, то продвигалась вперед, то отходила назад. Для выяснения обстановки я и еще один мой солдатик отправились за «языком». Здоровенного немца взяли, еле тащили, и представляешь, напоролись на одного своего. Он занимался отправкой какого-то заводика – задержался и оказался у фашистов в тылу. Обрадовался, что на своих напал. Чуть ли не руки нам целует. Ну, мы и его прихватили с собой.

Этот проклятый немец вел себя вначале спокойно, а потом выбрал удобный момент, вырвал у штабиста пистолет, тот его очень уж не по-военному держал в руках и как врежет в моего солдата. Хорошо, что я не оплошал – тут же на немца навалился и выбил у него из рук оружие, а затем и этот штабист помог мне. А иначе, что делать? – спросил Филипп Григорьевич. – Товарищ ранен, истекает кровью, забинтовали кое-как, нужно его нести. А как понесешь? Здоровенный немец «на руках». Я подумал и решил немца «убрать». Шу-

му мы много наделали. Стрелять – нельзя. Тут речушка маленькая протекает – ручей. Воды – курица перейдет, ног не замочит. Штабист догадался – выкопал ямку в воде. Я, немца головой туда... И утопили.

Отец сидел сам не свой. После, когда я оказался с ним наедине он недоуменно покачал головой и сказал:

– Неужели я раньше встречался с Филиппом Григорьевичем? Не может быть!

Неизвестно, сколь долго бы Филипп Григорьевич и мой отец предавались воспоминаниям о войне, если бы не моя мать Любовь Ивановна. Она не выдержала первой:

– Мужчины, довольно! Ну что вы все о войне. Она – далеко в прошлом. Да и не это у нас сейчас главное. Вы совсем забыли о наших детях. Нужно что-то же решать. – После слов матери, тут же в разговор влезла Мария Федоровна:

– Я, пойду распаковывать вещи! – сказала она, – распрошусь большой коленкорový чемодан.

– Мы! – продолжила Зорова, – хотя люди и не богатые, но это – все приданное. Как положено! Белье, посуда и еще всякая всячина.

– Хорошо-хорошо! – сказал Николай Валентович, – но мы должны сейчас решить не это, – мой отец немного помолчал, осмотрел всех добродушным взглядом и продолжил:

– Филипп Григорьевич и Мария Федоровна, я думаю, вы меня поймете: жена должна жить у мужа. Так было всегда. Муж вашей дочери – мой сын. Андрей – встань. Он живет

вот в этом доме, и отец обвел комнату рукой. – Дом, я бы сказал, неплохой – большой и вместительный – места хватит. У Андрея есть отдельная комната, будет тесно еще одну выделим. Я и Любовь Ивановна говорим Светлане – Добро пожаловать!

После нам был устроен стол. Я оббежал своих друзей, и кого можно было застать дома, пригласил в гости. Состоявшееся застолье можно было назвать нашей второй свадьбой. Нам даже кричали: «горько» и требовали, чтобы мы целовались. Мы не упрямылись. Я мельком увидел, что у моей матери Любовь Ивановны напряжение несколько спало. Она отошла и приняла нашу – ту свадьбу, благодаря этой в нашем доме. Все прошло на высшем уровне.

Мы устроились неплохо. Моя комната располагалась несколько в стороне от спальни родителей. Я и Светлана не были у моих родителей – Любови Ивановны и Николая Валентовича на глазах. При желании мы могли с ними даже не встречаться. Так порой и происходило. Это в том случае если мы никуда не спешили. Отец уезжал чуть свет – у Николая Валентовича дорога занимала много времени, он всегда торопился, а мать, хотя и работала недалеко – тут же в городке на машиностроительном заводе, дома также не расслаживалась.

Нам нравилось проводить дни в безделье. Правда, мы понимали, что уже очень скоро должны будем задуматься о своем будущем. Оно – это время было не за горами.

Моя жена Светлана намеревалась получить диплом техника-технолога и пойти работать на машиностроительный завод, туда, где работал ее брат Алексей и моя мать. Мне, мое будущее виделось иным. Я по совету своего физорга и с его помощью надеялся после получения диплома остаться в техникуме. Олег Анатольевич Физурнов мне предлагал место преподавателя физкультуры.

– Андрей! Ты сдавай нормативы на мастера, а я сделаю все остальное. – Я знал, он сделает.

Олег Анатольевич не только мне работу предлагал. После

получения диплома я должен был подать документы в Физкультурный институт.

– Ты справишься. От техникума я гарантирую тебе хорошую характеристику. Так что поступишь без проблем. Иди на заочное или же, в крайнем случае, на вечернее отделение. Ты ведь женат, и тебе теперь нужно зарабатывать деньги. Зачем сидеть на шее у родителей.

Я с ним согласился. Мне необходимо работать – работать и учиться. На меня напирали и мои родители. Они хотели видеть меня человеком образованным. Особенно отец Николай Валентович. Он с удовольствием рекламировал мне все преимущество высшего образования:

– Вот видишь, – аккуратно разрезая ножом мясо, – когда мы ужинали, собравшись все вместе за столом, – тебя уже готовы взять на работу в техникум. Знаешь, почему? Потому, что у тебя диплом о среднем специальном образовании, можно сказать, почти лежит в кармане. Год-два, ну пусть пять лет тебя будут держать. Однако, если ты не представишь другой диплом – уволят, выгонят из-за несоответствия занимаемой должности, даже твой диплом мастера не поможет. Он ничто без документа о высшем образовании.

Светлана поддерживала свекра Николая Валентовича и кивала головой. Она тоже подумывала о продолжении учебы. Правда, еще не представляла, как это будет. Моя мать за столом была менее разговорчива. Однако как-то не выдержала, и все высказала Николаю Валентовичу:

– Это что же получается? Так ты, значит, на мне женился из-за того, что я окончила когда-то престижный столичный вуз?

– Может быть! – ответил отец и, увидев расстроенное лицо жены, принялся ее утешать.

– Да пошутил я! Вспомни, как все было. Ты, что забыла? Вспомни! Я работал главным инженером. Ты, после войны вместе со своими коллегами, приехала в командировку на наш завод. Я сразу тебя заметил, выделил. Что я думаешь, помогал бы вашему заводу, да нафик он мне сдался. Все из-за тебя, из-за тебя!

Мой отец мог ладить с женщинами. Я никогда не видел острых столкновений между ним и матерью, да и с другими людьми он всегда был корректен. Он нашел общий язык и с моей женой Светланой. Вел себя разумно. Она часто, рассуждая о Николае Валентовиче, выделяла его.

– Мне бы такого отца, спокойного и рассудительного. Филипп Григорьевич очень уж горяч. Натворит, а потом опомнится, но ничего уже менять не желает, грызет себя и всех своих домочадцев – грызет и мучается. Меня он жалеет – всегда, а вот мать, то жалеет, то на ней же и вымещает свою обиду. Алексея, того просто гоняет. Парень, не знает где ему укрыться. Если бы не баба Паша он бы пропал. У нее прячется. Она его называет своим внуком: «Вот умру я Алеша – тебе отпишу дом, забирай! У Людмилы есть. Ей ничего не нужно». Мой брат уже давно бы что-нибудь с собой сотворил

– мать плачет и вытаскивает его из петли, омота на речке, прячет от него ножи.

Я не понимал отца Светланы. За спиной у жены порой принимался его ругать, если речь заходила о Филиппе Григорьевиче.

– Андрей, перестань! – кричал на меня отец. – Ты ничего не знаешь. Все, думаешь просто. Змей-Горыныч. Тиран? Все не так!

Я не ожидал, что на вручение дипломов приедет Филипп Григорьевич. А он приехал. Мне трудно было поверить в то, что Светлану в техникум устроил когда-то никто иной, а ее отец. Привез дочку в наш городок, долго возился с ней и успокоился лишь только после того, когда она поступила.

Техникум готовил специалистов в первую очередь для нашего машиностроительного завода. Правда, на завод не всех брали – самых лучших. Часть их уезжала по распределению на Урал и даже в далекую Сибирь.

– Я, специально выбрал это учебное заведение, – сказал Филипп Григорьевич, – а не повез Светлану в Москву. Здесь она рядом возле дома.

Филипп Григорьевич любил свою дочь, и расставаться с нею не хотел. Мне не раз он не человеческим голосом кричал: «Андрей, пойми, нет-нет никого у меня на этом свете. Светик – вот моя кровинушка. Она – единственная».

Но это была неправда. Филипп Григорьевич недоговаривал и оттого нервничал. Он знал, что где-то далеко в Башки-

рии у него есть семья. В поселке его обзывали Киргизом. Без злобы. Тесть не обижался на людей, но они не давали ему забыть о прошлом – как он не пытался отгородиться от него. Оно всплывало в памяти и мучило Филиппа Григорьевича. Успокоение он находил вначале в любви к Марии Федоровне, после рождения дочери – в Светлане. Она, только она и спасала его.

День вручения дипломов мне запомнился. Мой отец Николай Валентович меня, как и хотел, заблаговременно свозил в Москву и лично сам выбрал костюм. Он был светлым.

– Зачем тебе строгий официальный вид? – сказал родитель, когда я вдруг в одном из универмагов потянулся, чтобы снять с вешалки черный костюм из сукна. – Время не то. На дворе лето. Для того чтобы показать значительность события мы тебе купим соответствующий галстук, под его цвет носки и черные туфли. Этого будет достаточно. – Отец оказался прав. Я не зря согласился с ним и был ему благодарен, так как выглядел после посещения столичных магазинов элегантно. Моя жена соответствовала мне. Она была в ярком, василькового цвета, платье. Платье Светлана пошила, тогда модно было обращаться в ателье. Отрез ей помогла выбрать моя мать, а фасон подруга Татьяна Полнушка.

Мы собирались долго, торопиться нам не следовало, так как мероприятие было намечено на вечер.

За час-два до его начала я сбегал к тете Наде за цветами.

– Ну, что, еще одно торжество? – спросила она.

– Вы же знаете! – ответил я. – А потом мне больше и не кому обратиться, ну разве только отправиться в Москву... Да и там сейчас цветы не достать – время «жаркое» – в школах бывшие учащиеся получают аттестаты зрелости, а в специальных учебных заведениях дипломы, так что – идут на расхват!

Запасшись букетами королевских георгинов, я поставил их в вазы, и лишь только когда настало время выходить, принялся торопить жену. Она отчего-то мешкала, крутилась возле зеркала. Я за ней такого раньше не замечал. Моей супруге что-то в себе не нравилось. Я после догадался – Светлана ждала отца.

Филипп Григорьевич ворвался в дом, как ураган. Тут же бросился к дочери и принялся ее целовать. Его долго нельзя было оторвать. Сентиментальность у нас в семье не приветствовалась. Я, мать, да и отец – чувства на показ не выставляли. По ночам я со Светланой был горяч, очень даже, но днем вел себя умеренно. Слов: мама, мамочка, папа, папочка я не употреблял. Если я что-то передавал Николаю Валентовичу от Любови Ивановны, то говорил: мам, отец просил тебя, если наоборот – тогда – пап, мать просила тебя....

Жену я вслух, при всех не величал: «зайчик», «моя киска», или еще как-то – не любил сюсюканья.

Моя мать Любовь Ивановна прервала нежности Филиппа Григорьевича и дочери:

– Так, мы выходим! Нужно спешить. Как бы, нам не опоз-

дать? – сказала она громко. Мой тесть нехотя оторвался от Светланы, и мы направились к дверям.

Из-за Филиппа Григорьевича я чуть было не забыл цветы, опомнился на выходе, вернулся и забрал их.

Отец находился в командировке. Он обещал быть, но задержался и заранее позвонил мне и Светлане, поздравил нас со знаменательным событием. Из моих – сопровождала нас Любовь Ивановна.

Уже в Доме культуры машиностроительного завода к нам присоединился брат Светланы, Алексей.

– Чуть не опоздал, – сказал он.

Рядом с Алексеем я увидел отчего-то не Надежду, а Людмилу. Она поздравила меня и Светлану с окончанием техникума и тут же ушла.

В зале присутствовало много знакомых мне и Светлане людей. Глазами я нашел своего друга Виктора Преснова. Он сидел у сцены вместе с Валентиной, рядом, с другой от него стороны находились Татьяна и Михаил Крутов. В толпе празднично разодетого народа промелькнули лица матери Виктора – Нины Михайловны и его отца – Василия Владимировича.

Директор техникума зачитывал фамилии выпускников, и сам же вручал нам дипломы. Вместе с дипломами он выдавал направления. Я видел, как чинно за дипломом на сцену поднимались мои друзья. Свой диплом, я взял легко. Директор пожал мне руку и сказал:

– Только один диплом. А вот направления я вам не дам. Я рассмотрел предложение Олега Анатольевича Физурнова. Вас, Андрей Николаевич мы решили оставить у себя!

– На второй год? – выкрикнул кто-то из зала. – Директор подхватил реплику и ответил:

– И на второй, и на третий, и... – махнул рукой, – все последующие года.

Я был доволен. Мне не нужно было расставаться с техникумом. Мое трудоустройство уже было решено. А вот моя подруга замешкалась.

– Забыла свою новую фамилию? – подтолкнул я ее. – Тебя вызывают. Я Асоков, а ты, стало быть, Асокова, а была ...

– Не нужна ей старая фамилия, – тут же в грубой форме перебил меня отец Светланы. – Забудь! Не это главное. Она Асокова и все тут!

Светлана пошла на сцену. На лице у Филиппа Григорьевича заиграла улыбка. Я нервно передернул плечами. Тестя, никого более, должно волновать то обстоятельство, что при замужестве его дочь сменила свою фамилию. Она стала как бы не папенькиной дочерью. Вместо Зоровой – Асоковой. Как он мог такое допустить. А еще любимый отец.

Мне не раз попадались по жизни пары с разными фамилиями, значит не все девушки, выходя замуж, стремятся отказаться от своей, не все... А вот Светлана Зорова – отказалась. Я за свою фамилию был горд.

Под шум и долгие аплодисменты директор вручал ди-

плумы выпускникам, отправлявшимся по путевке на комсомольские стройки. Одним из них был мой сосед по парте – Ленья Казаков. Он после добился больших успехов и получил медаль Героя Советского Союза. Сейчас такого уже нет. Да и кто может куда-то поехать? Никто! Для многих в этой настоящей жизни главным стали деньги. Романтики нет – там, где на первое место поставлены – барыши.

Вечером у нас было торжество. Мы отметили вручение дипломов в ресторане, самом лучшем в нашем городке. До того, как отправиться в ресторан я и Светлана решили заглянуть домой. Филипп Григорьевич отправился вместе с нами. Алексей Зоров не захотел идти, ему трудно было находиться рядом с отчимом, он ждал от него всяческих гадостей. Даже Любовь Ивановна моя мать его не смогла уговорить. Он бы пошел, если бы рядом с ним присутствовал мой отец, но его не было. Николай Валентович не распорядился своим временем и часто как мне помнится на различных, важных мероприятиях в моей жизни отсутствовал. Правда, если оно было, это самое время, он его расходовал с полной нагрузкой, не зря.

Домой мы пришли, чтобы подготовиться к вечеру и предстоящей бессонной ночи, немного отдохнуть – поваляться на кровати. Однако представлены были друг дружке недолго – появился отец. Он поприветствовал нашу компанию: обнял мать, еще раз поздравил Светлану и меня с окончанием техникума, пожал руку Филиппу Григорьевичу и принялся рас-

паковывать, привезенные с собой из командировки сумки.

– Слава Богу! – сказал отец. – Успел, успел, несмотря на задержку рейса – с погодой не поспоришь. Самолет не поезд, – и первым делом достал цветы, Любовь Ивановна тут же принесла вазу, затем поставил на стол шампанское и принялся выкладывать фрукты.

– Ну, вот стол и готов, – сказал Николай Валентович, – разведя руками. – Я бы сказал неплохой. Любовь Ивановну, попрошу принести бокалы, – сам же взял бутылку и открыл ее с эффектным хлопком при этом, не разив ни капли вина. Отец умел. Когда шампанское было разлито, и мы все подняли бокалы, отец торжественно произнес:

– Светлана и Андрей, за вас!

Нам было приятно. Даже уходить не хотелось. Но тут появился мой друг Виктор Преснов с Валентиной и Татьяной Полнушкой.

– Ребята, пора, пошли, – и мы веселой гурьбой выкатились во двор. Домой я со Светланой пришел уже под утро. Мы, стараясь не шуметь тихо разулись и осторожно стали пробираться к себе в комнату. В доме было тихо. Нам казалось: все уже давно спят. Мать спала, а вот отец нет. Из зала через щель в двери тонкой струйкой пробивался свет. Мы слышали голоса. Отец был не один. Светлана узнала голос отца Филиппа Григорьевича. Мне трудно было поверить, что Николай Валентович мог с ним так долго разговаривать. Да и о чем?

Он был человек высоко образованный, интеллигентный. Отец Светланы я часто слышал, о себе говорил следующие слова:

– Я, хотя и всего семь классов окончил, но знаю!

Мне было смешно. Что он мог знать со своими семью классами? – Я ни раз задавал себе вопрос. Одного только не понимал, что умение читать, писать – это не все. Грамоте учит жизнь – ее книгу нужно прочитать, чтобы что-то мыслить и понимать. А уж Филипп Григорьевич ее почитал: ногами отталкивал страницы – днями, неделями, годами. Чего только не было в ней написано. Красок было много и разных. Радужных мало, ох как мало. Хотя он прожил и долгую жизнь, но основное место у него заняла война. Она изменила его судьбу, все перевернула.

Спать Николай Валентович так и не ложился. Утром, когда за ним пришла «Волга» он посадил в нее Филиппа Григорьевича и попросил водителя отвезти его домой.

– Слушай, вези как дорого гостя, понял!

– Понял, Николай Валентович, понял! – крикнул ему в ответ водитель. Машина плавно тронулась, легко набрала скорость и скрылась в утреннем тумане улицы.

Я после нашел возможность поговорить с отцом. Мне очень хотелось узнать, о чем он так долго мог разговаривать с Филиппом Григорьевичем. Я не преминул заметить, что отец Светланы, возможно, никакой и ни Филипп Григорьевич.

– Вон, у нас в школе одна преподавательница при знакомстве всегда себя называла Надеждой Семеновной, – сказал я, – а однажды повела учеников на завод на экскурсию и попалась – их пустили за проходную, а ее нет, в паспорте было написано – Нейля Салеймановна или еще как-то... – не помню.

Отец выслушал меня и усмехнувшись, строго сказал:

– Андрей, я знаю и имя, и отчество твоего тестя. Ты своего тестя Филиппом Григорьевичем называл, так и называй... Тебе интересно: о чем мы с ним говорили, – продолжил Николай Валентович и тут же выдал: – Незачем тебе это знать! Сейчас, незачем. Нужно будет, я расскажу. Всему свое время. Я вот тебе и Светлане взял путевки. Мы с матерью хотим, чтобы вы отдохнули. Это наш свадебный подарок.

Поездка была недолгой. Однако она не позволила мне и моей жене побывать на свадьбе у Виктора и Валентины. Мы, конечно, сходили к ним после. Сделали все, как положено: купили цветы, шампанское, фрукты. Долго сидели за столом, говорили, строили планы на будущее. На первом месте у Преснова были слова о квартире. Молодой паре было тесно. Стоило мне и Светлане прийти к ним в гости, как родители Виктора – Нина Михайловна и Василий Владимирович тут же засобирались:

– Ребята, чувствуйте себя как дома, о нас не беспокойтесь, – сказал отец друга. – Мы идем в кино. В Дом культуры машиностроительного завода привезли хорошую картину.

Я сожалел, что рядом не было Татьяны Полнушки. Во время нашей встречи Валентина как-то странно смотрела на меня. Словно муху я смахивал рукой ее назойливый взгляд. Наверное, из-за этого Виктор со мной после простился несколько холодно. Мой друг был вспыльчивым. Он передо мной не очень выставлялся, уважал мою силу. А тут у порога какую-то околесицу понес. Я с силой сжал ему руку, он ойкнул:

– Ты, как медведь.

– Извини! – сказал я. – Не рассчитал. Я постарался не заметить его холодности, но ушел от Пресновых с неприятным осадком внутри, пытаюсь скрыть его от Светланы. Однако мне этого сделать не удалось. В темноте улицы жена, слегка дернув меня за рукав, сказала:

– Я знаю, о чем ты думаешь. Это все она – Валентина! До замужества моя подруга была девушкой, как и я, боялась близости с мужчинами. Можно забеременеть. А тут, наверное, кто подсказал или же сама сообразила, как легко этого всего избежать и осмелела. Забудь о ней. Она мне завидует. Ее Виктор не такой как ты. Есть у нее эта плохая черта – завидовать. Иногда тошно на душе становиться, не хочется с ней даже разговаривать, – Светлана помолчала, а затем продолжила:

– Ты, не пропусти мы их свадьбу, среди народа не так бы бросался ей в глаза, она возможно бы тебя и не увидела. А здесь, за столом, – вот он – напротив. Валентина не умеет в полной мере радоваться тому, что есть. Достигнув чего-то,

она тут же хочет уже большего.

Мы шли медленно по темным улицам городка. Жена, схватив меня под руку, иногда что-то спрашивала. Я отвечал ей. А еще, внимательно смотрел на дорогу, можно было споткнуться, не очень уж она была идеальной. Фонарей на улице было немного: раз-два и обчелся.

У Виктора с Валентиной все было не так как у нас. Возможно, жена друга, глядя на меня, понимала, что Светлане повезло больше, чем ей. Мне было не по себе: я боялся, что Валентина положит на меня глаз. Будет нервировать Светлану. А еще взбудоражит моего друга, а он, вспыхнув, таких дел натворит...

– Вспомни, – прервала мои размышления Светлана, – как нам было хорошо, вдвоем в Ленинграде, Риге, Лиепаве?

– В номере на двоих? – спросил я.

– И в номере на двоих, – ответила она, – а еще, что главное ты в Лиепаве, когда мы вышли к морю, не один час потратил на поиски для меня янтаря. Весь измазался. И нашел. Я не думала, что ты можешь найти янтарь, а ты нашел его!

– Ты, мой янтарь, – ответил я, – теплая, добрая и понятная, способная внести в мою жизнь спокойствие и уют.

На небе показалась луна полная, большая, такая, какой ее представляют все поэты и писатели, описывая в своих произведениях о встречах влюбленных пар. Мы прижались друг к другу и невольно поцеловались.

8

Дом, в котором я жил со Светланой и родителями, находился в пятнадцати минутах ходьбы от дома Виктора Преснова. После того, как мы поженились, он перестал бывать у меня. А вот его супруга напротив. Она часто толкалась в дверь и делала на лице недовольную мину, если ей тут же не открывали.

– Я, к Свете, – говорила молодая женщина мне, когда я вдруг оказывался у нее на пути, – пошущукаться. – Я пропускал подругу жены и вел ее в нашу комнату. Немного побыв, я уходил, оставляя Светлану и Валентину вдвоем. Мне было жалко жену. Супруга Виктора Преснова принималась жаловаться моей жене, каково ей жить в новой обстановке.

– Мы с тобой, как те сиротки! – говорила она. – В общегитии все было иначе. – Я, слыша ее слова, лишь усмехался про себя. Подруга жены все делала, чтобы невольно, будто бы случайно удержать меня рядом. При этом она выпячивала свою большую грудь, отчего та становилась еще больше. Я, быстро скользил взглядом по ней, опуская вниз глаза, затем что-то ей отвечал и поворачивался спиной.

Я побаивался Валентину. Она как магнит притягивала меня к себе и, наверное, знала о том. Не раз я слышал ее смех. Он выражал триумф, ее победу надо мной.

Хорошо, если бы рядом с нами находился Виктор Прес-

нов, то может быть, я вел себя иначе. Поддерживать отношения лично с его женой мне не хотелось. Выставить ее из дома, я не смел. Она была подругой моей жены, и еще я был сыном Николая Валентовича. Он с женщинами был элегантен. Я тоже был вынужден соответствовать отцу.

Не только я сторонился Валентины, но порой и Светлана.

– Не знаю, как я могла раньше с ней общаться? – задавала она мне вопрос. – Другое дело Татьяна. Эта же пристанет, как банный лист. Даже на работу выйти хочет со мной в один день. Не дай Бог работать нам в одном подразделении.

– А ты и не будешь, – успокаивал я жену. – Завод большой. А еще, что я скажу – тебя на работу устроит моя мать Любовь Ивановна.

– Да, я знаю, но мне необходимо съездить домой. Там, сейчас, очень нужны мои руки. Я Валентине по поводу выхода на работу так и сказала, а затем, – Светлана вдруг засмеялась.

– Что такое? – задал я вопрос.

– А то! Не удержалась и спросила: у нее: «Тебя что Виктор достает? Вот еще – сказала мне подруга: – Он сам дома сидит, а я, что хуже его. Вот он выйдет на работу, тогда другое дело».

У Татьяны все обстояло иначе. Полнушка не могла долго прохлаждаться, так как ей после окончания техникума необходимо было освободить комнату в общежитии. Чтобы получить новое жилье девушка была вынуждена пойти в отдел кадров завода. Там она представила направление из техни-

кума, и ей дали новое место и еще назначили день выхода на работу.

Я обрадовался появлению Татьяны у нас дома. С удовольствием пожал ей руку. Она засмушалась и, остановившись у порога, сказала:

– Андрей я по делу. Ты очень занят? – и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Не сможешь мне перетащить вещи. Мне дали комнату.

– Конечно, – откликнулся я, и позвал Светлану.

– У тебя много вещей? – спросил я у Полнушки.

– Много, – смущенно ответила она. – Я жуткая тряпичница. Ну, раза за два-три, а может быть и четыре, мы все перетащим.

Тут появилась Светлана. Я объяснил жене ситуацию и предложил вместе с Татьяной отправляться в общежитие, а сам пошел к Михаилу Крутову за помощью. Мне не хотелось обращаться к Виктору, я мог встретиться с его женой, а это был лишний повод для скандалов. Преснов был ревнивым, и я все делал, чтобы не давать ему повода.

Михаил с Татьяной были у него на свадьбе свидетелями. Я рассчитывал, что Крутов без слов согласится, как ни как девушка ему была знакома. Так и получилось. Едва я только объяснил, что от него требуется, он тут же утвердительно кивнул мне головой.

– Я, сейчас оденусь поприличнее, и буду готов. Подожди меня. Хорошо!

Михаил собрался быстро, и мы с ним, чтобы срезать дорогу – дворами отправились в общежитие техникума.

У входа нас встретила тетя Надя:

– Проходите ребята. Вас уже ждут!

Михаил был не прихотлив. Такой добродушный, без витиеватых мыслей парень. У него все было видно на лице. Он мне и Светлане был более понятен, чем Виктор и Валентина. Михаил очень подходил Татьяне. Я, глядя на него, не раз говорил жене:

– Вот был бы жених для твоей подруги, лучшего и не надо! – Она соглашалась.

Татьяна была родом из того же поселка, что и моя жена. Однажды я даже побывал у нее в гостях. Правда, это случилось, значительно позже.

Крутов, на свадьбе у Виктора и Валентины, встретившись с Татьяной – увлекся ею, но прежде «обжегшись» на своих девушках из городка.

Татьяна знала о его мнении о девушках «не своих» – «общежитских» и поэтому ему было непросто завязать с ней отношения. Мое предложение помочь девушке явилось, кстати. Мы – я и Светлана в будущем принялись все делать, чтобы способствовать дружбе Михаила и Татьяны. Лед начал таять. Мне было приятно наблюдать за ними во время упаковки и выноса вещей вниз – туда, где сидела тетя Надя: – они были, словно парочка молодоженов, переезжающих в новую квартиру.

Тетя Надя очень сожалела, что Татьяна уезжает, и вызвалась нам помочь – последить за вещами:

– Не беспокойтесь. Вот здесь возле меня оставляйте. Все будет в сохранности. Мы спустили со второго этажа коробки с книгами, чемодан, пакеты с одеждой и прочую утварь: кастрюльки, тарелки, сковородки.

Татьяна Полнушка была девушкой хозяйственной. Даже в общежитии в комнате она сумела создать атмосферу тепла и уюта. Благодаря ей, Светлана и Валентина могли чувствовать себя, как дома. Их подруга едва они только заселились, тут же поменяла казенные занавеси на свои домашние, заставила подруг у кроватей положить коврики, стол она застлала скатертью. На стенах развесила фотографии.

Я не удержался и, выбрав время, сказал товарищу:

– Михаил! Смотри, какая девушка! Стипендия – гроши, а у нее – «все сердито» и со вкусом. Не упusti. Жена будет что надо!

Друг хмыкнул и с удовольствием посмотрел на Татьяну, которая в соблазнительной позе, согнувшись, тряпкой протирала пол. Она, покидая общежитие, не хотела оставлять после своего отъезда беспорядок. Я после не раз замечал в ее характере – желание все раскладывать по полочкам – доводить до логического конца. Чего порой не хватало Светлане. Моя жена, увлекшись чем-то эфемерным, могла забросить понятное, и ясное, казалось, еще один шаг и все, дело сделано – вот он результат, так нет же. Ну и что в итоге – ничего,

одни угрызения совести: «дура, я дура, куда смотрела» – и откат назад. Но это потом.

Переезд Татьяны занял много времени. Общежитие находилось в новом микрорайоне и нам добраться на «одиннадцатом» – пешком было невозможно. Автобус был необходим. Мы ездили два раза. Дом, в который вселялась наша Полнушка, был новым, не двухэтажный, а пятиэтажный – выглядел шикарно. Татьяне дали комнату на третьем этаже в однокомнатной квартире.

– Ну, ты растешь! – сказал я. – Была на втором. А теперь...

В доме было много семейных пар. У подъезда мы увидели молодых мам с колясками. Одна из них переехала нам дорогу и, оглянувшись, с улыбкой сказала:

– Кому-то повезет, – и засмеялась, увидев на моем лице смущение. Мой товарищ тут же толкнул меня локтем в бок и многозначительно сообщил:

– Андрей! Слышал! Это тебе со Светланой. Мотай на ус! – Светлана тут же заступилась за меня:

– Не отросли еще, – и мы зашли в подъезд. Татьяна Полнушка обратилась к вахтерше немолодой женщине. Она была совершенно не похожа на нашу тетю Надю, но также, как и она преградила нам путь. Затем женщина долго допытывалась о причине нашего появления в общежитии и зачем нам нужен комендант и лишь после, изучив направление, пропустила нашу подругу, а мы в ожидании ее, опустили на пол поклажу – Татьянины вещи и подперли желтушные кра-

шенные стены. Прошло минут пятнадцать, прежде чем она к нам вышла и пригласила пройти. Вахтер бездействовала и даже не взглянула на нас. Мы, подхватив вещи, отправились к лестнице. На нужном этаже нас ждала комендант. Она зашла вместе с нами, оглядела пустое помещение и сказала Татьяне:

– Приходите за мебелью. Я буду ждать.

Квартира имела коридорчик, площадью – метра два-три, небольшую кухню, ванную, совмещенную с туалетом и приличную по метражу комнату. В ней кроме Татьяны мог еще поселиться один, а то двое человек.

Полнушка, окинув ее взглядом, тут же пожалела:

– Да, скучновато мне будет.

– Не переживай! – сказала Светлана. – Я думаю, что мы все сделаем, чтобы ты не чувствовала себя здесь одиноко – будем приезжать в гости. Так, Михаил?

– Да! – откликнулся парень. Я толкнул его в плечо, и поспешил вниз. Михаил следом за мной. Татьяна и моя жена принялись разбирать вещи.

Мы вначале принесли шкаф, затем железную кровать, стол. Татьяна окинула взглядом мебель и сказала:

– Так, стол есть, сейчас я вас напою чаем, – у нее даже в такое не подходящее время – полного хаоса – все оказалось под рукой. Пока она готовила угощение, я хватился, что нет стульев, и снова отправился к коменданту. Она, оказалась расторопной женщиной, взглянув на мои бицепсы, не удер-

жалась – запрягла меня. По ее просьбе я помог еще одной девушке, въезжавшей в общежитие, затем еще одной. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы не Татьяна Полнушка. Она спустилась вниз и вырвала меня из ее рук:

– Да что вы! – налетела девушка на коменданта, – он же женатый мужчина. Его жена ждет.

– Такого можно ждать! – польстила мне комендант и отпустила с явным сожалением.

Мы со стульями поднялись наверх. Татьяна тут же усадила нас за стол. После чая мы долго разговаривали и уж под вечер засобирались по домам. Провожая нас, Полнушка сказала:

– Ну, вот я и пристроена. Еще недельку погуляю и на работу.

– И я тоже, – ответила Светлана.

– И я, – сказал Михаил Крутов.

Мне было несколько не по себе. Я, промолчал. Хвалиться не чем, после окончания техникума я подал документы в физкультурный институт. На работу в техникум мне идти было рано. Правда, я заявление оставил, но от него не было толку, подписать его собирались где-то в августе.

Чтобы поступить в институт, мне необходимо было готовиться. Одной «корочки» мастера спорта было недостаточно. Это при поступлении в обычный вуз она имела большое значение, порой даже решающее, и то если бы я был футболистом, и в институте имелась команда.

Дня через два Татьяна Полнушка приехала ко мне и Светлане в гости и официально пригласила к себе.

– Зову вас на новоселье, – сказала она, – хотя вы уже и видели мои «хоромы».

Я не удержался и спросил:

– Таня, а кто у тебя еще будет?

– Михаил! – сказала девушка, затем помялась и добавила, – еще Виктор со своей женой. Вы же сами, понимаете, я не могла пройти мимо них. – Она знала от Светланы о приставаниях Валентины ко мне.

– Так что добро пожаловать!

Мне трудно было согласиться. Жена попросила меня успокоиться и не обращать внимания на Валентину. Я посмотрел на просящие глаза Татьяны Полнушки и заверил ее:

– Хорошо, мы будем!

Татьяна ушла. Я и Светлана тут же принялись обсуждать, какой нам купить подарок ей на новоселье. Прийти с пустыми руками было неприлично. Я ничего толкового придумать не смог, моя жена также оказалась в затруднении, хотя она и знала свою подругу куда лучше меня. Наконец, не выдержав, я сказал:

– Поехали в Москву! Там, этих подарков навалом. Что-нибудь да выберем.

– Я согласна, – ответила мне Светлана. – Это выход.

Подарок Татьяне мы нашли в одном из специализированных магазинов: «Все для дома» – были раньше такие.

Мы купили ей чайный сервиз – он сразу привлек наше внимание – шесть изящных чашек с блюдцами, заварной чайник и сахарница – разрисованный зелеными листьями.

На новоселье я, когда вручал его Татьяне, замешкался, придумывая, что бы такое сказать, по оригинальнее. Михаил тут же влез и перебил меня:

– Ты смотри, как все четко: нас шесть человек и чашек столько же – предусмотрено для каждого. Это вот самой хозяйке – это Светлане, – это Валентине... – и он, выдергивая у меня из рук предметы, разложил их напротив каждого гостя, не забыв и про себя.

Полнушка подарком осталась довольна. Наш чайный сервиз оказался, кстати. После, она не раз выставляла его на стол, когда мы приходили к ней в гости. У нас, можно сказать, у каждого была своя отдельная чашка. Из нашей компании самым неуклюжим оказался Михаил Крутов, – он свою чашку быстро разбил, затем долго мучился, искал подобную, хотел купить и восполнить сервиз, но не нашел. Когда парень женился на Татьяне Полнушке, я сказал ему:

– Наконец то ты искупил свою вину, исправил положение, твой проступок может быть Татьяной забыт.

На новоселье у Татьяны, Виктор от Валентины не отходил. Однако та нашла возможность прижать меня своей грудью в коридоре:

– Я, беременна, – сказала молодая женщина, играя глазами, – ты бы от меня не ушел. – После она меня все-таки до-

стала и добилась – чего хотела. Но это было по прошествии многих-многих лет. Я тогда был сам не свой и нуждался в тепле и понимании.

Слова Валентины меня обрадовали, я перестал бояться ее неожиданных поступков. Положение, в котором женщина пребывала, обязывало ее быть предсказуемой. С Виктором Пресновым я вовремя небольших перерывов между трапезами разговаривал легко и не принужденно. Он жал мне руку, тряс и просил, чтобы я со Светланой заходил к ним в гости.

– Я уже и не помню, когда вы у нас были, – сказал друг. – Смотри, обижусь. Ты Андрей должен...

– Хорошо-хорошо, мы обязательно исправимся и скоро будем у вас, возможно, даже в это воскресенье! – ответил я, обнимая жену.

Мне было приятно, что все так удачно окончилось. Светлана, Татьяна Полнушка и Валентина снова стали подругами, такими, какими они и были раньше в годы учебы в техникуме. Правда, Татьяна могла бы и обидеться на Валентину, но она была человеком не злопамятным и считала, что Бог не делает все к лучшему. Рядом теперь возле нее находился Михаил – его присутствие не было лишним. Он сблизился с Татьяной и часто стал проводить время вместе с нами. Я, конечно, портил идиллию, так как у меня был спорт. Мне нельзя было часто нарушать установленный когда-то Физурновым, моим тренером распорядок дня. Я помногу времени пропадал на стадионе техникума. Там мне было удобнее. Ни

что не отвлекало. Рядом со мной бегал Олег Анатольевич, бросал вместе со мной копье, гранату, диск, прыгал в длину.

– Главное, – говорил он, – нужно удержаться на достигнутом результате, не потерять его, лучше, конечно, превысить показатель, но это ох как тяжело. Я по себе знаю. Мне уже не дано. А ты, ты еще все сможешь, только не ленись.

Я не ленился, но спорту уделял столько времени, сколько мог, пытаюсь при этом не потерять своих друзей. Михаил Крутов мне был менее близок, чем Виктор Преснов. И что главное этот самый Виктор не ушел от меня – не отдалился. Его жена Валентина пофлиртовала со мной и успокоилась.

Из-за стола мы поднялись после чаепития. Я не удержался и, обратившись ко всем участвующим в новоселье друзьям, сказал:

– Пора и честь знать.

– Да, ладно, – ответила мне Татьяна Полнушка, – еще светло!

– Да, светло, но уже темнеет, – поддержала меня Светлана и, обратившись к подругам, предложила быстренько навести порядок, а затем уже разойтись по домам.

Когда мы вышли от Полнушки на улицу, и кто-то из ребят завел разговор о работе, я предложил друзьям не тянуть и выбрать день выхода. Татьяна вышла нас проводить. Она, услышав мои слова, сказала:

– А что тут думать. Я вам предлагаю выйти на работу вместе со мной!

Михаил Крутов, следовавший позади нас, догнал и, обхватив Татьяну руками, сказал:

– А я знаю, а я знаю, отчего нас торопить Андрей! – затем, заглянув через голову девушки, дополнил свои слова:

– Он, каждый день, часов по несколько пропадает на стадионе, а еще ему необходимо время, чтобы готовиться в институт – зубрить. Мы ему просто мешаем.

– Ну ладно, мешаєте, вы мне мешаєте! – крикнул я, и все засмеялись, однако предложение Татьяны осталось в силе и в назначенный день мои друзья отправились на завод оформляться на работу.

Светлана пошла, работать на завод на должность техника-технолога. Ее устроила моя мать. Она все сделала, чтобы место было спокойное. Любовь Ивановна надеялась на то, что сноха не остановиться на достигнутом результате и обязательно поступить в институт на вечернее или же заочное отделение. Того хотел и мой отец. А уж особенно Филипп Григорьевич.

Моя жена понимала обстановку у нас в доме и реагировала на нее. Однажды я чтобы хоть как-то ее подбодрить сказал:

– Ты можешь не слушать моих родителей. Хочешь, учиться? Учись! Нет желания? Не нужно себя насиловать.

– Андрей! Я, хочу учиться, и буду учиться, – ответила мне Светлана, – но вначале мне нужно разобраться. Я должна понять, что к чему! Ты себя уже нашел, – бросив на меня острый взгляд, сказала супруга, – для тебя атлетика – главная цель жизни! Ты каждый день бегаешь по утрам, а порой и по вечерам. Прыгаешь. Чуть что гири в руки и давай их поднимать. Я же получила диплом техника-технолога, однако не знаю еще, как быть – учеба это одно, работа – другое. Может – это все не мое?

Мне не хотелось верить словам супруги, и я их пропустил. Сомнения ее были необоснованными. Не ей так говорить.

Светлана была лучшей студенткой: окончила техникум на отлично – это стоит больших трудов.

Я же учился не валко не шатко. Техникум мне был не нужен. Его я посещал только из-за Светланы, ну и еще, потому что увлекся легкой атлетикой. Если бы не Олег Анатольевич Физурнов мне там и делать было бы нечего.

Я знал, что мои родители разговаривали со Светланой об институте, но мне не были известны подробности. Давление на нее оказывалось. Однако оно было несерьезным. Моя мать Любовь Ивановна, да и не только она, но и мой отец Николай Валентович были интеллигенты. Они не могли быть чересчур надоедливými. Кроме того, у них еще не было времени – сколько мы жили вместе – месяц, даже меньше, чтобы чего-то от снохи требовать. А вот отец Светланы, Филипп Григорьевич, тот на дыбы становился, как конь. Он слушать не хотел возражения своей дочери – рвался в бой и готов был все сделать, чтобы пристроить ее в вуз.

– Ты, значит, выбрал себе дорогу, метишь в институт, – говорил он мне, брюзжа слюной, – а моя доченька, единственная кровинушка, по твоей милости, пусть будет не грамотной, так что ли? Я не выучился! Мне война не дала. Моя дочь выучиться. Она будет ученой и все тут!

Мне его трудно было слушать. Светлана, как могла отбивалась от отца. Я недоумевал, отчего он так рьяно не занимался Алексеем. Пусть он ему и не родной сын, но ведь рядом живет. С соседями иначе себя ведут – больше внима-

ния уделяют. А тут, словно посторонний человек. Вот бы, где нужна была его прыть. Прояви он ее, и парень не работал бы сейчас на заводе в горячем цехе в мареве дыма, гари, а ходил бы где-нибудь в отделе в халатике, нажимал кнопки, что-то писал ручкой в блокноте. Так нет же, бросил его, а тут лезет, куда не нужно. Сами без него обойдемся, решим, что и как.

Отбить напор Филиппа Григорьевича я бы не сумел. Мне помог мой отец. Только благодаря нему мой тесть утомился. Правда, моя мать дала ему слово присмотреть за его дочерью на заводе и все сделать, чтобы у молодой женщины желание продолжить в будущем учебу не исчезло, а наоборот, усилилось. На том и согласились.

Первый рабочий день утомил мою жену. Она познакомилась с новыми людьми, но не запомнила ни одного имени и фамилии.

– Андрей, голова у меня как в тумане. Я не помню даже лиц своих коллег. Как мне работать? Ума не приложу!

Это, конечно, было не так. Что-то в памяти у Светланы да осталось. Затем ей часто на помощь приходили коллеги. Она могла слышать, как они обращались друг к другу. Этого порой было достаточно. По прошествии недель, месяцев, лет, многие из работавших рядом людей ей стали хорошими знакомыми и даже друзьями.

Я волновался за Светлану, и часто не удержавшись, отправлялся ее встречать. Толкаясь у проходной, я ждал, когда она выйдет за забор завода. Время всегда тянулось медлен-

но. Наконец наступал момент, и охранник распахивал ворота, вначале я видел первых самых прытких одиноко спешащих людей. Затем минут через пять-десять уже шел сплошной поток. Я беспокоился – моя зазноба порой не знала о том, что толкусь у проходной. Мы легко могли разминуться. Я часто надеялся на свое сердце. Оно меня ни разу не подводило – начинало усиленно стучать, и я кричал:

– Светлана, я здесь!

Однажды на мой зов тут же откликнулась какая-то озорная девушка – ее, наверное, тоже звали также, как и мою жену:

– Иду, иду, мой любимый!

Тут же брызнул смех, идущих рядом с нею подруг.

Меня трудно было вывести из себя. Я, шутя, погрозил им пальцем и, заметив в потоке людей жену, устремился к ней.

Мощный людской поток подхватил нас и понес к железнодорожной станции. Многие из работников завода ездили из близлежащих окрестностей и торопились на электричку. Минут пять мы шли по течению, не сопротивляясь, а затем свернули в сторону, ручейком долго петляли между домов, пока не остались одни, наедине друг с дружкой.

Настроение у Светланы было бодрым. Она втягивалась в рабочий ритм завода. Держа меня за руку, жена с упоением рассказывала о своем рабочем дне. У нее трудовая жизнь налаживалась.

– Андрей, знаешь...

– Знаю! – перебил я ее, – знаю, ты начинаешь ощущать себя нужной! Так?

– Так! – кивнула головой супруга.

– Это нужно как-то отметить! – сказал я. – Ты, сейчас, наверное, очень голодна – мы быстро идем домой, кушаем, а после по телефону обзваниваем друзей и вечером собираемся в Доме культуры. Хорошо?

– Хорошо! – ответила Светлана.

– Все, отказавшиеся с нами встретиться, будут признаны в работу не втянувшимися. Им будет сделано общественное порицание. Согласна? – спросил я и засмеялся. Супруга засмеялась тоже и дополнила мои слова:

– Мы их уволим...

Вечером, после небольшого отдыха, мы отправились в микрорайон к Татьяне Полнушке, затем на обратном пути зашли к Михаилу Крутову. Он долго упирался и дал добро пойти, только после того, когда я в телефонном разговоре упомянул подругу Светланы. Девушка запала ему в душу и парень, для того чтобы увидаться, использовал любую возможность.

Михаила приняли на завод бригадиром, однако прежде он должен был пройти «курс молодого бойца» – месяц-два побыть в рабочей робе.

– Я, уже почти все умею! – сказал он при встрече. – Мастер мне скоро доверит участок. Он меня сегодня похлопал по плечу и задрал большой палец вверх. Это у него высший

знак качества. Вот так.

Шумной кампанией мы зашли к Валентине и Виктору Преснову. Им, как и нам не хотелось сидеть дома. Они тут же собрались, и мы гурьбой вывалились на улицу.

– Нам полезно много гулять, – сказал Виктор.

– Это всем полезно, – тут же дополнила его Валентина. – Ты меня так оберегаешь, будто я должна завтра родить. А у меня ведь еще только начальная стадия. Я еще ничем не отличаюсь от своих подруг. Вот так.

Не знаю, куда бы зашел разговор, но влез Михаил:

– Да, вот мы и взрослые, – сказал он, – полноправные члены общества. Нам доверили серьезное дело.

Я посмотрел на ребят. Мне немного было завидно.

– Да, счастливые вы. Позади школа, кое у кого армия, позади техникум... – что еще? Вы – взрослые. Один я еще нет. Ребенок – бездельник. Я ни где не работаю. Занимаюсь своей физической подготовкой, мечтаю об институте, готовлюсь – «ковыряюсь» в школьных учебниках. – Не знаю, чего бы я еще наговорил, но ребята меня перебили и тут же принялись успокаивать. Больше всех старался мой друг Преснов.

– Андрей, я думаю, ты также можешь отнести себя к счастливым людям, хотя бы потому, что нашел свое призвание. Через неделю-другую, ты сдашь экзамены в физкультурный институт. Станешь студентом. А в августе тебя введут в штат техникума, будешь заниматься своим любимым делом! А мы? Мы еще не знаем, как все обернется. Учеба – одно,

работа – другое. Не буду отрицать, начало у нас хорошее, но это начало. Что нас ждет впереди вопрос, вопрос серьезный, всей нашей жизни!

– Да ладно вам! Пошли в Дом культуры! Там неплохой фильм сегодня, посмотрим, – перебила нас Валентина. – Зачем нам толкаться, спорить с жизнью, ее философией. Она сама все расставит по местам. Дай время!

Все тут же с Валентиной согласились, и мы отправились в Дом культуры машиностроительного завода. Однако оказалось, что Валентина ошиблась, в этот день были танцы.

– Ну, что? – спросила Светлана. – Поедем в микрорайон в кинотеатр. Там, наверняка, нам повезет!

– Да нет, пошли на танцы, – сказал Михаил Крутов. Он радовался возможности побыть вместе с Татьяной Полнушкой. Танцы для этого подходили больше, чем кино, можно было на виду у всех прижиматься к понравившейся девушкой, а то, что его тянуло к Татьяне, было заметно «невооруженным глазом».

Летом танцы проходили в парке. Цирк танцплощадки был открытым за исключением места, где играли музыканты. Сверху над нами свисали фонари. Они не были мощными. Свет давали рассеянный. Это многих отдыхающих радовало. Для меня, Светланы и Виктора с Валентиной было все равно. Женитьба что-то изменила в нас. Это Михаил и Татьяна могли отрываться.

Я, оставшись с Пресновым, под видом передохнуть, не

удержался и спросил:

– Ну, как тебе?

– Вообще то ничего, танцы как танцы. Здесь на открытой площадке даже лучше, чем в помещении делать выкрутасы ногами, однако нет того зуда. Валентина она уже моя. Мне не нужно ее завоевывать. Пропал запал.

– Да, тут ты прав, – ответил я другу, – взгляни на Михаила и Татьяну, на их движения: у нашего друга руки нет-нет и срываются, скользят по бедрам девушки. Он боится своей смелости. Не знает, желает ли она его прикосновений или нет. Однако его тянет к ней. А нам чего бояться. Я Светлану не боюсь – законная жена. Ты, Валентину не боишься – законная жена.

– Танцы не для нас, – сделал заключение Виктор Преснов, – хотя их игнорировать и не следует. Взгляни сколько девушек. Этот самый зуд может вновь неожиданно, как пропал появиться.

– Да ну тебя! – хмыкнул я. Мне трудно было представить, что я мог изменить Светлане. Такого пируэта я не допускал. Тогда не допускал, но жизнь на то и была жизнь. Она все делала по-своему.

Вечер окончился. Мы «высыпали» в парк. Долго бродили в темноте, по улицам городка. Было тепло, даже душно. Ночью разразилась гроза. Дождь лил как из ведра, сверкали молнии, грозно ворчал гром. Мы проснулись. Светлана, заметив, что я не сплю, прошептала мне:

– Андрей, я в детстве очень боялась грозы. Часто забира-
лась под кровать и дрожала от страха. Порой кричала: «Ма-
ма, мама, а где папа?» Только он мог меня спасти». «На рабо-
те, – отвечала мать и добавляла. – Вот еще папенькина доч-
ка». Теперь я рядом с тобой и мне ничего не страшно. Ты
моя защита. – Я обнял Светлану и прижал к себе.

– Андрей, что это у нас сегодня было за мероприятие?

– Праздник – наш семейный праздник, первый после сва-
дьбы – выход с друзьями, – прошептал я. – Мы славно про-
вели время.

– Да, ты прав! – услышал я шепот жены.

Мы долго шептались, говорили о том, о сем пока нас не
сморил сон.

Наступила пора вступительных экзаменов. У меня хватало
времени, чтобы к ним подготовиться. Я не испытывал
особого страха, хотя все-таки немного волновался.

За день до того, как отправится в столицу, мне кто-то из
подруг супруги, возможно, это была Валентина, для успоко-
ения, втолкала в руку таблетки препарата, притупляющего
сознание, я их взял, но только чтобы не обидеть молодую
женщину, пить не стал, по дороге тайком выбросил. Чело-
век, перед началом любого важного дела должен идти с чув-
ством понимания значимости момента. Это помогает акцен-
тировать внимание, дисциплинирует, мобилизует силы.

Отправляясь на экзамен, я больше беспокоился за Светла-
ну. Она была, что та переполненная чаша. Супруга, выпро-

важная меня в Москву, задолго до того, как самой выйти на работу говорила и говорила:

– Андрей, будешь икать. Лицо у тебя будет гореть. Что еще..., не знаю. Одно скажу, буду тебя ругать.

– Зачем же ругать? – спросил я. – Ты думаешь, что я завалю?

– Не говори, это слово, не говори, его вообще не нужно поминать. Не завалишь! Но так принято. Это для того, чтобы у тебя все было хорошо, – поправляя воротник рубашки, сказала мне Светлана и, вытолкнув за дверь, резко закрыла ее.

Я внял ее словам и сдал все предметы на отлично – честно, от себя такого результата не ожидал. Выбрав время, я свозил жену в Москву и показал ей, вывешенный на доске объявлений приказ о зачислении.

– Молодец! Твой труд, должен быть отмечен! – сказала она. – Отец тебя уже наградил. Автомобиль, это отличный подарок. Но в гараже он ничто. Я хочу предложить устроить еще один наш праздник!

– Отправиться в Москву? – перебил я ее.

– Нет! – ответила Светлана. – Пригласим наших ребят, сядем в машину и поедем в поселок, ко мне домой. Там, мы покажемся на глаза моим родителям – Филиппу Григорьевичу и Марии Федоровне, а затем махнем в лес на речку. Покупаемся, позагораем. Я приготовлю шикарный обед на природе. Классно проведем время. Согласна душечка или нет?

– Согласна! – сказал я. – Душечка согласна. Но хочу дополнить. Тут мне недавно в хозяйственном магазине на глаза попались отличные шампуры из «нержавейки». Завтра я их обязательно куплю. Мой отец для пикника подготовит нам мясо, он это умеет делать, и мы там, у реки на костре сделаем отличные шашлыки, пальчики оближешь. Праздновать, так праздновать.

Подготовкой к празднику занимался в основном я. Светлана была вынуждена ходить на работу. Ей было не до того. Однако супруга тоже ни сидела, сложа руки: вечерами просматривала нашу одежду и подбирала необходимую для загородной поездки. Однажды, я услышал ее голос из шифоньера:

– Нашла, нашла, – и она выудила мою солдатскую форму: китель и брюки, – может, поедешь в этом?

– Нет-нет, это для торжественных случаев, – выкрутился я, – или же для войны. – Те годы вдаль от семьи и от дома не были легкими, поэтому у меня не было желания снова почувствовать себя солдатом. Хотя времена чем-то сродни военным мне пришлось испытать и не только мне, но и моим товарищам, и не только им...

День праздника приближался. Друзья готовы были отправиться со мной и Светланой куда угодно. Но так как хотелось, не получилось – наши со Светланой планы неожиданно были нарушены Валентиной. Она отказалась от поездки. Мне нужно было самому ее попросить, а не надеяться на су-

пругу. Для Валентины мои слова всегда имели значение. Отказать мне она бы не смогла, а Светлане запросто: «Свет, ты же знаешь, я беременна, день может оказаться прохладным, так вот мне в моем положении ни в коем случае нельзя переохлаждаться, нельзя».

Я вмешиваться не стал, так как мы могли задержаться и остаться на реке на ночь. И как нам тогда быть с Валентиной?

Михаил Крутов был несказанно доволен. Особенно Татьяна Полнушка. Она ведь была из одного поселка, что и Светлана. У нее представилась возможность похвастаться своим женихом, показать парня родителям.

У меня по тем временам был приличный автомобиль никакой-то там «Запорожец», или же «Москвич», а «Жигуленок». Их тогда только начал выпускать Тольяттинский автомобильный завод. Не знаю, уж каким образом удалось отцу получить его. Для этого необходимо было отстоять в очереди ни один год.

Мне не терпелось показать ребятам свою машину в действии, похвалиться подарком отца. Друзья видели моего «Жигуленка», но ездить им на нем не приходилось. Я два-три вырубивал за ворота в магазин и обратно и всего лишь. Вот бы отправиться, на юг, к морю, например, в Ялту, однако свободен был я один – мои друзья работали. Предложение Светланы съездить на природу меня обрадовало. Я был доволен предоставленному случаю. Во мне все горело. Я рвался сесть за руль и продемонстрировать свое умение во-

дить автомобиль. Как ни как в армии два года крутил «баранку» и не только, в так называемые парковые дни, мне приходилось заниматься еще и ремонтом автомобиля. Навык был.

Для того чтобы отправиться в поселок к родителям Светланы мы поднялись чуть свет. Пока моя жена прихорашивалась, я выскочил из дома, побежал в гараж и подогнал машину к крыльцу.

Мы наскоро позавтракали. Моя мать Любовь Ивановна иначе бы нас не отпустила. В дорогу она наготовила нам сумки провианта, необходимого для пикника. Отец Николай Валентович нехотя, с трудом, но доверил мне мясо. Он долго наставлял меня перед тем, как мы выехали за ворота, говорил и говорил, что с ним нужно делать и как. Я кивал головой. Но этого было недостаточно. Николай Валентович добился от меня, чтобы я сказал ему:

– Да не испортим мы твое мясо, не испортим, – и захлопнул двери «Жигуленка». Отец махнул рукой и ушел в дом.

Ребят – Михаила и Татьяну мы забрали по дороге. С нами хотел поехать Алексей, брат Светланы, но не поехал. Однако пообещал:

– Андрей, я вас догоню на автобусе, может быть, прихватчу с собой и Надежду. Все будет зависеть от тещи. Как она отпустит ее?

Дорога оказалась трудной. В карбюратор что-то попало и «Жигуленок» встал. Я, наверное, больше часа прокопался в моторе. Однако, запустил – показал умение. Это обстоятель-

ство позволило присутствовать на пикнике и брату Светланы. Иначе бы он опоздал.

Моя жена была у меня штурманом. Татьяна также не молчала. Если что влезала в наш разговор. Необходимости пристраиваться к какому-нибудь маршрутному автобусу, идущему в поселок, не было.

Я мягко подрулил к дому родителей Светланы и остановился. К нам никто не вышел. Светлана выскочила из автомобиля, подбежала к калитке, открыла ее и исчезла за забором. Через минуту она снова появилась на улице.

– Нет никого! На дверях замок. – Помолчала, затем сказала мне:

– Андрей пойдем, забежим к бабе Паше. Она наверняка знает, куда подевались мои родители.

– Мы тоже на время отлучимся! – сказала, выбравшись из машины, Татьяна Полнушка:

– Михаил пошли, я тебе покажу свой дом, познакомлю с отцом и матерью. Мой отец, да будет тебе известно, воевал с Филиппом Григорьевичем на войне. Они однополчане. – Татьяна Полнушка шла и говорила, говорила, о чем, слышно не было, но слова подруги Светланы меня заинтересовали, и я для себя решил, что нужно будет у жены расспросить.

Татьяна и Михаил ушли, а я со Светланой отправился к бабе Паше.

Светлана привычно открыла калитку, и мы вошли во двор. На двери висел замок, но он не был закрыт, а лишь на-

вешен.

– Она, наверное, на огороде, – сказала супруга. – Наша соседка если уходит далеко запирает дом, а так нет. Видишь, сковороду. Она стоит под водостоком. Из нее пьют куры. Если ты поднимешь ее, то там обнаружишь ключ. Однажды мой брат узнал об этом и забрался к бабе Паше в дом. Он был напуган. Отец собирался ему устроить очередную трепку. Вот и спрятался.

Баба Паша вернулась из магазина и обомлела. Она подумала, что забрался вор, тут же побежала к нам за помощью и привела мою мать. И что они увидели: на кровати, свернувшись калачиком, преспокойно спал Алеша. «Ах, ты мой внучек! – прошептала баба Паша».

Прошло много времени, а она его по сею пору так, и зовут – «внучек». И – любит. А сколько раз она сцеплялась с отцом, защищала моего брата – своего внука.

Баба Паша оказалась рядом, в сарае. Она услышала наш разговор и вышла навстречу.

– А, это вы, здравствуйте. Я вот порядок навожу. Мне дрова должны завтра привезти. А твои родители чуть свет ушли за грибами. Вернуться часа через три-четыре, нескоро.

– Ну, ладно! Баб Паша передайте им, что мы приехали. Скажите на машине. Идемте, я вам покажу, какая у нас машина, – Светлана подхватила соседку под руку и повела ее на улицу. Я отправился следом.

На траве у «Жигуленка» сидел Алексей Зоров. Он был

один, без Надежды. Его супруга не смогла вырваться, – наверное, причина была в том, что ребенок был очень мал, и оставлять надолго дочку на мать, Надежда не решилась. А может, она просто не хотела ехать в поселок. Не нужны ей были родители Алексея. Она их знать не желала и сколько я помню, приглашения приехать всегда игнорировала.

– А я вас жду, – сказал Алексей, поднялся, подошел и поздоровался с бабой Пашей, а потом уже спросил, глядя на меня:

– Ну, что в путь?

– Да, – сказал я. – Нужно торопиться мы и так потеряли много времени.

Я беспокоился о том, что минут тридцать еще уйдет на то чтобы забрать Михаила и Татьяну. Однако все обошлось, они не заставили нас ждать. Знакомство моего товарища с родителями девушки успешно состоялось. Крутов сумел отказать от застолья. Ему в том помогла Полнушка. Она убедила родителей, что им не до того – они едут отдыхать на речку.

Ребята нас ждали у дома: сидели на скамейке и разговаривали. Я их увидел издали и лихо затормозил.

Наша дорога пролегла недалеко от церкви. Она показала нам свои серые стены и обшарпанные купола, спрятавшись за толстыми могучими вербами.

– Помнишь? – спросила Света.

– Да! – ответил я.

– Вы о чем? – полюбопытствовала Татьяна Полнушка.

– Да, так! – отделалась моя супруга ничего не значащей фразой. Этого оказалось достаточно, так как в разговор влез Алексей:

– Я предлагаю поехать на «бобровое место». Вид прекрасный. Высокий крутой берег. Внизу луга. Далеко на горизонте лес. Если мы задержимся – понаблюдаем за закатом солнца.

Асфальт быстро окончился – только мы выехали из поселка, тут же пришлось свернуть в сторону. Тут же из-под колес поднялась пыль, и как нам не было жарко, окна пришлось наглухо задраить. Я машину вел аккуратно, без спешки. Однако мой «Жигуленок» нет-нет и подбрасывало на неровностях дороги. Я все делал, чтобы не сесть днищем на грунт. Это была наука для меня и испытание для автомобиля. Он еще был новым и недостаточно обкатанным. Нагружать – не разрешалось.

Место, которое нам предложил Зоров, было прекрасным. Он не подвел. Обзор с крутого берега реки изумительный. Автомобиль я поставил под огромной сосной. Несколько пней от спиленных исполинов мы облюбовали, для того чтобы разложить на одном – еду, а на другие сесть самим.

Я сам лично разжег костер. Чтобы он разгорелся, использовал бересту, сухие сосновые веточки, шишки, а затем уже положил толстые поленья. Их мы заготовили, срубив с Алексеем и Михаилом сухое дерево. Прежде, чем приступить к приготовлению шашлыков я дождался хороших углей. Мясо

я не пересушил. Оно получилось сочным. Для этого я время от времени поливал его сухим грузинским вином. Отец снабдил со словами:

– Не для питья, а как приложение к мясу, чтобы... – и, махнул рукой.

Пир удался на славу. Наелись до отвала. Было весело. О вине я забыл. Мы бы его так и привезли домой, но во время застолья Зоров явился инициатором допить остатки – это более половины бутылки и почти силой заставил выпить Михаила:

– Ты же сегодня познакомился с родителями невесты, – и, повернув голову к Полнушке, спросил: – Он познакомился?

– Да, познакомился! – ответила ему девушка.

– Так что, пей! – и протянул Крутову стакан, все остальные из нашей компании, в том числе и я, сумели отказаться. На что Зоров сказал:

– Ну, как хотите, и все выпил, отбросив, пустую бутылку под дерево. Светлана укоризненно посмотрела на брата. Он не отреагировал, сделал вид, что не заметил недовольства сестры.

Затем, немного отдохнув, мы нашли удобный берег, где можно было сойти в реку, и хорошо выкупались. Позагорали. А перед самым отъездом Алексей повел нас вниз реки и показал, срезанные зубами бобров деревья.

– Что я вам скажу! Раньше, тут было столько плотин. Я сам своими глазами видел бобров, стоило с удочкой прийти

чуть свет или же запоздниться. Сейчас тишина. Не те времена. Пропали бобры, или ушли вверх по течению реки!

Уезжать не хотелось, но нас стали донимать комары и мы засобирались. Есть такое выражение: «пыль дорог», так вот, я ее ощущал. Может, это мне показалось, то была обычная усталость. Но я ведь был силен как медведь. Грех жаловаться. Не зря спортом занимался.

Автомобиль я вел мягко – вяло. Мои друзья это заметили. Зоров сказал:

– Ты же не пил... – Однако никто на его замечание не откликнулся. Все были заняты своими мыслями и смотрели в окна. На подъезде к поселку в поле нам на глаза попала бывшая подруга Алексея – Людмила. Она собирала цветы, а может быть, делала вид – ждала своего дружка.

Зоров тут же заерзал на сиденье и попросил меня остановить машину.

– Я пройду немного, здесь недалеко! – сказал он. – До поселка – напрямик – рукой подать, – и он многозначительно повел рукой – я раньше вас буду дома.

– Хозяин – барин, – сказал я и тут же надавил на тормоз.

Алексей оказался прав. Он обошел нас и первым после бабы Паши известил Марию Федоровну и Филиппа Григорьевича о том, что мы уже близко – подъезжаем и они вышли нас встречать.

Я остановил автомобиль у окон дома, но выходить из него не спешил – знал, что приготовлен стол, знал, что на том сто-

ле есть водка. Желания выпивать у меня не было. Даже то, что я за рулем значения для Филиппа Григорьевича не имело. На приглашение своего тестя я наотрез отказался, заходить в дом не стал, покрутился во дворе и снова забрался на сиденье. Алексей скривил лицо. Он за компанию надеялся добавить – пропустить одну-другую рюмку и поэтому следом за отчимом принялся меня уговаривать:

– Там на столе жареные грибы – объеденье. Давай зайдем. Не пожалеешь! – Как я не любил жареные грибы, но не остался – шашлыки пересилили – наелся под завязку, поэтому и отговорился.

Моя жена не смогла отказаться – папенькина дочка, что тут поделаешь.

– Андрей я остаюсь, мне нужно помочь матери, выкопать на огороде картошку, – сказала она, – а вы с Михаилом поезжайте домой. Полнушка осталась в поселке. Мы с Крутовым ее подбросили до дома. Алексея я не стал дожидаться. Он обрадовался неожиданному приезду Людмилы. Тем более она приехала одна, без сына. У Зорова был отпуск, и он мог пользоваться свободным временем на свое усмотрение, отвечать перед своей совестью, ну может быть еще перед Надеждой.

Домой к себе мы добрались поздно. Эта поездка позволила мне обрести желание не держать автомобиль в гараже, а использовать его «по полной программе». К тому же она явилась праздником, отодвинувшим в прошлое еще од-

но важное событие в моей жизни – поступление в институт и приблизившим – день начала работы в техникуме. Сколько у меня в жизни было важных событий? Не перечислить! Я их принимал достойно – хорошие с удовольствием, плохие с выдержкой. Главное было то, что я не терял друзей. Они всегда находились рядом. Многим из нас порой было тяжело, жизнь крутила и испытывала на стойкость. Не все ее «выкрутасы» мы принимали, как следовало, не всегда были друг перед другом честными. Ну, наверное, на то она и жизнь. В ней предостаточно и хорошего и плохого.

На неделе, после выходных я заглянул в техникум, походил по пустующим коридорам, пахнувшим свежей штукатуркой, известью, краской прежде чем добрался до Олега Анатольевича, затем под его присмотром повторно (на всякий случай) написал заявление: «Прошу принять меня на работу, на должность преподавателя физической культуры с такого то числа..., с окладом согласно штатного расписания», поставил подпись и отдал бумагу своему наставнику.

Физурнов внимательно прочитал мое заявление, похлопал меня по плечу и успокаивающе сказал:

– Андрей не нервничай. Все будет хорошо. Оформление много времени не займет, это минутное дело. Пошли к директору. Его очередь расписываться.

Директор нас принял с улыбкой, ответил на приветствия. Для приличия рассказал немного о техникуме, о его преподавателях, сообщил, что поначалу мне будет трудно, затем подошел и, обратив внимание на мое телосложение, успокоил:

– Андрей Николаевич с такими физическими данными, вам ли бояться трудностей? С понедельника выходите на работу! Вы теперь уже не бывший студент, а наш коллега.

На работу в назначенный день я отправился пораньше. Меня захотела проводить Светлана. При этом она боялась

опоздать на завод. Я не удержался и сказал:

– Да не нужно тебе идти со мной, я сам как-нибудь доберусь. Это не так уж и далеко!

– Нет, – ответила мне жена. – Ты же меня провожал до завода? Теперь моя очередь!

Я не смог ей возразить. Мне нужна была поддержка жены. Светлана оставила меня у дверей техникума, пожелала удачи, поцеловала и, развернувшись, быстро удалилась.

Я со страхом открыл двери учебного заведения. Мне теперь предстояло бывать в его стенах, но в другом качестве – вести занятия физической культуры с группами студентов.

Прием абитуриентов был окончен. Затишью, подошел конец. Техникум оживал – вышли из отпусков преподаватели. Скоро ожидалось столпотворение, но это должно было произойти в сентябре-месяце. Еще было время. Я должен был войти в курс дела. Надежда была на Олега Анатольевича. Он меня не бросил – строго следил за каждым шагом. Я не раз слышал от него слова поддержки. Он волновался и за мою физическую форму. Я обязан был держать себя в тонусе.

Мой наставник везде всюду брал меня с собой. Мы вместе участвовали в осмотре и приемке так называемых объектов необходимых для проведения занятий физической культуры – спортзала, спортивного инвентаря, и во дворе техникума – дорожек для бега, футбольного поля и прочих сооружений. Однако огрехов хватало. Олег Анатольевич объяснял мне что делать и куда обращаться, чтобы дали бригаду рабо-

чих для их устранения.

Завод выделил техникуму деньги, и многое из старого инвентаря списывалось. Мы закупили большую партию лыж, приобрели футбольные мячи, сетки для ворот, брусья, всевозможные экспандеры, обувь и прочее, прочее.

Мне было приятно все это видеть. Я горел желанием приступить к занятиям и боялся.

Первое сентября наступило внезапно. Этот день был важен для меня не только на работе – в техникуме, но и в институте – там, где я должен был учиться. Я не знал, хватит ли меня. Однако успокаивало то обстоятельство, что я был на заочном отделении.

Отношение к студентам заочникам, конечно, иное, чем к дневникам или вечерникам. Заочники из Москвы и Подмосковья отличались от заочников дальних регионов. Наш институт старался привлекать к всевозможным, спортивным мероприятиям. Для таких, как я устраивались дополнительные лекции, в выходные дни. О нашей подготовке больше заботились, чем о подготовке студентов из периферии. Их нагружали во время сессии.

Работа и учеба не давали мне расслабляться. К тому же я еще занимался легкой атлетикой. Занятия со студентами дисциплинировали меня. Я при них себя не нагружал. Не старался выйти на результат. Основательно, серьезно я занимался в свободное время под присмотром своего наставника Физурнова.

– Андрей, ты не выпячивай себя перед ребятами, нет, извини, я не точно выразился – перед девчонками. Не красуйся, да и изнанку спортсмена им незачем видеть: крупные капли пота на лице, мокрую тенниску и дрожащие ноги. Это все их не касается. У тех, у кого есть интерес к спорту, могут довольствоваться – лицезреть тебя на стадионе. Добро пожаловать на соревнования. Запомни, только на стадионе и ни в коем случае ни здесь. Ты понимаешь меня, о чем я?

Олег Анатольевич доминировал надо мной. То, что он прошел в своей жизни, мне еще предстояло пройти. Одно меня в нем расстраивало, что мой учитель остановился на достигнутом. Его волновала одна лишь педагогика. Большой спорт Физурнов берег для меня. Я должен был стать тем человеком, который удовлетворил бы его поврежденное самолюбие.

Я и Светлана были все-таки детьми – большими, но детьми. То есть мы, хотя и работали, я, кроме того, еще и учился, но зависели от моих родителей – Любовь Ивановны и Николая Валентовича. Я бы сказал, зависели не материально – денег, которые получала моя жена, а после и я, для семьи было достаточно – жить на них можно было. У нас не было самостоятельности. Моя жена домом не занималась. Меня он также мало волновал. Нам готовила мать. У нее болела голова, о том, чтобы закупить продукты, а не у Светланы. Мне, я занимался спортом, необходима была высококалорийная пища – мясо, масло, яйца, рыба и причем в больших коли-

чествах. Отца «подкармливали». Николай Валентович был ответственным работником и получал в министерстве заказы – наборы продуктов. Завод, на котором работала мать, относился к серьезным предприятиям. В его столовых были приличные обеды, имелись свои магазинчики. В них можно было купить дефицитные товары. На праздники, порой и в обычные дни у нас на столе была икра, осетрина, палтус, хорошая сырокопченая колбаса и многое другое. Продукты мы ели натуральные, без «химии». Размышляя о прошлой жизни, я могу констатировать, что в магазинах тогда большого разнообразия не было. Правда, полки не пустовали. Это сейчас одних колбас сто видов, молочных продуктов двадцать... – но я бы не променял те продукты из нашей юности на теперешние. Отрава. Их ешь от безысходности, чтобы умереть не сразу, а в зависимости от здоровья дотянуть хотя бы до пенсии. Чем-то же нужно питаться.

Мне памятно выражение прошлых лет: «В магазине ничего нет, а холодильники у всех набиты всякой всячиной». Не знаю, с чем это было связано. Умели жить или же производство продуктов было поставлено на высшем уровне, но из-за неправильной ценовой политики в магазинах на полках они не залеживались, а иные и не попадали на них, расходились по учреждениям.

У нас в семье я и отец любили покушать. Женщины предпочитали мясной продукции больше молочную, ели овощи, фрукты.

– Андрей, ешь хорошо, тебе скоро снова нужно сдавать нормы, – не раз говорила мне мать. Света, изумлялась:

– Ну, ты и даешь, килограмма два мяса съедаешь за один присест – это мне недели на три, а то и на месяц.

Отец тут же влезал в нашу беседу и говорил:

– Спорт – чистое мясо! Одна надежда на сборы. Я думаю, не в этом году, но скоро ты будешь задействован и тогда, там о тебе будет заботиться государство. Запомни Андрей, нам, если ты задумал вырваться – принять когда-нибудь участие в олимпиаде тебя не прокормить.

Я старался и все делал, чтобы везде и всюду поспеть. Мне нравилась пословица: «Наш пострел везде поспел». Это после мне будет не до чего, а в то время остановиться и задуматься – нет ни за что – иначе опоздаешь. Свои планы я расписывал по часам намного дней, недель, месяцев вперед. Пусть они и не всегда были точными мои планы. Обязательно получалось так, что что-то «выпадало». Я их постоянно корректировал. Но это не главное. В этих планах было много мне близких, знакомых людей, друзей без которых нельзя сделать и шага. Так, наверное, и должно быть.

События, события, события. Время летело. Я и заметить не успел, как началась сессия. Она началась не только в техникуме, но и у меня в институте. В деканате я получил справку. Мне ее выдали для сдачи сессии. Она давала мне временное освобождение от работы. Я ее должен был отдать в отдел кадров техникума. Сейчас такие справки уже во многих

фирмах не действительны. Для «частника» она, что красная тряпка для быка – босса. Тут же уволит. Ищи после работу.

Меня уволить не могли. Но и отпускать не спешили. Пора сдачи экзаменов была и в техникуме. Мой предмет не был значительным, но я должен был находиться на работе и принимать зачеты у студентов. Они заключались в сдаче норм по бегу, прыжкам в длину и высоту. Студенты должны были подтянуться – минимум три раза. Были у нас и стрельбы из малокалиберной винтовки.

Не знаю, как бы я выкрутился, но меня часто выручал Олег Анатольевич Физурнов. Не один раз он брал на себя мои группы. Для поездок в Москву, на сдачу зачетов, а затем и экзаменов я во всю использовал машину. Хотя время было зимнее, я приноровился. Это позволяло мне выигрывать не минуты, порой даже часы, но и еще, что важно я совершенствоваться, приобретать навыки вождения. В армии я ездил по грунтовым, а теперь осваивал дороги большого города. Они были совершенно другими. Езду по улицам у себя в городке нельзя было сравнить с ездой в мегаполисе.

Я часто ездил один из-за опасения за пассажиров. Мне трудно было брать на себя ответственность. Однажды у Светланы был выходной, и я взял ее с собой – отважился. В автомобиль она забралась и уселась рядом со мной. И странно она меня не отвлекала. Пусть мы и не молчали. Руль в руках я держал легко и непринужденно. А слова – они были сами по себе, стоило нам только вырваться за пределы наше-

го городка, я азартно с упоением принялся рассказывать жене о своих делах – учебе, работе, о спортивных удачах своих подопечных – студентов техникума. Светлана не выдержала и сказала:

– Андрей, наконец-то мы наговоримся!

Дома у нас на это порой не было времени. В жизни много такого, что служить разьединению людей и мало – сближению. Я с удовольствием после вспоминал ту поездку.

Не только я один был разговорчив в дороге, откровенен, но и Светлана. Она мне рассказала, что моя мать не оставляет ее одну на работе. Нет-нет и навещает, помогает в трудных вопросах.

– Любовь Ивановна строго выполняет данное моему отцу Филиппу Григорьевичу слово. Я ее подшефная. Вот так! Наш машзавод имеет связи с Московским политехническим институтом. Она меня толкает туда. Теория теорией, а основные знания приходят благодаря работе и ее осмыслению. Опыт дает уменье. Я, чувствую, это мое – мне нужно учиться дальше.

Сессия у меня прошла удачно. После я не раз замечал: легкое дело выполняется часто с огрехами, не достаточно качественно, а сложное, когда ты идешь на пределе, в голове мысли: «ну еще рывок, еще один» – прекрасно! все это из-за отношения к делу.

Предметы в институте для меня не были трудными. Я сдавал их с удовольствием. Одним из интересных, наверное,

был предмет об истории олимпийских игр. На вопросы в билете я отвечал бойко. Ничего не пропустил. Наговорил много больше, чем нужно было.

Последний экзамен у меня был по общей анатомии человека. Он также был мной сдан успешно. Однако для этого мне пришлось подолгу задерживаться в институте. Чтобы не разморозить мотор я время от времени выбегал из здания и спешил к своему «Жигуленку». На улице была зима. Пусть и не такая морозная, но зима. Я заводил его, прогревал мотор и затем торопился назад в читальный зал.

Дома я появился поздно. Машина меня не подвела. Автомобиль был послушен в моих руках. Я точно остановил его у ворот, выскочил, открыл их, затем заехал во двор, закрыл ворота.

В доме было тихо. Свет горел во всех окнах. Я поставил машину в гараж. Неторопливо оббил с сапог снег, рядом лежал веник, но поднимать его не хотелось, и вошел в коридор.

– Ну, вот и он! – сказал отец, – а мы тебя ждем, волнуемся. – Сдал? Не говори! Я, вижу, ты сдал. Все сдал. Молодец! – и отец, не дожидаясь, когда я разденусь, бросился мне жать руку. Меня все обступили.

– Мне нужно было это знать. Я из-за тебя не оформлял командировку. Завтра меня нет. Я уехал...

– Туда? – спросил я. Мать тут же ответила за него. Она спокойно отнеслась к отъезду Николая Валентовича. Инга жила отдельно – своим домом и отцу, чтобы встретиться с ее

матерью, странной женщиной, какой она мне виделась в воспоминаниях, нужны были усилия. Я знал об этом. Любовь Ивановна ему верила.

– Я расскажу о твоих успехах сестре, обязательно расскажу. Вы уже взрослые. И такие, такие самостоятельные. Это хорошо, – закончил отец и, развернувшись, тут же пошел к себе в кабинет. Я успел заметить на лице какую-то «дымку задумчивости».

За спиной у матери он говорил мне, что хотел бы меня и Ингу познакомить. Но пока не представлялось случая.

– Жизнь большая. Никто не знает, что в ней важно или второстепенно, может быть, вы, будете еще друг дружке нужны.

Мать к моим успехам отнеслась более спокойно. Она сразу же после отца ушла на кухню готовить ужин. Но прежде поцеловала меня в щечку. Я видел, Любовь Ивановна мной довольна.

Я и Светлана остались одни.

– Сколько мы с тобой живем? – спросила жена. Я посмотрел на нее, немного подумал и ответил:

– У меня такое ощущение, что очень-очень долго. Но если быть педантом, то полгода!

– Да с тобой я живу много-много лет! Тут ты прав! А вот с Любовью Ивановной только полгода. Я еще не научилась ее понимать! Не представляю, как она может быть спокойна? Ее муж, Николай Валентович уезжает к другой семье, а

она... – не понимаю.

– Нет, не к семье, а на завод, по работе, если быть точным. Он, этот самый завод, находится там, на юге страны. Отец работал на нем главным инженером. Он его курирует и не только его, но и другие заводы. Он их все объезжает. А уж там, когда Николай Валентович будет на заводе, то постарается найти время заглянуть к дочери, моей сводной сестре – Инге. Вот так! – закончил я свою речь.

– Ну, все равно к дочери, бывшей жене..., – повторила мои слова Светлана. – Моя мать, если бы отец только лишь заикнулся, такой бы крик подняла. Мало не показалось бы!

– Ты думаешь, моя мать не поднимала крик? Но это было давно, – констатировал я. – Когда-нибудь у Филиппа Григорьевича с Марией Федоровной также все образумиться и не будет необходимости не доверять.

– Ну, дай Бог! – ответила мне Светлана.

Однако, чтобы не оканчивать разговор на грустной ноте, сверкнув зелеными глазами, сообщила мне:

– Я на следующий год решила пойти учиться. Вот так! Не только тебе быть образованным, – и засмеялась.

Я не удержался и тут же отправился рассказать об услышанной новости родителям. Они обрадовались словам невестки, и пришли ее поздравить.

– Молодец, – сказала Любовь Ивановна. – Это по-нашему.

Отец посоветовал Светлане по весне пойти на подготовительные курсы. Она согласилась.

Мне было интересно наблюдать за Филиппом Григорьевичем. Он весть дочери о том, что она надумала учиться дальше, принял с неописуемым восторгом – от удовольствия даже подпрыгивал. Тесть не сомневался – дочь обязательно поступит в институт. Он всем в поселке раструбил, в первую очередь своему другу однополчанину – отцу Татьяны Полнушки и не только ему, бабе Паше сказал:

– Николай Валентович, свояк он все сделает! Моя Светлана можно сказать уже там. Это вам не техникум.

Каникулы в институте, а затем и в техникуме несколько снизили мою нагрузку. Однако их нельзя было назвать отпуском. Я продолжал ходить на работу, хотя она эта самая работа заключалась в подготовке к началу следующих занятий.

– У тебя то пусто, то густо! – глядя на такое положение дел, сказала Светлана. – Ладно, твои каникулы мы проведем с пользой.

Я был не против. Однако – это были слова. Моя жена работала. И была занята не так как я. Поэтому мне их пришлось большей частью провести с Олегом Анатольевичем. Мы брали лыжи и выезжали за город. Раза два я ходил на лыжах и со Светланой, но не больше. С нами однажды увязались Михаил Крутов и Татьяна Полнушка. А как-то даже Виктор Преснов. Правда, ненадолго. Час-два побыл. Как мы не пытались его удержать не смогли:

– Это, у вас ни каких забот, – сказал друг, – только бы гулять. А я человек семейный, жду пополнения – сына. – Он беспокоился о Валентине.

Выходные дни моя жена старалась использовать для поездок домой. Те, несколько дней, которые она провела вместе со мной за городом на лыжах, пришлись ей по душе, если бы не одно обстоятельство: ее ждал Филипп Григорьевич, и от-

сутствие дочери его нервировало. Мне приходилось мириться. Хотя, я порой и выказывал ей свое недовольство, но, что мог поделаться. Она была папенькиной дочкой. Этим все было сказано.

Моя сводная сестра Инга и жена были в чем-то схожи друг с другом. И та и другая были папенькиными дочками. Наверное, поэтому я однажды не удержался и рассказал жене о детском письме сводной сестры отцу. Черт меня дернул. После супруга не раз приставала:

– Андрей, напиши ей. Вы должны знать друг о друге больше. Неужели тебе все равно? Я не верю!

Светлана была права, Инга меня интересовала. Но я не способен был напирать на отца – расспрашивать его. Он об Инге мог сказать только сам, без какого-либо давления извне. И то, что хотел, ничего более.

Адрес, где жила моя сводная сестра я мог найти. Для этого мне нужно было всего лишь забраться в кабинет Николая Валентовича и покопаться в его бумагах. Но совесть для меня была дороже, и я шага не сделал, чтобы получить, таким образом, информацию. Зачем?

– Жизнь сама сочтет нужным, когда нас свести вместе и познакомить, – сказал я однажды Светлане. – Инга обо мне знает и этого достаточно. Я тоже знаю о ее существовании.

– Но ты даже не можешь сказать какая она – высокая, низкая, полная, тощая, шатенка или же брюнетка? Ты ничего не знаешь о ней. Ну, лишь то, что она замужем. Но за кем заму-

жем? Кто у нее муж? Какой он человек? Есть ли у них дети?

– Все-все-все, не говори мне о ней! Я ничего не хочу слышать! – сказал я, а затем дополнил: – Да, детей у нее отчего-то нет, какие-то проблемы, словом, не знаю с чем это связано. – Вот были мои слова. Разговор со Светланой о старшей сестре мне всегда был неприятен. Я спешил выпроводить жену в поселок навестить родителей, лишь бы она не напоминала мне об Инге.

Домой Светлана отправлялась часто с братом. Я провожал их до станции и возвращался назад. Правда, из-за того, что не мог я боготворить Филиппа Григорьевича. Он мне был неприятен. Я его всячески избегал. Теща та была проще. С Марией Федоровной всегда можно было найти общий язык, и я бы нашел, но так как ограничивал свои поездки в поселок, сблизиться было невозможно.

Для того, чтобы отлынивать от поездок в поселок я ссылался на то, что мой тренер не отпускает, требует от меня результатов в спорте. Олег Анатольевич негласно, можно сказать, выручал меня, вернее режим, установленный им. Он не позволял мне своевольничать. Алексей Зоров меня заменял с удовольствием. Он сопровождал мою супругу в поселок и обратно. Брат Светланы с трудом переносил жизнь у тещи и поэтому все делал, чтобы поскорее убраться из дому. Кроме того, он желал, во что бы то ни стало увидеть мать, своего отца – Филиппа Григорьевича сторонился и при необходимости спасался у бабы Паши. Чуть что, тут же бежал к ней.

Порой даже ночевал. Все зависело от обстановки – самочувствия отчима.

Баба Паша любила своего внука Алешеньку, сильно и бескорыстно. Старая, доживающая свой век, женщина не учила его жить. Выслушать, посочувствовать это, пожалуйста, но, чтобы советовать что-то или же ругать – боже упаси, никогда. Зоров у нее отдыхал.

Я, наверное, за каникулы лишь однажды съездил к родителям жены. И то по причине того, что мой отец договорился с Филиппом Григорьевичем о передаче части вещей из нашей комнаты. Николай Валентович для нас молодых купил хорошую двуспальную кровать, поменял небольшой стол, на двух тумбовый, за ним при желании можно было усесться вдвоем, настолько он был огромен, вместо этажерки для книг у нас появился специальный шкаф.

Мой тесть ко мне относился предвзято. Он меня не цеплял, хотя считал человеком напыщенным, слишком многое о себе возомнившим. Это я знал от своей жены. Николай Валентович для него был эталоном. Тесть его уважал и слушал с удовольствием. Он никому не мог подчиниться – Николаю Валентовичу мог. Я не раз наблюдал, как отец быстро находил с тестем общий язык и успокаивал распоясавшегося из-за выпитого лишка водки – человека.

– Ученейший человек! – не раз он говорил Светлане, показывая в сторону моего отца. – Не цапля какая-нибудь! Я думаю, твой Андрей не скоро таким будет. Но будет. У тако-

го отца сын должен быть значимым!

Отправка вещей у нас заняла много времени. Были проблемы, мы не сразу смогли их разместить в салоне. Я долго повозился с кроватью. Она с трудом разместилась в багажнике, наверху, хотя и была разъемная. Матрац я скрутил и засунул в салон «Жигуленка». Автомобиль я не гнал. Выехали мы поздно, поэтому о возвращении не могло быть и речи. Что меня успокоило, это то, что я со Светланой спал на знакомой нам кровати. В какой-то мере я чувствовал себя почти дома. Да и еще мы сходили в баню – вовремя приехали, как выразился мой тесть.

– Ну, как, парная? – выпытывал после у меня Филипп Григорьевич. – Это тебе не городская баня, а настоящая, русская. У меня здесь все предусмотрено. Я веничек завариваю и уже, потом этой же водой поддаю на камни, этой, ни так как некоторые используют обычную воду, горячую! Вот так!

Время, которое мы провели в поселке, все было потрачено Филиппом Григорьевичем на расспросы. Он долго выпытывал об отце, затем уже поинтересовался о матери – сватье. Еще, что моего тестя волновало, когда Светлана пойдет учиться на подготовительные курсы. У дочери Филипп Григорьевич в мельчайших подробностях узнал об институте. Он обрадовался, что она выбрала именно Московский вуз, а не какой-то еще там – на периферии, затем расспросил о специальности. Специальность, выбранная моей женой, была наиболее высокооплачиваемой, и это его тоже привело в

восторг. Филипп Григорьевич горел желанием, чтобы поскорее наступило то время, когда его дочь начнет занятия. Мне тоже хотелось видеть жену студенткой. Я, бывая в Москве, не раз навещался в институт, выбранный Светланой. Она должна была от меня узнать о начале набора на подготовительные курсы. Занятия в них начинались обычно где-то в апреле месяце.

Однажды, я, возвращаясь после занятий из своего института, решил еще раз заехать и в Светланин, чтобы разузнать, что и как. На доске объявлений я увидел долгожданные строки о начале набора и, записав сведения о документах, которые были необходимы для поступления, отправился к себе домой в городок.

Мой путь лежал у Московского автовокзала. Это самое здание было достаточно удобно расположено, и я пользовался проложенной от него трассой. Не знаю, чем было вызвано мое прозрение, толкнувшее меня остановиться и забежать в магазин, но я остановился. Что, я тогда купил? Несколько бутылок газированной сладкой воды «Дюшес» и все. Ее любила Светлана.

Забросив воду в сетку, были такие когда-то, я побежал к машине. Только забрался и принялся заводить двигатель, как ко мне подбежала гибкая, тонкая девушка. Лица ее я не разглядел, лишь глаза – острые, выразительные, притягивающие к себе.

– Парень, вы случайно не едите... – и она назвала мой

городок.

– Еду, – ответил я, усмехнувшись, – именно туда и некуда более! И еще, что хочу сказать: не случайно, там мой дом. Вот так!

– Ой, как хорошо! Подвезите меня, пожалуйста! Уже поздно, я бы уехала на автобусе, но ни одного нет!

Я не любил брать с собой случайных попутчиков. Не такой уж был ас, чтобы рисковать жизнями чужих мне людей. Я и своих – сажал в салон машины не охотно, а тут странно не удержался и вдруг ничего не сказав супротив – согласился.

Девушка тут же забралась в «Жигуленок» и уселась рядом со мной.

Мы поехали. Она на меня как-то действовала. Я нервничал. И это состояние у меня было связано именно с ней. Машина меня слушалась плохо. Раза два я останавливался, выходил и протирал стекла. Они отчего-то быстро запотевали, очистители справиться не могли. На улице было сыро. Весна. Ничего не поделаешь.

Девушка пыталась меня успокоить. Она чувствовала мое нервное состояние. Я заметил, что голос у нее приятный.

– Я приехала в командировку в Москву. Устроиться в гостинице не смогла. Нигде нет мест. Все везде забито! Вот, так! – сказала она. – Мне даже в голову не могло прийти, что такое может случиться.

Что я еще узнал у нее?

Она была замужем. Работала на большом заводе, где-то на юге страны юристом.

Я отчего-то чувствовал себя перед ней виноватым. Мне хотелось перед ней извиниться. Это чувство было так сильно, что я даже не спросил у девушки, а куда ей, собственно, нужно. Вспомнил об этом только тогда, когда остановился у ворот своего дома.

– Мы уже приехали? – спросила она, выглядывая в окно.

– Да, мы уже приехали! – повторил я ее слова, а затем продолжил: – Только вот, я не знаю, а вам куда нужно, на какую улицу вас доставить?

– Вы правильно меня привезли. Я успела заметить на одном из домов название улицы, это именно та, которая мне нужна! А дом мне нужен... – и она назвала мой номер. Я тут же понял, отчего у меня было чувство вины перед этой девушкой. Это я ее когда-то отлупил прутом, заставил плакать. Она была моей сводной сестрой – Ингой.

– Хорошо! Будет тебе нужный дом, именно с тем номером, который ты назвала... – я отчего-то перешел на «ты» и сказал, чтобы она сидела в машине, а сам отправился открывать ворота, но, едва приоткрыв их, как ошпаренный бросился в дом:

– Пап! Пап! Инга приехала! – закричал я незнакомым для себя голосом.

– Какая еще Инга? – послышался из комнаты голос матери, а потом она опомнилась и также как и я закричала, опо-

вещая Николая Валентовича:

– Николай, ну, где же ты, иди быстрее тебя сын зовет. У него что-то случилось.

Пока мои домашние приходили в себя, я поставил машину в гараж. Моя сводная сестра все поняла и не знала, что делать. Она не ожидала, что случайный парень, к которому она подседа в машину окажется ее братом.

Инга у нас погостила недолго. Отец помог ей решить вопрос, с которым моя сестра приехала в командировку. Еще он пожурил ее за то, что она не сообщила заранее о своем приезде.

– Хорошо, что все так обошлось, а то где бы ты ночевала? На вокзале? Вот так!

Я себя чувствовал с ней неудобно. Будто был виновен в чем-то. А в чем, я не знал. Возможно, это было связано с тем, что мы еще не привыкли друг к дружке.

– Ну, что! – сказал я Светлане, когда Инга уехала, – ты меня выходит зря доставала. Моя сестра сама приехала, чтобы со мной познакомиться. – Жена лишь посмеялась и сказала, что теперь она больше никогда ни будет торопить события. Не зачем!

12

События не нужно торопить. Они порой сами сваливаются, как снег на голову. Я в этом убедился на примере случайной встречи со своей сводной сестрой Ингой. Пример, этот не один. В жизни их предостаточно.

Однажды Светлана вернулась с работы в возбужденном состоянии и прямо с порога закричала:

– Андрей, Андрей! Что я тебе скажу! Ни за что не догадаешься? Валентина родила!

В последнее время я ни так часто общался со своими друзьями. Они от меня были в стороне. Светлана же напротив – работала с ними на заводе и имела возможность лицезреть не только Татьяну Полнушку, но и Михаила Крутова – ухажера своей подруги, а еще мужа Валентины – Виктора Преснова. Ей не представляло труда столкнуться с кем-нибудь из них в коридоре заводоуправления, или же в цехе, остановиться и поговорить о том, о сем. У меня такой возможности не было. Поэтому я находился в неведении и думал, что беременность Валентины будет длиться вечно. Она будет занята собой, а значит меня трогать ей не резон. И вот на тебе, я чуть не вскрикнул, так это было для меня неожиданно. Хорошо, что свои эмоции направил на обычный в таких случаях вопрос:

– Не уже ли? И кого?

– Мальчика, – сказала Светлана, – как заказывал Виктор.

Он прыгал от восторга. Я не думала, что так можно себя вести.

– Я рад за него! Молодец! Хотя это, наверное, заслуга Валентины.

– Не знаю чья? Но я предлагаю съездить в Москву и купить для новорожденного подарок. Ты, не против?

– Нет, я не против! – вот и все, что я мог сказать.

За подарком мы поехали в выходной день. У Светланы были занятия на курсах, и ей пришлось ими пожертвовать.

– Ничего не поделаешь! Такое дело, в жизни нечасто случается, – сказала она. Я согласился.

Детских товаров в магазинах было очень много. Они были дешевы – копейки. Моя жена, беря в руку ту или иную вещь, принимала ее с восторгом. Она смотрела на витрины с замороженными глазами. Ей нравилось разворачивать пеленки, перебирать чепчики, над распашонками Светлана просто млела – представляла, как их Валентина будет одевать мальчику, а может быть, в роли матери она видела и себя. Мысли у нас нет-нет, да и проскальзывали.

Мы побывали во многих специализированных магазинах города. Их посещение заняло немало времени. Только в центральном «Детском мире» мы толкались часа три, если не больше. Устали.

– Асоков, ты запоминай места, тебе это пригодиться. У нас все еще впереди, – предупреждала меня Светлана.

– Я согласен, впереди! Ты же знаешь, что Валентина, да и

не только она – Татьяна Полнушка и другие наши друзья об институтах и не думают. Им достаточно техникума. А нам с тобой учиться, учиться и учиться. Успеем. Вон у моей сводной сестры Инги – она давно уже замужем – еще никого нет. Вот так!

– Да, спешить не нужно, – согласилась с огорчением Светлана. – Ты, как всегда прав. Но запомни, твоя Инга нам не указ. Только я захочу, ни что меня не удержит. Вот так!

О ребенке мы задумались, когда я уже окончил институт, а жена работала над дипломом.

В качестве подарка мы купили несколько теплых фланелевых и летних хлопчатобумажных пеленок, штуки три распашонки, пару чепчиков и множество самых разнообразных погремушек. При тряске они эти самые погремушки всю дорогу гремели.

– Мы не на автомобиле едем, а на цирковой таратайке. Даже, смешно, – сказала мне Светлана.

Черт меня дернул за язык. Я не удержался и в ответ ей выдал:

– Для ребенка мы с тобой, что надо купили, за сто верст слышно, а Валентине ничего. Наверное, в таких случаях и роженице полагается подарок?

– Да ты ее поцелуешь, и она вся разомлеет. Вот и подарок! – ответила жена. Я не ожидал от нее таких слов. Даже руль бросил. Машину сразу же качнуло.

– Ерунду, не говори. Она же твоя подруга, а не моя. Я

думаю, ей можно купить цветы! – На том и порешили.

Мне и в голову не приходило, что моя жена может так меня уколоть. Я думал – все осталось в прошлом, но нет. Она не забыла приставания Валентины. Даже то, что та разродилась мальчиком, для нее было неважно. Это я наделся на то, что ребенок заставить подругу моей жены не засматриваться на меня – я, но только не моя супруга.

Мой друг Виктор и подруга жены Валентина – меня, Светлану, Михаила и Татьяну Полнушку на крестины, хотя это слово тогда в обиходе не использовалось, пригласили в выходной день.

Из дома я и Светлана вышли принарядившись. Для Валентины мы купили тюльпаны – она любила эти цветы. Еще, кроме подарков для ребенка, взяли шампанское – отец мне его сунул силой. Мать сказала:

– Будьте осторожны. Ребенка на руки брать не смейте, и Валентине скажите, чтобы после того, как на мальчика все посмотрят, сполоснула его личико водой. Это от сглаза.

– Да ты что мам, разве мы можем, а потом ты же у нас коммунистка и в эти дремучие поверья не должна верить. – Мать лишь махнула на меня рукой. У нее уживалось и новое, и старое. Мой отец порой не понимал ее и не раз говорил:

– Ну, пусть я вырос где-то в горах, за тысячи верст от цивилизованного мира, не все знаю, но ты же – рядом Москва! Не какой-ни будь там город – столица огромного государства.

Мы вышли среди бела дня – где-то, в двенадцать часов. После я понял, отчего нас пригласили в такое время. На улице было тепло. На деревьях зеленела листва, газоны были покрыты изумрудной – свежей травой. Галдели воробьи. Ворковали голуби. Я тащил сумку, а моя зазноба цветы. Мы шли неторопливо, было желание, как можно больше находиться на улице и дышать в такт с природой.

К Виктору и Валентине мы зашли вместе с Михаилом и Татьяной. Они у дома Пресновых оказались несколько раньше и подождали нас на улице.

– Я вас далеко заприметил, – сказал товарищ, когда мы подошли к ним и поздоровались, – Татьяна, чтобы не волновать ребенка лишними звонками в дверь, предложила не торопиться, вот ждем.

– Откуда у вас столько сообразительности? – удивился я. – Мне бы, например, ни за что не догадаться. – Михаил засмеялся.

– Да нет, я серьезно. Хочешь – верь, хочешь – нет, – сказал я и взглянул на Светлану. Она, кивком головы, подтвердила мои слова.

Мы немного постояли, поговорили о том, о сем. Татьяна Полнушка увидела в руках у Светланы цветы и сказала:

– Это от нас от всех? Хорошо!

Мы тут же согласились, а вечером моя супруга меня похвалила:

– Да, ты у меня интеллигент. Один из всей компании пред-

ложил подарить женщине цветы.

– Это у меня от отца, – сказал я. – Ты заметила, он, в день приезда Инги – своей дочери куда-то отлучился, и как ему не было тяжело найти в поздний час букет, преподнес его. Я так бы не смог. Но видишь, нет-нет, порой, да и совершу поступок по значимости равноценный, достойный отцову.

Дверь квартиры у наших друзей была не заперта. На ней висел приколотый английской булавкой тетрадочный листок со словами: «Заходить без звонка». Я переглянулся с товарищем. Михаилу Крутову и Татьяне Полнушке не было необходимости ждать нас. Валентина или же Виктор, а может, кто-то из родителей Преснова оказался догадливым и все предусмотрел.

Я толкнул дверь. Она открылась. У порога нас встретила мать Виктора, услышав шум, подошел отец. Тут же появился наш товарищ. А тут и мы все ввалились – стало невероятно тесно. Прихожая, не сравнить с нашей прихожей. Однако ничего не поделаешь. В тесноте да не в обиде.

– Ребята проходите, раздевайтесь, – сказал Виктор негромко. – Мы вас уже заждались.

Я помог снять плащ жене, повесил его на вешалку, тут же быстро разделся сам и прошел вглубь квартиры. Всем сразу раздеваться нельзя было – не хватало места. Михаил и Татьяна раздевались во вторую очередь. Руки в ванной комнате мы также мыли по очереди.

Валентина появилась не сразу. Что мне бросилось в глаза.

Удивительное спокойствие, которое исходило от нее. То, как она держала ребенка, вернее маленький сверток – не поддавалось описанию.

Светлана тут же вручила роженице тюльпаны и поздравила от всех нас. Валентина, минуты две подержала цветы в руках и, почувствовав их нежный аромат, тут же отдала букет мужу. После чего предложила нам зайти в комнату и посмотреть на сына.

Чтобы мы могли увидеть мальчика, молодая женщина специально для нас развернула его. Виктор стоял рядом, готовый в любую минуту прийти ей на помощь.

Моя жена, как только мальчик засучил ногами, издала восторженный возглас и сказала, перефразируя слова Любовь Ивановны, моей матери, следующее:

– Валя, все посмотрели, хватит. Что я скажу вылитый отец. Теперь неси, его в ванную, умой. Для него много людей – много глаз – это плохо. Вот так!

Мы неторопливо друг за другом вышли из комнаты друзей и направились в зал. Туда, где находились родители Виктора. Там уже был накрыт стол. Я сбегал в прихожую за сумкой, достал бутылку шампанского и поставил в центр стола.

Мать Виктора, Нина Михайловна и отец Василий Владимирович нас особо не досаждали. Они выпили «праздничные бокалы» за здоровье своего внука и тут же отправились с ребенком на прогулку. Мы с их уходом могли почувствовать себя несколько посвободнее.

После ухода родителей «бразды правления» на себя взял Виктор. Валентина сидела за столом беспокойно. Она срывалась, бегала на кухню – это конечно, было связано с волнением за ребенка, на столе всего хватало, и не было необходимости так тревожиться.

Наши друзья последнее время жили замкнуто. Особенно Валентина. Виктор Преснов вырывался из дома. Он же работал. А вот его жена сидела словно взаперти – самая дальняя поездка эта вывезти ребенка в поликлинику, погулять на воздухе, покружив с коляской у дома. Ну, еще забежать в магазин, купить продуктов и все.

Мы недолго побыли в гостях, нас ограничивало время прогулки родителей Преснова с внуком, даже наговориться толком и то не успели. После стола мы отправились рассматривать подарки, которые сами же принесли. За этим занятием нас и застали. Дверь открылась внезапно, с криком ребенка и словами свекрови Валентины:

– Ах ты бедненький проголодался. Вот сейчас тебя мама покормит! Валя, мальчик голоден! – услышали мы голос Нины Михайловны из прихожей.

Наше время было исчерпано. Нужно было уходить. Хотя друзья и не отпускали нас, пытались задержать, но мы то понимали – пора. Молодой отец нервно бегал вокруг нас. Его супруга готовилась к кормлению сына. Она, схватив полотенце, кинулась в ванную комнату. Я случайно оказался возле нее. Не стесняясь меня, молодая женщина ловко оголи-

ла свою большую грудь и, сполоснув ее под струей воды, тут же протерла полотенцем. Столкнувшись со мной в коридоре, она шепнула:

– Я знаю, цветы – от тебя! Из наших ребят никто бы не догадался. У нас интеллигент – это ты. Они, всего лишь работяги.

На улицу я вышел красный как рак. Хорошо, что никто из компании не заметил мое состояние, а то бы пришлось перед ребятами объясняться, да и перед женой тоже, чего делать не хотелось.

Домой идти мы не торопились. Светлана была со мной солидарна. Михаил с Валентиной о чем-то тихо переговорили, затем, сославшись на дела, попрощались и покинули нас.

Мы медленно пошли по улице.

– Как ты думаешь, – спросила меня супруга, кивнув головой на удаляющуюся парочку, – они поженятся или нет?

Я не знал, что сказать, и внимательно понаблюдав за друзьями, тут же выдал:

– Да, они, мне кажется, уже женаты!

– Нет, не женаты, – ответила Светлана. – Я с Татьяной часто разговариваю по душам. Она от меня ничего не скрывает. Михаил Крутов сделал ей предложение и моя подруга согласна выйти за него замуж, но не хочет жить как мы с тобой или как Виктор с Валентиной – вместе с родителями. Ты же знаешь, какая она хозяйственная девушка. На кухне со свежесваренной кровью Татьяна не уживется. Она должна быть полноправной хозяйкой.

Я задумался. Возможно, Татьяна была права. Учиться наша Полнушка дальше не собиралась, значит ей помощь родителей, какими бы они не были хорошими, не нужна. Постоянно зависеть от них считаться с ними, ей это не нужно. Отец у Михаила мужик непростой – со странностями. Напившись, может такое отчебучить, стой и падай. И я поддер-

жал подругу Светланы:

– Ну, и правильно! Нам, наверное, тоже в будущем следует подумать о своем «гнездышке» – квартире. Сейчас, я учусь, в этом году ты тоже пойдешь в институт. Но года через три-четыре квартира бы нам не помешала.

– Ты, так думаешь? – задала вопрос моя зазноба.

– Да, я так думаю!

– Ну, вот и хорошо. Я уже встала на очередь. Ты же знаешь, как молодой специалист я имею право на получение жилплощади, вот так!

Мы тогда поговорили и забыли. Сейчас для нас было важно: мне окончить успешно первый курс, а ей поступить в институт.

Для того чтобы обезопасить себя и без проблем поступить в высшее учебное заведение моя жена взяла на заводе направление. Любовь Ивановна помогла ей выполнить необходимые процедуры. В данном случае фамилия Асоковых была ни при чем. Направления давали любому желающему учиться, лишь бы он не покидал стен завода и продолжал трудиться.

Машиностроительный завод наращивал производство, и ему требовалось много рабочих рук. «Спецы» по кадрам старались никого не упустить. На завод много работников приглашалось со стороны, для этого строились и сдавались в строй новые общежития. Молодым семьям на заводе предоставлялись квартиры.

Подготовительные курсы помогли Светлане. Она, благодаря ним, и еще направлению с завода прошла в институт вне конкурса. Правда оценки у нее были хорошими, и поэтому конкурс для нее не явился бы препятствием.

Я уже не помню, какое событие произошло первым, то ли это была женитьба Михаила Крутова на Татьяне Полнушке, то ли моя поездка со Светланой в Москву. Мы хотели узнать, зачислена ли она в институт. Амнезия вызвана тем, что я на свадьбе не был – отсутствовал, уезжал за пределы своего региона – участвовал в известном забеге на приз героя войны. Мне повезло. Я можно сказать значительно повысил свой результат и вырвался в лидеры.

Михаил и Татьяна Крутовы не обиделись, от нашей семьи присутствовала Светлана. Я же после навестил их и вручил им подарок от своего имени.

Что было похвально – это то, что Татьяна не стала перебираться жить к Михаилу и потребовала, чтобы он сам переселился в общежитие. Я до этого всегда считал из девушек сильной Валентину, а тут был просто удивлен: не ожидал от нее такого неординарного поступка.

Михаил послушал ее и перебрался в общежитие.

– Если кому не нравится наше соседство, – сказала она девчонкам, – выбивайте нам квартиру, ну на худой конец комнату, или же переселяйтесь сами. Вот так!

Комендант, что только ни делала, ничего не смогла изменить в этой интересной ситуации.

Михаил не раз мне жаловался:

– Андрей, представляешь, вот тут мы лежим на кровати, еле вмещаемся, – и он хлопал ладонью себе по колену, – а вот здесь рядом слева на кроватях сбоку девчонки.

Наверное, с полгода ютились наши друзья в таких скверных условиях. Затем Татьяна Полнушка забеременела и через профсоюзный комитет и еще была такая организация Совет молодых специалистов – выбила квартиру.

– Эта она нашу жилплощадь забрала, – сказала мне супруга.

– Ну, и ладно. Мы подождем. Нам, ведь не к спеху? – спросил я и заглянул в зеленые глаза своей зазнобы.

– Нет, не к спеху! – шутливо ответила она.

Учеба у Светланы шла хорошо. Жена выбрала вечернее отделение и четыре раза в неделю ездила в Москву. На заводе, в лаборатории, где молодая женщина работала ей шли на уступки и часто отпускали пораньше, чтобы она не опаздывала на занятия.

Я думаю, что Светлане было у нас не очень комфортно, хотя она на обстоятельства и не жаловалось, правда, своей подруге – Татьяне завидовала, хотела, как и она быть хозяйкой. Отсутствие в течение многих часов вне дома – скрашивало ее жизнь. Она мечтала, что когда-нибудь мы будем иметь свои стены. Мне ее мечта была понятна, но переживать я не переживал, так как с удовольствием ел кушанья матери, а если вдруг, что было редко, готовила Светлана то и ее стряпню.

При этом, угощая меня, жена непременно напрашивалась на комплименты.

Мысли о чем-то новом вынашиваешь днями, неделями, месяцами, порой уходят даже годы. Но стоит решиться, сделать шаг, дальше все происходит довольно быстро. Катишься словно на лыжах с большой крутой горы. Однажды мой друг Виктор Преснов так ругал себя, так ругал:

– Андрей! Вот мы вместе с тобой окончили техникум.

Но ты теперь еще и институт! Ты у нас человек с высшим образованием, ты тренер, а я всю жизнь буду работать в одной и той же должности. Даже если я стану инженером, в меня будут тыкать пальцем и говорить, что я не имею образования. Я, не могу думать о чем-то высоком, потому что сам себе, как это у вас спортсменов называется, ограничил планку. Мне выше ни-ни! Что же это получается: я дурак, а ты умный? – сказал он, помолчал и затем дополнил:

– Вот что это получается!

Мне не удалось успокоить Виктора Преснова. Он подобно ребенку всегда желал думать, как думал, что вверху небо бесконечно, и он может подняться на метр, а может и на сотни километров. Но все оказалось не так. Можно подняться на сотни километров, но для этого нужно, прежде всего, иметь высшее образование. Это как никто понимал мой тесть. Он из кожи лез, толкал Светлану в институт. Он знал, чего хотел для своей доченьки.

Мне было жалко Виктора. Он сам себя жалел. Виктор мог

еще успеть. Ничего не было потеряно. Я ему так и сказал.

– Давай дерзай! Иди вперед, и ты достигнешь желаемого, – но для него это были лишь слова не более того. Не хотел прилагать усилий. Он больше говорил и мало, порой очень мало делал. Наш разговор ему не помог. Так уж получается, что ни все люди хотят пользоваться предоставленными им судьбой возможностями. Из наших ребят только я и моя жена. Из моего класса, наверное, процентов семьдесят окончил техникумы и институты, остальные ребята пошли работать на завод, приобретая там рабочие профессии.

Следом за мной институт окончила Светлана. Она в отличие от меня получила красный диплом. А вот я немного не дотянул. Но это положение меня не огорчало.

В институте во время обучения меня заметил один тренер. Я ему, наверное, приглянулся, как когда-то Олегу Анатольевичу. Это произошло на межреспубликанских соревнованиях. Я довольно хорошо толкнул ядро. Во время награждения он не удержался и напросился навстречу. Прежде солидный хваткий мужик разузнал все обо мне и моем тренере.

Светлана присутствовала на соревнованиях, и когда я ей рассказал о том, что мной интересуются, она просто ликовала.

– Андрей, он тебя заберет к себе. Я, это точно знаю! И ты знаешь... Он ищет ребят, юношей, молодых мужчин, подающих надежды, и готовит их к серьезным всесоюзным и

международным соревнованиям. Ты будешь чемпионом, ну, например, Европы, а если хорошо пойдет, то и мира! Представляешь, объявят: на пьедестал почета поднимается Андрей Асоков – чемпион мира!

– Да ну тебя! Все это ерунда! – Однако я приуменьшал значение нашей встречи. Мой новый знакомый был напорист. Он ухватился за меня. Я узнал, что он снимает сливки: ездит по клубам ищет ребят.

Мой шеф Физурнов вел себя странно. Он ни говорил мне, ни нет, ни да! Солидный знатный тренер был выше его по должности по званию и мог сделать что угодно. Олег Анатольевич для него не был преградой. Все зависело от одного меня. Мне достаточно было кивнуть головой и все.

Этот самый тренер приехал на черной «Волге». Он, не поленился, разыскал техникум, в котором я работал, встретился с директором, переговорил с ним, затем уже с моим наставником.

Я, в это время отсутствовал, обедал дома. У меня был перерыв. Меня по телефону вызвали на работу. Трудно было идти в техникум. Сколько раз я ходил. Даже не обращал внимания, проскакивал вовнутрь между колоннами, открывал большую массивную дверь и вот теперь тянул, от меня требовался ответ. Мой отец мне сказал прямо:

– Андрей не юли! Сделай свой выбор. Если да, то да, нет, так нет! Но прежде, хорошо подумай! В жизни часто приходится выбирать. Однако не все поступки, выбранные нами,

бывают, значимы, значимы – единицы из них. Я, ты знаешь, так же был поставлен когда-то перед выбором, сделал его, он тебе известен и не жалею. Ты должен сделать выбор, чтобы после не жалеть о свершившемся поступке.

Настроение у меня было паршивое. Я быстро поднялся на второй этаж. Там находился кабинет директора. Быстро прошелся по коридору и вошел в приемную. Секретарь, молодая девушка взглянула на меня и сказала:

– Андрей Николаевич вас уже заждались! Проходите!

Я разгоряченный, взбудораженный, вдруг сник и робко открыл дверь. Что мне бросилось в глаза: в углу на краюшке стула сидел Олег Анатольевич и смотрел себе на кеды. Он, сколько я его помню, наверное, всю жизнь так и проходил в спортивной обуви. Туфель на нем я никогда ни видел, даже в торжественные дни.

Директор ходил по кабинету. Знатный тренер вальяжно сидел, развалившись в кресле. Я, так понял: они решали мою судьбу и уже решили – ждали лишь одного – моего согласия.

Я ждал, что мне скажет Олег Анатольевич. Свою судьбу я доверил ему. Однако Физурнов молчал. Так тихо молчал, что жизнь за окном была вся здесь. Звук ее нарастал и нарастал. Я не выдержал: мне казалось от этого громкого уличного шума, вот-вот разорвутся мои перепонки. Наверное, мне стало жалко Олега Анатольевича – жалко на какое-то мгновение и я, взглянув на портрет Ленина, над головой у директора техникума – раньше они везде висели – сказал:

– Я хочу остаться в техникуме!

Не знаю, наверное, мой поступок мне навредил, да и не только мне, но и моим отношениям со Светланой. Она, вечером, дома, взглянув на меня, первый раз в жизни не поняла. Я не ждал от нее такого напора:

– Андрей, да ты знаешь, что наделал? Ты, отказавшись, закрыл себе дорогу в будущее. Мне хорошо известен Олег Анатольевич Физурнов. Это хороший, добрый человек, но он для тебя уже не тренер. Ты его догнал. Он, уже не в состоянии тебе дать больше, чем он дал. Оставшись с ним, ты остановился. Не бывать тебе на пьедестале там, там, – она осеклась, показала рукой куда-то вверх, хватая по-рыбий ртом воздух, нашла возможность, продолжить: – Нет, ты уже не чемпион! Ты, ты... – не договорила и убежала.

Первый раз в жизни я поругался со Светланой. Первый раз она усомнилась во мне, увидела меня слабым, не способным делать правильно выбор. Моя жена, став солдатом, мечтала быть генералом. Генералом и не меньше.

– Вот тебе и папенькина дочка! – не раз говорил я после себе. – Я ее просто недооценил. Она передо мной показалась другой стороной. Но какой бы ни была женщина сильной, многое нам мужикам всегда видится неестественным, и мы всегда ищем в них слабость. В будущем, когда у нас уже был сын, я все-таки увидел в Светлане то, чего казалось, от нее нельзя было ожидать, – эту самую слабость. Правда, это было связано с другим моментом нашей жизни.

Я остался работать в техникуме. Мне увеличили зарплату. Но это только благодаря Олегу Анатольевичу. Он видел, какого стоило мне сделать выбор, и постарался – выбил надбавку, отдав часть своих часов. Еще что изменилось: Физурнов рьяно взялся за меня и проводил тренировки, чуть ли не каждый день – готовил к следующим выступлениям. Особенно он уделял внимание бегу.

– Ты, вырвешься, я знаю, у тебя есть задатки, – виновато говорил он. – Мне его слова были ни к чему. Я старался обо всем забыть. Хватило того, как на меня набросилась жена. Я с трудом удержался, ничего ей не сказал в ответ грубого, обидного, а про себя подумал: «Ну, не получится с меня чемпиона, ну, и что после этого плакать, не жить что ли?»

Мне было достаточно того, что отец понял, хотя, конечно, он бы меня в любом случае поддержал. Для него важен сам выбор, а не то, что я выбрал.

– Доброта, вот главное, что я усматриваю в твоём поступке. Ты пожалел своего тренера. И правильно сделал. Пусть тебя Олег Анатольевич не сделает чемпионом, но он тебя уже сделал человеком!

Мать, та просто обрадовалась, когда узнала, что я отказался от столичного тренера, хотя она и недолюбливала Олега Анатольевича, но сообразила тут же: раз он слаб, значит не

сможет меня выжать, как грушу или яблоко. Я для нее останусь сыночком Андрюшей, а не каким-то чужим заморским чемпионом.

Мои друзья отнеслись к произошедшему событию по-разному: Виктор Преснов принял сторону моей жены Светланы и недоумевал, отчего я ограничил свою «планку», Валентина лишь загадочно улыбнулась – ей не хотелось, чтобы я вдруг стал чрезмерно значимым и недостижимым для нее, Михаил и Татьяна Полнушка наперебой кричали мне:

– Асоков, ты молодец, вот так и надо отшивать заезжих столичных воображал. «Я из тебя сделаю олимпийского чемпиона» – да кто он такой. Начнет тебя пичкать «витаминками».

– Не «витаминками», – тут же влез я и со знанием дела поправил, – анаболиками!

– Ну, пусть анаболиками, – тут же согласилась Полнушка и, улыбнувшись, показала мне свои ямочки. – Физурнов сам сделает из тебя олимпийского чемпиона. Да для него это раз плюнуть.

Нет, Олег Анатольевич не сделает из меня чемпиона. Я понимал это. Заезжий тренер был прав. Он при встрече наедине, отведя меня в сторону в пух, и прах раскритиковал моего физорга.

– Посмотри внимательно! – сказал мне столичный тренер. – У тебя, что глаз нет. Его спорт для оздоровления детей, подростков, а не для рекордов. Ну, пусть он тебя вывел,

помог получить мастера. На этом его заслуги и кончаются. Я согласен, титул мастера важен, но не для профессионалов. Для меня это тот уровень, с которого я начинаю заниматься с человеком, но и то в том случае если вижу, на что он способен. Тебя Андрей я согласен вывести в люди! В тебе много куражу. Это то, что движет спортсменом. Ты распыляешься! – И он четко со знанием дела показал мне все слабые стороны работы со мной моего тренера, а затем посоветовал сконцентрироваться на одном виде спорта. Я в то время, то усиленно занимался бегом, то вдруг переходил на бросание ядра или диска. Прыгал в длину, через перекладину. На мне Олег Анатольевич испробовал все, что относилось к легкой атлетике. Я сам видел, что с меня бегун слабый. Пусть мастера и получил именно за этот вид спорта, но у меня фигура была не бегуна. Я тяжеловат. Мой торс больше подошел бы для поднятия штанги, толкания ядра. Мне неплохо давалось метание диска, копья.

Однажды, я не выдержал и, не умоляя достоинств Физурнова, осторожно с чувством такта кое-что из разговора со столичным тренером пересказал ему. Он тут же откликнулся:

– Ну, и хорошо Асоков, давай займемся толканием ядра. – Олег Анатольевич не хотел со мной спорить. Он, возможно, чувствовал свою ошибку. Она заключалась в его пассивности. Я бы ушел от него, но для этого мой тренер должен был сказать мне:

– Асоков, тебя ждут рекорды! Я тебя отпускаю. Иди, носи знамя советского спорта! – Все, от него больше ничего не требовалось. Но он этих слов мне не сказал. Я мучался. Ходил сам не свой. Занятия со студентами проводил спустя рукава. Однажды директор, посетив мои уроки, сделал мне нагоняй. Культурно так без грубых слов. Но я сообразил, мне стало стыдно.

Не знаю, трудно представить, как долго бы я переживал о случившемся поступке – отказе заезжему тренеру. Но однажды все изменилось в один день, лишь только перестала Светлана дуться на меня.

– Андрей, – сказала она однажды, вернувшись позже обычного часа домой. – Я, после работы, сходила в поликлинику провериться. У нас будет ребенок. Так вот для него твое выражение лица вредно. К тому же я получила ордер на квартиру – подошла моя очередь.

Это меня отвлекло. Нам должны были дать однокомнатную квартиру, но, наверное, мой отец Николай Валентович, может моя мать Любовь Ивановна «приложили руку», или же все проще – мы ждали ребенка, поэтому нам предоставили двухкомнатную.

В один из дней Светлана взяла смотровую, и мы отправились в свои будущие «апартаменты». Нашу радость невозможно было описать словами. Дом находился в новом микрорайоне. Там у дома нам на глаза попались Татьяна и Михаил Крутовы.

– Ну вот, от вас никуда не скряться! – шутя, сказал Михаил и пожал мне руку. – Вы, что за нами подглядывали?

– А как же, – ответила Светлана. – Не одним вам получать квартиры. Мы тоже с Андреем хотим. Вот наш дом. – На мгновение супруга задумалась, и хитро улыбнувшись Татьяне Полнушке, выпалила:

– Но мы, в отличие от вас, зажимать новоселье не будем, в ближайшее время известим...

– Да не зажимаем мы новоселье, пока привели жилье в порядок – обставили стены, без мебели разве это праздник? Нет! А еще мы вас ждали. Теперь вот можно будет полдня у нас, а затем полдня у вас – дома то рядом находятся. – Я тут же согласился, следом за мной «добро» дала и Светлана. Мы расстались и отправились осматривать свои «хоромы».

В доме было много недоделок, но мы решили не обращаться за помощью к строителям, а устранять их своими руками. Моя супруга вымыла окна. Я подклеил обои, где они отходили, убрал случайную краску, разлитую на полу, подкрутил краны, чтобы с них не капало.

Филипп Григорьевич, уж я и подумать, не смел: дал деньги на приобретение кровати. Мария Федоровна сшила нам занавески на окна. Шитье занавесок для нее было одним из наименее приятнейших дел. У них в доме, каких только не было. Моя теща умела еще плести крючком и с удовольствием надшивала их кромки своими ажурными шедеврами. Я, их иначе назвать и не мог. У нее была полностью сплетенная

из ниток крючком прекрасная скатерть. Она и ее хотела нам подарить, но Филипп Григорьевич испортил: он как-то раз, пригласил на День победы в дом своих друзей и устроил им пир. Для торжественности мой тесть на стол бросил ту самую скатерть, которую берегла для нас Мария Федоровна, а сверху поставил сковороду с плиты с яичницей и жареным салом. Его однополчанин отец Татьяны Полнушки поздно вырвал ее из-под сковороды. Я, видел скатерть, вернее какой она стала. Мария Федоровна, присутствуя у нас на новоселье, окидывая взглядом, стол с кушаньями, вздыхала. Мне была понятна причина ее вздохов. Светлана, одно время, пыталась плести крючком, но у нее так, как у моей тещи не получалось, и она бросила эту затею. А вот вязать она научилась.

Моя мать нам на новоселье купила плательный трехстворчатый шкаф и поделилась посудой, ложками, вилками и прочими принадлежностями необходимыми для хозяйства.

Я знал, скоро Светлана родит нам ребенка: – маленького человечка, и мы прекрасно заживем. Неприятный осадок, таившийся где-то в моей душе от решения остаться в техникуме, прошел. Я успокоился. Для меня спорт отошел на второй план. Однако я продолжал над собой работать: по утрам, перед тем как отправиться на работу, делал небольшую пробежку на три километра, между занятиями со студентами, когда разрыв составлял час или более занимался поднятием гири и штангой. Штангу я брал в руки, если рядом находился Олег Анатольевич Физурнов. Он страховал меня. В этом ви-

де спорта следовало себя обезопасить – все могло случиться, и я осторожничал.

Странно, но я в штанге преуспел. Мне она давалась хорошо. Однажды мой тренер не удержался и высказал свое мнение:

– Асоков, может мы ошиблись с тобой в выборе? Тебе нужно заниматься тяжелой атлетикой, как ты на это смотришь? – Я пожал плечами.

– Вот что, на следующих городских соревнованиях, они будут приурочены к празднествам, и особого значения для спорта не будут иметь, я тебя заявлю, как штангиста. Если получится, займемся поднятием тяжестей. Нет, будем думать, хорошо?

Физурнов весь прыгал от удовольствия. Я, глядя на него, остался доволен. Наконец то он изменился и напомнил мне того прежнего физорга техникума, которого я увидел впервые на занятиях физкультуры – гибкого, сильного, как стальная пружина, незнающего усталости.

Мое настроение передалось и Светлане. Она ходила довольная. Ей нельзя было огорчаться. Моя зазноба так мне и сказала:

– Андрей, ты должен меня только радовать. Все твои горести могут отразиться на нашем ребенке, запомни это. – Я улыбался в ответ и работал над собой. Усталость, получаемая от поднятия штанги, мне давала уверенность. Я, делая успехи на данной стезе, чувствовал себя хорошо и при

проведении занятий со студентами. Особенно за мной уживались девушки. Их во мне интересовало буквально все. Наверное, из-за того, что я был очень молод для преподавателя.

– Андрей Николаевич, а вы не женаты? – спросила однажды высокая, красивая блондинка. Она стояла всегда впереди шеренги.

– Женат он! – ответила другая, стоящая рядом, полненькая брюнетка и хитро улыбнулась. Я тоже заулыбался. Мне был интересен их флирт. Он был поверхностным. Девчонки еще только пробовали себя в роли обольстительниц – учились. У них ничего не получалось. И не должно было получиться, хотя бы в отношении меня.

Занятия я начинал с ходьбы по кругу, затем мы, находясь в движении, делали различные гимнастические упражнения и уже после переходили к более серьезным процедурам. Я делил своих студентов на маленькие группы и давал задания. Одни у меня прыгали через коня, другие подтягивались, третьи занимались прыжками в длину, высоту. Я их приучал к самостоятельности. На первом месте был контроль. Ребята занимались отдельно от девушек. Я ходил от группы к группе и проверял результаты.

Однажды, одна из девушек оступилась. Она так искривила лицо, что я был вынужден вызвать скорую помощь. Этот шаг со стороны моей подопечной был очень смел. Мне за него попало. Нет не от директора и не от Олега Анатольевича от врача:

– Да нет у нее ничего, все в норме, не видите разве. Она одного хотела привлечь ваше внимание и всего лишь. А вы поддались: взяли ее на руки ходили с нею по залу в поисках куда уложить, пока не набрали на теннисный стол, затем принялись ощупывать ногу.

Как я ругал себя. Надо же попался. Правда, это для меня была наука. Я стал стреляным воробьем, и теперь если что-то подобное свершалось с девушками, задействовал их же сверстников – ребят. Положение сразу же изменилось, проблемы подобного рода исчезли.

Олег Анатольевич считал, что мне нужно не только проводить занятия, но и еще выступать в роли тренера – подыскивать способных ребят, которые после смогут сдать на разряд – вырваться в большой спорт. Я, не представлял себя в роли тренера, однако как-то раз одна из девушек привлекла мое внимание и заслуженно. Ее результаты были просто ошеломляющие. Физурнов, когда я ему о ней рассказал, сразу же выдал:

– Асоков, ты ее нашел, ты и прояви свои тренерские способности! – Мне ничего не оставалось делать – я приступил к занятиям с девушкой отдельно. Вначале все шло гладко, но однажды она узнала, что для меня важны ее результаты – тут же перестала ходить даже на обычные уроки физкультуры. Мне пришлось отправиться к ней в общежитие, чтобы поговорить.

Первой в общежитии я увидел тетю Надю.

– Андрей, ни как ты? – воскликнула она и тут же открыла мне вертушку. – Давно я тебя уже не встречала. Заходи. Я хочу знать, как вы там поживаете, и тетя Надя принялась меня расспрашивать. Мне пришлось обо всем рассказать ей и о себе, и о Светлане, и о своих друзьях.

– Ты на меня не обижайся, что я так вот по-простому.

Тут к тете Наде заглянула девушка.

– Маша, ты в магазин? – спросила вахтерша и, не дожидаясь ответа, сказала. – Купи мне булочку. Да и себе можешь одну прихватить. У меня тут денег хватит. На, держи.

– Ох уж эти вертушки! – сказала мне тетя Надя, когда девушка вышла за дверь. – Истратят деньги на всякие там сладости и ходят «лапу сосут», а мне жалко их вот и прошу купить что-нибудь для себя, а потом то одной отдам, то другой. У меня даже касса взаимопомощи есть. Деньги нахожу – девчат много ходит, туда-сюда, теряют и в коробку, вон видишь, на окне стоит. Девчатам после и отдаю их. – Мне было приятно поговорить с тетей Надей. Я подивился ее добрым поступкам и отправился к своей подопечной. Уговорить я девушку не смог. Правда, занятия физкультурой ей пришлось возобновить. Я ей пригрозил:

– Ты у меня дальше не пойдешь! Так что решишь? Или уходишь из техникума или же ходишь на занятия.

– Я приду, Андрей Николаевич, только не выгоняйте меня, – жалобно попросила моя подопечная. А я и не собирался ее выгонять, да и вряд ли бы смог. Просто тогда были та-

кие времена – нас педагогов уважали, ценили, а еще порой и боялись.

Девушки студентки ко мне тянулись. Я, как мог, отбивался от них. Это, наверное, происходило из-за того, что моя зазноба была в положении. Мне не хватало ласки, и это было заметно.

Светлана чувствовала притязания ко мне представительниц слабого пола и часто меня навещала. Приходила на спортивную площадку или же в спортзал садилась где-нибудь в укромном месте и вязала. Это занятие ей кто-то посоветовал, как необходимое для правильного развития плода. Еще она в доме взяла на себя мытье полов. Однажды ее застала моя мать Любовь Ивановна:

– Да что же ты делаешь? У нас, что не кому убраться? А ну давай прекращай сейчас же!

– Мне нужно ползать! – ответила ей Светлана. – Мои знакомые по утрам рассыпают спички и затем их собирают. По мне лучше уж с тряпкой полазать – сделать доброе дело, чем зря время терять.

Раньше моя жена ездила к родителям сама или же с братом Алексеем, теперь я уже был вынужден ее сопровождать. Живот у нее стал огромен, и я, глядя на супругу, беспокоился.

Мы ездили на машине. Алексей этим пользовался и часто подсаживался к нам. Мне волей-неволей приходилось жертвовать одним из выходных дней. Для того, чтобы жерт-

ва с моей стороны не была значимой я выбирал время, когда можно было попариться в бане. Светлана того не замечала и часто передо мной оправдывалась:

– Ты должен меня понять, – говорила она, – я ни могу не увидеть отца, – затем жена добавляла, – и мать.

– Одним словом, ты папенькина дочка, что тут поделаешь, ничего, – говорил я в заключение нашего разговора. Она, улыбаясь мне, кивала в ответ головой.

Филипп Григорьевич о ней заботился более чем кто-либо из ее близких родственников. Приемный сын был важен лишь только для Марии Федоровны и еще для бабы Паши.

Мария Федоровна видела отношения мужа и дочери и поэтому позволяла себе быть менее внимательной к ней, даже в период беременности. Я помню, она лишь однажды сказала ей:

– Света, ты будь осторожна, а то все может быть, я знаю, какого это носить под сердцем ребеночка. – И все. Других любезностей я больше от нее не слышал.

Сын родился в мое отсутствие. Его рождение было преждевременным. Он должен был появиться на свет только через месяц. После мне Светлана в мельчайших подробностях рассказала о том, как это случилось. Возможно, на нее повлияло то, что она осталась одна дома.

– Андрей, я не знаю, что со мной произошло. Ты уехал и мне, отчего то вдруг стало страшно. Я ведь перед твоим отъездом хорошо себя чувствовала. Меня ни что не беспокоило. А тут... – Мне было не по себе. Что я мог ей сказать, лишь обнял и принялся осторожно целовать, едва касаясь губами. Она уронила голову мне на плечо и расплакалась.

Я тогда ездил на соревнования в Курган, большой областной город. Если бы знал не поехал. Свой триумф я хотел приурочить к рождению ребенка. У меня хорошо продвигались дела. Занятия штангой должны были мне принести успех. Я быстро добился необходимого результата по поднятию тяжестей соответствующего званию мастера спорта. Проблема заключалась в том, что мне необходимо было его зафиксировать. А это было возможно только в том случае, если на соревнованиях в судейской коллегии находились тренеры соответствующего уровня, да и количество их было не ниже требуемого. Все это в Кургане было.

Я надеялся, что мне удастся показать себя, поэтому и по-

ехал в такую даль. Однако не получилось. Рано утром перед самыми соревнованиями мне позвонила мать и сказала:

– Андрей, ты стал отцом. Светлана родила тебе сына. Все бросай и выезжай! То, что у нас происходит важнее всего!

Я тут же отправился в соседнюю комнату гостиницы, в которой жил Олег Анатольевич. Раза два стукнул в дверь и вошел, не дождавшись слов: «да-да». Он брился. Едва я открыл рот и рассказал о случившемся событии, мой тренер, отбросив станок, вытер полотенцем мыло с бороды и, схватив меня за руку, принялся поздравлять, а затем сам предложил, не дожидаясь окончания выступлений, выехать, что я и сделал. Олег Анатольевич, так как я у него был не единственный подопечный – остался. Мой тренер привез группу ребят, пробующих свои силы. Кроме всего прочего Олега Анатольевича избрали в состав судейской коллегии.

Как я добирался до дома – это уже отдельный разговор. На прямой рейс Курган – Москва я билет не взял, лишь только до Челябинска, на двенадцати местное авиа-средство, так называемый «Кукурузник». Я надеялся, что в Челябинске будет проще. Однако, прибыв в аэропорт и прокрутившись у касс не один час, я приобрел билет лишь до Свердловска. Ну, уж в Свердловске билеты будут – шесть рейсов до Москвы на один из них сяду, но не тут-то было – не сел. Пришлось мне лететь до Горького и уж затем только до столицы. Дома я был поздно, около часа ночи.

Первым делом я появился у родителей. Мать и отец меня

ждали. В одном из окон дома я заметил неяркий свет. Едва я стукнул в дверь, мне тут же ее открыли. На пороге была мать.

– Я, как чувствовала, что ты приедешь, – сказала она. – Мы даже спать не ложились. Светлану «карета скорой помощи» увезла в Москву. Роды сложные. – Мое лицо тут же скривилось, но она сразу же меня успокоила: – Да не переживай ты. Все уже позади. Обошлось. Завтра мы с тобой съездим в роддом, – навестим и Светлану, и твоего сына.

– Малюсенький, вот такой, – показал руками отец и заулыбался.

– А ты откуда знаешь, какой он, – перебила его мать, – не видел ведь.

– Ну, и что?

Мой сын весил один килограмм и восемьсот граммов, рост его был пятьдесят один сантиметр.

Отец ребенка не видел, но смог представить. Его слова: «малюсенький» – для меня ничего не значили до тех пор, пока я однажды не взял сына на руки и не подержал его.

– Что главное, – продолжила разговор мать и слегка толкнула отца, – Андрей наш – не в тебя. У тебя первый ребенок кто? – девочка, а у него сын! Это тебе что-нибудь говорит? Андрей, мой сын. У него больше моего, чем твоего. Он не будет таким как ты. Ты ловелас! Вот кто! А он, слава Богу, обычный мужчина, – сказала мать и вышла, а родитель тут же заворчал:

– Отчего она думает, что у меня первая – это дочка. Инга

– мой второй ребенок, а первым был сын, он умер – время тогда было тяжелое, военное. Я, после его смерти ушел на фронт. Меня не отпускали: – «Ты нужен производству, без тебя завод станет», – кричал мне военком, но я вырвался. А так бы война закончилась, а я бы и пороха не понюхал. Правда, воевал недолго, да и то занимался вывозом в нашу страну оборудования с немецких заводов. Для этого необходимо было в стенах предприятия найти что-нибудь наше, достаточно было звездочки на гайке и все следовало заключение: предприятие отправить на восток.

Я, похлопал отца по плечу и попросил его:

– Молчи, не говори о своем сыне матери, – и отправился спать.

Переночевав у родителей, я утром побежал в техникум. Меня тут же наперебой, едва только ступил на порог, принялись поздравлять с рождением первенца и жать наперебой руку. Я представить не мог, откуда им стало известным чисто семейное событие. Однако был доволен. Улыбался, что-то отвечал, порой не впопад. Но никто на это не обращал внимания.

Мне в техникуме не дали расслабиться – тут же отменили все замены, и я был вынужден приступить к занятиям. Кроме своих групп я еще словно по наследству забрал и студентов Олега Анатольевича. Однако, после обеда, я в кабинете завуча, занимавшемся расписанием, наотрез отказался от работы:

– Хоть увольте, – сказал я, – мне необходимо проведать жену. Я отправляюсь в Москву... – солидная дама поняла меня и отпустила.

Я, не сразу поехал в роддом, прежде подготовил машину, она стояла в гараже родительского дома, у себя в микрорайоне если и оставлял ее, то иногда – не хватало мне ночью не спать, выглядывать из окна: на месте или нет, хотя кражи тогда были довольно редки.

В роддом я собирался отправиться вместе с матерью. Для этого мне нужно было за ней заехать на завод. Добравшись до завода, я позвонил матери с проходной. Она не заставила себя долго ждать: тут же пришла.

Я не знал, что необходимо Светлане. Надежда была на мать и не зря – она все сделала как нужно. Я был ей благодарен.

Мы с матерью через медсестру отдали Светлане письмо и небольшую передачу с фруктами, пообщались через окно знаками, рассылая воздушные поцелуи, затем укатили домой. По дороге я спросил у матери:

– А Мария Федоровна и Филипп Григорьевич знают о рождении внука или нет?

– Знают-знают, прибегал Алексей Зоров. Он, в последнее время не в себе, наверное, что-то неладное творится у него в семье, так мы, чтобы его отвлечь, тут же известили о рождении племянника. А уж он, я думаю, рассказал родителям. Такую новость не рассказать – грех.

Мать оказалась права, как только я заглушил у дома мотор, на крыльцо вышли отец и мой тесть. Довольство так и сквозило у них обоих. Филипп Григорьевич подошел с улыбкой ко мне, пожал мне руку, тут же обнял. Я его раньше таким никогда не видел. Не удержавшись, я сказал:

– Ну, вот вы теперь и дедушка!

– Да-да! – ответил он и снова заулыбался.

Мы отправились в дом. Мать тут же бросилась на кухню готовить стол, а отец повел Филиппа Григорьевича в зал – большую комнату для гостей. Я пошел за ними следом. В доме было все, чтобы торжественно отметить рождение внука – моего сына. Вино, водка, коньяк, даже шампанское и то было.

Я побыл в зале всего ничего и вышел, оставив Филиппа Григорьевича с отцом наедине. Для него слова свата всегда имели вес. Тесть часто вызывал отца на откровения, был с ним честен, ничего не скрывал, – говорил, как на духу.

– Не пойму я Филиппа Григорьевича, что он в тебе нашел? – часто я слышал от матери.

– Да ладно тебе, у человека проблема, запутался он, ищет ответ, знает, что делать, но не решается!

Я боялся, что за столом Филипп Григорьевич «надерется», но нет, он вел себя чинно – пил в меру. К концу застолья появился Зоров. Мой отец усадил Алексея за стол и налил бокал шампанского.

– Нет, – отодвинул Зоров бокал, – мне бы сейчас лучше

водки. – Отец возражать ни стал и тут же налил ему водки. Пасынок Филиппа Григорьевича чувствовал себя не в духе. Он ни сразу вспомнил, окинув взглядом прекрасно сервированный Любовью Ивановной стол, причину застолья, долго мямлил, прежде чем вытолкнул из себя слова поздравления, а затем резко влил в горло рюмку водки.

Филипп Григорьевич сдержал себя. Я думал он сейчас как врежет кулаком по добротному дубовому столу, затем поднимется и вышвырнет Алексея на улицу, но нет обошлось. Это на него было не похоже.

Мы в тот вечер засиделись. Я не знаю, как долго бы длилось наше торжество, если бы мать не напонила:

– Завтра, на работу, не забывайте об этом! – а затем спросила непосредственно у свата:

Филипп Григорьевич, вы как? Останетесь у нас?

– Нет-нет, сватьяшка, – а затем добавил: – Кто только сейчас мне сказал, что «завтра на работу?». Так что, надо ехать.

Я тут же вызвался отвезти Филиппа Григорьевича на своем автомобиле домой. Время позднее – машин на дорогах было мало и еще один плюс – за столом я лишь только единожды пригубил шампанского.

Мария Федоровна встретила нас с распростертыми объятиями:

– Ну, наконец то. А я жду-жду. Вас все нет. Я уж думала, вы и не приедете. Рассказывайте, как там Светлана? Как ребенок?

Я был краток. Мария Федоровна все, что ее интересовало, могла узнать и от Филиппа Григорьевича. Моя мать за столом до мельчайших подробностей описала ему состояние Светланы и даже показала от нее записку. Мой тесть взял у нас адрес и сказал, что в ближайшее время обязательно навестить свою дочь и внука.

В больнице Светлана пролежала две недели. Ее выписали только после того, как наш сын стал набирать вес. О дне выписки знал не только я, но и Филипп Григорьевич. Он не задолго до меня побывал у Светланы в больнице.

Процедура выписки была интересна. Я, прежде чем получить завернутый пакетик с сыном, должен был жене вручить цветы, медсестре коробку шоколадных конфет, бутылку коньяка и дать пять рублей. За девочку давали шампанское, коробку шоколадных конфет и три рубля.

Однако ничего этого не произошло – все было иначе: мой тесть опередил меня. Филипп Григорьевич задолго до меня, пока я еще только прикидывал, что и как – нанял такси и вместе с Марией Федоровной примчался в роддом. Там он пока Мария Федоровна толкалась в приемной, ойкала и причитала, выхватил у обмякшей, потерявшей бдительность медсестры своего внука и устремился к такси. Следом за ним Мария Федоровна вывела Светлану.

– А подарки... – запричитала медсестра, но было поздно. Громко захлопнулись двери «Волги», и машина тут же рванула с места.

– Гони, – закричал Филипп Григорьевич водителю, – гони, я тебе заплачу...

Я не мог понять тестя. На деньги, отданные таксисту сверх – можно было расплатиться с медсестрой.

Филипп Григорьевич хитро улыбался и с азартом долго рассказывал, как он легко, без выкупа забрал внука. Правда, после выяснилось, он не знал ничего про подарки, вернее забыл о них. Слова дочери – она его предупреждала – до него дошли лишь в последний момент – в больнице. И тогда Филипп Григорьевич, взглянув на свои пустые руки, разыграл весь этот спектакль, да еще как – талантливо, что тот маститый с большим опытом режиссер.

Мой тесть часто был оригинален. Порой это его выручало. Его рассказ об одном военном эпизоде мне памятен и сейчас. Никто во взводе не хотел брать себе коня – низкорослого Монгола, а он взял. Однажды, этот самый конь спас ему жизнь. Филипп Григорьевич отправился с товарищами в разведку. Местность была болотистая – торф раньше брали – карьеры кругом. Когда не очень темно было прошли без труда, а назад, взяв «языка», решили возвращаться окружной дорогой и тут вот наткнулись на немцев. Они открыли огонь.

– Монгол, услышав выстрелы, понес, да так быстро, – с зелеными огоньками в глазах говорил Филипп Григорьевич, – что я чуть не свалился. В кромешной темноте он в считанные минуты пересек болото. Не все тогда вернулись. По мне не одну пулю выпустили. Только стреляли над головой – рас-

считывали, что конь нормальный, а не коротыш.

Я и подумать не мог, что Филипп Григорьевич с Марией Федоровной отдельно от нас отправятся в роддом. Никто из моих родителей, не рассчитывал. Встретить Светлану с сыном мы готовились торжественно, но не получилось.

Только мы забрались в машину, как вдруг к дому с шиком на полном газу подкатила «Волга». Из нее выскочил мой тесть и закричал, размахивая нам руками. Я какое-то время не понимал и давил на стартер, пытаясь завести автомобиль. Меня остановил отец:

– Андрей, Андрей стой! Взгляни в окно, Светлана уже дома. Никуда ехать не нужно.

Я поднял глаза и увидел, выходящую из такси с белым свертком жену. Тут же все понял, выскочил из «Жигуленка» и побежал навстречу. Она передала мне нашего сына. Я осторожно взял его на руки.

– Не так держишь.левой рукой снизу, правой сверху, – поправила меня Светлана и заулыбалась. Я тут же исправил положение.

Мы поднялись к нам в квартиру. Меня, Светлану и нашего ребенка не долго держали в напряжении. Отец принес из машины приготовленный для выкупа подарок – шампанское и шоколадные конфеты. Мы отметили рождение нашего сына, и родители тут же оставили нас в покое.

На следующий день также все было тихо. Никто к нам в гости не спешил. Моя жена недоумевала:

– Ну, хоть бы кто-нибудь пришел, посоветовал, что делать, как делать. Я не знаю...

Накормить я его могу, слава Богу, молоко есть, но ведь уже второй день, сыночка нужно купать.

Я уже собирался отправиться за помощью к матери, но вдруг неожиданно к нам в гости завалились Валентина и Виктор Пресновы. Виктор тот ничего не сказал, а вот его жена тут же нас отругала за то, что мы ей ничего не сообщили о рождении ребенка. Не унималась минут пять, говорила и говорила. Я еле остановил ее:

– Ты, – говорю, прежде чем кричать на нас лучше подскажи, как его выкупать. Все у нас есть, ванночка, подставка, череду – траву мы купили в аптеке, но вот представляешь, боимся приступить. Он такой крохотный, взглянешь, страх берет. Вдруг сделаем что-то не так.

Валентина тут же принялась за дело. Она померила температуру в ванной и принялась прогревать помещение. Для этого мы набрали полную емкость горячей воды, а затем слили ее. После эту же операцию проделали еще раз. Валентина на ванну поставила подставку и на нее ванночку для ребенка, накипятила отдельно для нее воды, отстоянной от хлорки, и налила, разбавляя ее холодной. Я крутился рядом с нею, смотрел, запоминал. Не раз я чувствовал ее тугую грудь, меня бросало в дрожь. Она меня не отгоняла, хотя я, конечно, мешал ей.

Урок Валентины мне после пригодился, я помогал Свет-

лане купать сына, без боязни. Она, глядя, как я легко управлялся с мальчиком, просто ахала от страха.

– Не бойсь! – говорил я, нарочно подобно ее отцу Филиппу Григорьевичу, коверкая язык.

Из родственников нас редко кто навещал. Я не понимал такого невнимания, однако после мать мне сказала:

– Никто так не сближает мужа и жену как ребенок. Правда, это только в том случае, если о нем заботятся и мать, и отец.

Слова Любви Ивановны я принял после того, когда взглянул на Алексея Зорова и Надежду. У них все было по-другому. Наверное, поэтому он себя и чувствовал чужим, не нужным. Я часто видел его у нас дома. Он с удовольствием играл с нашим сыном. Дома у себя эта радость ему была не доступна. Чуть что теща тут же кричала на него:

– Ой-ой-ой! Отойди. Ты же уронишь малютку, положи быстро в кроватку и никогда не трогай! Никогда!

Я недоумевал. Алексей отдалялся от Надежды. Его больше тянуло ко мне и к Светлане – сестре, он часто ездил в поселок, хотя Филипп Григорьевич ему и не нравился, но там у него была мать, баба Паша и еще Людмила, бывшая невеста, которую он однажды потерял. Ему бы с ней жить. Ему бы ребенка от нее, а не от Надежды. Алексей боялся своей дочери, боялся оттого, что, находясь физически рядом, а духовно в стороне, был супругой и тещей от нее отодвинут, и не знал как с нею себя вести, а она требовала к себе внимания. Де-

вочка ходила в школу. Отчего это происходило? Наверное, от нелюбви. Надежда не ждала его из армии. Людмила писала ему письма. Зачем он пожалел Людмилу: катастрофа, в которую парень попал, нарушила его задумки, Алексей сам от нее отказался: решил, что она ждала не калеку, а он калека. Благодаря молодости Зоров поднялся, но уже не был тем, кем был прежде.

Я торопливо бежал с работы домой, мыл руки и брал сыночка на руки. Алексей если находился у нас, с умилением смотрел на меня. Он, не скрывая своих чувств, завидовал мне, завидовал своей сестре Светлане.

С рождением на свет сына Максимки мое состояние изменилось: прибавилось хлопот. Из-за них я уже не мог просто так вырваться на соревнования – отправиться, например, в Волгоград, Брянск, Ульяновск, даже в Москву и то было проблемно, чтобы зафиксировать свой результат, который однажды показал на тренировках Олегу Анатольевичу Физурнову. Правда, скоро он этот результат для меня стал недоступен: как ни старался, добиться его, не мог. Так что порой нет-нет и подумывал, а не привиделось ли мне все это. Не привиделось. Причина была в том, что сын родился недоношенным и возможно оттого не спокойным. Жене доставалось, но не только ей, но и мне, особенно тяжело было по ночам. Голосок Максимки неимоверно громкий не давал покоя. Часа два-три из сна выпадало, а то и больше, так как время оставшееся после «концертов» малыша не всегда шло по назначению. Думать о звании мастера спорта в полутяжелом весе по поднятию штанги я не мог – на работу в техникум ходил как в тумане, на «автопилоте». Физурнов Олег Анатольевич не зря меня жалел и не нагружал.

– Ты, Андрей, прежде чем усиленно тренироваться должен быть готов к этому. На тебя тошно смотреть, еле ноги таскаешь, спишь на ходу. Я тебя не допускаю до тренировок. Вот так!

Я все-таки толкнул эту проклятую штангу, добился звания мастера спорта. Но прежде прошел не один год. Если раньше я желал приурочить свой результат ко дню рождения сына, то теперь для того, чтобы удержать Светлану рядом, возле себя. Супруга рвалась в аспирантуру и мне необходимо ей соответствовать, то есть быть на высоте. Я знал кто ее надоумил продолжить учебу – один из институтских знакомых доцент Анатолий Никитич, я его не раз видел в стенах политехнического института, когда заезжал за супругой. Доцент не только вел лекции в учебном вузе, но и работал в научно-исследовательском институте. Я, порой по просьбе жены, его подвозил. Анатолий Никитич жил в Москве. Этим все сказано. Жену Москва тоже тянула. Я, не знаю, каким образом он сбил Светлану с толку, но однажды при одной из случайных встреч и разговора с ним моя супруга загорелась и дала добро на его предложение перейти работать в научно-исследовательский институт. Анатолий Никитич пообещал ей место в своем отделе. Этого оказалось достаточно.

Мне поступок Светланы не нравился. Я не понимал – зачем нужно уходить с завода. Работа где-то там, в Москве может ей и не понравится. Не каждый человек в душе исследователь. Раньше, она так опрометчиво не поступала, а тут вдруг взяла и подала заявление об уходе.

Этот ее новый товарищ был привлекательным мужчиной, имел степень кандидата технических наук, заседал в диссертационном совете политехнического института и часто

очень уж часто посматривал на молодых энергичных парней и девушек. Моя жена понравилась ему своей напористостью, и он отчего-то решил, что она для науки то, что надо. Анатолий Никитич был лет на десять старше меня, но в поступках порой, что тот мальчишка, из-за этого я пугался и ревновал жену к доценту. Однако себя вел корректно, вуалируя, не выдавая причин раздражения. Мне хотелось удержать ее в городке.

– Света, хорошо подумай! – сказал я ей перед уходом с завода. – Москва, она рядом, – помолчал и продолжил, – рядом, если ты выезжаешь для того, чтобы побегать по магазинам, сходить в театр, музей или еще куда-нибудь, и очень, очень далека, чтобы мотаться изо дня в день – на работу. – Она молчала, наверное, собиралась с мыслями, а может, ничего не могла сказать в ответ. – Ты только представь, в котором часу тебе нужно будет вставать? Ну, что представила?

– Я все выдержу! – ответила мне жена. – И не нужно меня пугать. Неужели я так слаба? – Светлана резко бросила на меня взгляд, полоснув зеленым цветом глаз.

Да, моя супруга сильная женщина, подумал я. Она порой силой духа превосходила даже меня. Живя бок о бок со Светланой, я часто был склонен обвинять во всех грехах Филиппа Григорьевича. Обычно он ее заводил – воодушевлял на всевозможные подвиги. Мой тесть долгое время считал институт самой высокой вершиной знаний. Но однажды его без всякого умысла, случайно просветили. Произошло это

у нас дома во время беседы моего отца Николая Валентовича и Светланы. Они, отчего то разговорились о стезе ученых, и этого было достаточно. Филипп Григорьевич влез в разговор и быстро понял все те привилегии, что дает человеку звание ученого, и буквально загорелся идеей: «моя любименькая доченька будет кандидатом технических наук, а то и доктором».

– Света, – сказал он, – ты должна поступить в аспирантуру! Вот мой тебе отцовский наказ! Иначе ты мне не дочь!

Это для меня было неожиданно. Однако я не верил, что она пойдет на поводе у отца. Ее подтолкнула моя мать. Любовь Ивановна всегда мечтала о Москве. После слов Филиппа Григорьевича она ухватилась за эту бредовую идею и стала свою невестку готовить. Я был сам не свой.

– Ну, зачем ей все это? – спрашивал я у отца. Моя жена меня не слышала. Я ей ничего не мог доказать. У меня была надежда на отца Николая Валентовича. Однако, он отчего то поддержал мою супругу:

– Андрей, ну что ты так беспокоишься о Светлане? Твоя жена чувствует свои силы и лезет вверх. Кто тебя держит? Совершенствуйся, ищи свою вершину. Вы молоды, полны сил, не останавливайтесь на достигнутом...

Слова отца подтолкнули меня, и я снова начал усиленно тренироваться, чтобы однажды выйти на соревнования. Мой тесть спал и видел свою дочь ученой, а я себя мастером по поднятию штанги в полутяжелом весе. Я знал ее от-

ношение ко мне измениться. И оно изменилось, лишь только я достиг желаемого. Все сделал, чтобы Светлана не могла меня презирать. Мне бы еще выйти на олимпийские игры. Просто выйти. Но об этом я мог только мечтать.

Моя жена была странной женщиной – она могла многое мне простить, даже случайные взгляды на ее подругу Валентину. Та меня последнее время доставала. Я не понимал ее притяжения ко мне. Что-то в семье моего друга не ладилось. Возможно, оттого что в стране не все было хорошо. Новое руководство не слезало с трибун, будоражило народ для новых непонятных нам побед, сеяло в наших душах хаос.

Преснов часто бывал не в духе и при встречах тянул меня в кафе. Я не один раз видел его пьяным. Однажды он завалялся ко мне в квартиру слегка подшофе с бутылкой водки.

– Андрей! Давай, выпьем! – сказал он. Дома я находился один. Светлана вместе с сыном уехала к родителям. Она хотела, чтобы я немного отдохнул: «Мы тебя уже замотали, – сказала она, – выспись, как следует. Наберись сил».

Я пить не хотел. Однако решил не обижать Виктора. Он мог, обвинить меня в связях со своей женой Валентиной. Хотя на то и не было обоснованных причин, а всего лишь болезненное самолюбие друга и фривольное поведение его супруги – это ни раз его подмывало, и он с иронией в голосе прикалывал и ее и меня, подмигивая при этом глазом. Я чувствовал со стороны Преснова к своей персоне иное, чем раньше отношение, которого не заслуживал. Ссориться с ним у меня

не было желания. Я повел Виктора на кухню и, усадив его, сказал:

– Один момент! Я быстренько накрою стол, – и тут же забрался в холодильник: достал банку шпрот и на всякий случай килек в томате – Виктор их просто обожал, нарезал колбасу – разложил на тарелку, далее – сыр, затем принялся за хлеб. Пока я готовил закуски и споласкивал посуду Виктор сидел на табурете и осматривал помещение. Он, словно впервые находился у меня в гостях. Кухня была обустроена по-современному. Я по периметру стены на уровне с раковиной расположил рабочий стол с ящиками для овощей и фруктов, электрическую плиту, затем за нею стол для редко используемой посуды и всевозможного другого хозяйственного инвентаря. Над столами я повесил шкафы, а над плитой вытяжку. Они тогда только начали появляться в продаже. Холодильник Светлана поставила у прилегающей стены вблизи обеденного стола, так как ей было удобно. Татьяна Полнушка, побывавшая у нас на новоселье, после, многое позаимствовала, так что я однажды не удержался и сказал ей:

– Тань, я как будто у себя дома! – Это задело, находившуюся рядом Валентину и она, желая от меня услышать подобные слова, все сделала, чтобы добиться от Виктора подобных преобразований. Но я чтобы не привлекать внимание супруги Преснова не торопился высказывать свое мнение. Зачем? Себе дороже.

Я собрал на стол и уселся рядом возле товарища. Он был,

не достигаем – о чем-то думал. Для того чтобы отвлечь его от размышлений я взял вилку и постучал по пустой рюмке. Преснов тут же опомнился:

– Диванчик то новенький, я его раньше не видел? – не впопад сказал он и похлопал рядом своей тяжелой рукой.

– Да, новенький, – ответил я. – Долго за таким гонялся. Все-таки купил, но не у нас в городке, а в столице. Намучился. Оформить доставку мне не удалось. Хорошо, что грузчик, взглянув на мой «Жигуленок» подсказал: «А ты на багажник сверху поставь его – машина выдержит!»

Мне трудно было представить, что творилось в голове у Виктора. Он взял, выставленную им же на стол бутылку, долго возился с ней, прежде чем открыл ее, затем неторопливо налил в посудыны. Его рука слегка дрожала.

– Ну, подняли! – услышал я его слова и последовал за другом. Затем мы снова подняли, еще раз, еще...

Мы долго распивали эту злосчастную бутылку. Мой товарищ почти не закусывал. Лишь только съел кильки.

Я не влезал в его душу. Виктор Преснов все должен был рассказать сам. Тему любви и дружбы мы не разбирали. Говорили обо всем и не о чем. Перед уходом он сказал:

– Зря я тебя тогда не послушал. Она, не моя. Не моя, – Это он сказал о Валентине – я догадался. – Жизнь дала мне один единственный шанс, и я им не воспользовался, – с горечью выложил Преснов, – затем продолжил: – Валентина – это не Татьяна. Может ее остановит еще один ребенок? Не знаю, не

знаю?

Я вместе с другом вышел на лестничную площадку. Преснов долго тряс мне руку, не хотел расставаться. Я вызвался его проводить, но он на мое предложение долго не реагировал, молчал, а затем сказал:

– Нет, не нужно. Я доберусь сам, не беспокойся. Мне нужно побыть на свежем воздухе, – и ушел. Я стоял у двери и слушал шум его затихающих шагов. У него не было уже того напряжения, что раньше. Наверное, он нашел для себя выход. Мой друг ушел успокоенным.

Однако, это его состояние не было долговечным. Я, после, не понимал: зачем Преснов рассказал о нашей встрече жене. Какое отношение она могла иметь к тому, что касалось нас обоих. Конечно, самое потаенное он не выдал, но за то сообщил Валентине о том, что я дома один-одинешенек – Светлана с ребенком отдыхает у родителей в поселке. Подруге Светланы только того и нужно было. Она словно ждала этого момента. Я увидел женщину вечером, открыл ей двери. Она выглядела шикарно. На ней было новое платье. Оно хорошо подчеркивало ее фигуру. Взглянув на нее, я невольно оближал губы и опустил вниз глаза.

– Здравствуй Андрей, я прямо от Татьяны! – это, конечно, для алиби – я сразу догадался.

Пусти, я пройду! – сказала она. Я тут же сдвинулся в сторону и освободил закрытый своей мощной фигурой проем двери. Преснова прошла в коридор и устремилась в зал. Я

пошел за ней следом.

– А где же хозяйка? – спросила она, словно была в неведении и продолжила, – наверное, уехала к себе, домой?

– Да, уехала, зачем ей сидеть в городке? Сама знаешь, ребенку необходим свежий воздух, – сказал я и мой голос дрогнул.

– Это неплохо! – и не останавливаясь, она медленно прошла по комнате вдоль шикарной стенки, дивана, письменного стола, тумбочки с телевизором. На темном его экране отразился силуэт молодой женщины, особенно соблазнительно выделилась грудь. Не успел я опомниться, как эта грудь вдруг в один момент прижалась к моему телу. Молодая женщина, не давая мне прийти в себя, часто задышала и принялась покрывать мое лицо жаркими поцелуями. Я остолбенел, и долгое время стоял как вкопанный, отданный в ее власть. Она как воровка обшаривала меня руками, забираясь в самые потаенные места – искала мое сердце, хотела найти его и завладеть им. Но ей этого сделать не удалось. Однако ее фривольное поведение перепутало все мои планы, расписанные на целую неделю. Я взбудораженный близостью Валентины, ничего не соображая, тут же нарушил свою договоренность со Светланой. Супруга ждала меня в поселке в воскресенье, а я неожиданно оттолкнув Валентину, затем, взглянув на убегающую женщину, не раздумывая, бросился за нею вниз, по лестнице, выскочил из дома и забрался в «Жигуленок». Он стоял у дома. Автомобиль завелся тут

же, резко взвизгнув, рванулся с места и помчался по улице. Я чуть было не придавил жену друга. Взгляд у меня был бешеный. Она это заметила, отскочив в испуге на обочину и, опомнившись, разразилась долгим истерическим смехом. Он долго звенел в моих ушах. Опомнился я только у дома Филиппа Григорьевича и тут же попал в крепкие объятия жены. Она подобно Валентине покрывала меня поцелуями, отогревая.

– Андрей, что такое, что у тебя случилось? – принялась расспрашивать меня Светлана.

Я молчал. Отец Светланы тут же затащил меня за стол и налил большой стакан водки и странно, я не отказался, выпил его. Мария Федоровна подсунула мне какое-то блюдо.

– Закусывай, закусывай, мы только что поужинали, – слышал я далеко-далеко голос тещи и ел, ел нескончаемо долго, смачно чавкая не по-интеллигентски, очень уж не по-интеллигентски.

– Эх ты, все понятно, слюнтяй из-за бабы приехал. Я сразу это увидел по лицу, – и Филипп Григорьевич принялся меня трепать, что того кутенка, называя размазней, придумывая еще какие-то обидные прозвища. Мне его слова стали понятны много позже. Тесть не желал меня обидеть, а наоборот, стремился привести в себя – укрепить мой дух, не укрепил. Дернул меня черт, не удержался я и, зная о его проблеме, еще одной семье Филиппа Григорьевича, брошенной где-то в далекой Башкирии, со злостью при всех выдал:

– Вы бы лучше собой занялись и сделали шаг, нужный для вас – съездили, показали себя там, на родине и попросили бы у бывшей жены и домочадцев прощения! Я думаю, что вас там поняли бы и, возможно, простили! Если нет? То нет, но вы бы знали о том и не мучились, не отыгрывались вот сейчас на мне, уеду я, на Марии Федоровне, или же на Алексее, Светлана – не в счет. Она для вас, как и для меня эталон. Мы с вами только в этом и сходны! Больше, ничего общего! – Это было круто: я попал в самую точку и сильно тогда его задел. В комнате воцарилась гробовая тишина. И еще среди этой тишины мое чавканье. Мой тесть лишь только открывал рот и глотал воздух, еще нервно жестикулировал руками. Все смотрели на меня, не зная, что делать. А я ел, как ни в чем, ни бывало. Мое откровение было для Филиппа Григорьевича, как удар под дых. Хорошо, что мы сидели за столом, иначе бы он свалился. Тесть долго набирался сил, прежде чем прийти в себя. Меня спасло только то, что он не был мелочен, не был злопамятен, если и влезал в наши семейные дела, то это касалось лично его доченьки и никого более. В таких вопросах я его слушался.

Филипп Григорьевич ничего мне тогда не сделал. Моя неожиданная выходка впоследствии лишь помогла мне. Я понимал, что до Николая Валентовича – отца, мне еще, ох как далеко, но я приблизился к нему, приблизился и значительно. Моя фигура в доме Филиппа Григорьевича приобрела значимость. Я перестал быть объектом его невысказанных

насмешек. Они, эти насмешки прекратились. Их не стало. Даже намека на лице, не было.

Тогда, именно тогда я завоевал возможность со спокойным сердцем ездить в поселок. У меня исчезли причины ограничивать время посещений дома Светланы и все сваливать на режим и загруженность при подготовке к тем или иным спортивным мероприятиям. А значит, в будущем, в трудное время, я мог не сторониться и наравне с Филиппом Григорьевичем работать на приусадебном участке. Продукты, привозимые из поселка на семью, перестали для меня быть халявой. Я их зарабатывал честно, поливая своим потом, помогал сажать картофель, сеять морковь, свеклу, рассаживать капусту, помидоры, огурцы, и многое другое делал на огороде весной, летом и особенно осенью, когда необходимо было убирать урожай. От меня был прок. Не зря мной не могла нахвалиться Мария Федоровна.

Высказав свои мысли вслух, я медленно поднялся из-за стола, страх был, но, пересилив его, не побежал на улицу к автомобилю, а размеренно пошел в спальню и уже ни на кого, не глядя, известил Марию Федоровну и в первую очередь Филиппа Григорьевича:

– Я сегодня отдыхать буду у вас, – а затем, повернувшись к супруге, сказал: – Жена, пошли на покой. – Она тут же послушно поднялась со стула и последовала за мной. – День сегодня у меня был не легкий, – продолжил я разговор. – Завтра рано утром я уеду. Мне нужно на работу.

Ночь со Светланой для меня не прошла даром: я от нее набрался сил, можно сказать, всю выпил, чтобы противостоять Валентине. Я словно чувствовал, что жена друга не оставит меня в покое и придет, обязательно придет и она пришла ко мне, пытаясь добиться желаемого – сломит мою волю и овладеть мной. Что-то тогда на темной улице ей подсказало – мне не выстоять, и я бы не выстоял, но благодаря Светлане я снова оттолкнул Валентину.

Затмение прошло не сразу. У нее хватило силы повалить меня на диван, на котором не так давно сидел ее муж и долго-долго целовать меня. Однако, я нашел в себе силы и отбросил подругу своей жены, жену своего друга, оттолкнул, и сразу же почувствовал облегчение. Женщина, наверное, также поняла всю несуразность своего поступка и тут же исчезла, словно наваждение.

Минут тридцать я стоял и ничего не делал. Просто ничего не делал. Затем, опомнившись, я побежал в коридор и с силой захлопнул за ней настежь раскрытую дверь. Повернув ключ, я отправился в ванную комнату и принял душ. Воду я открыл холодную и продрог до самых костей. Однако, я не смог смыть с себя жар, тепло ее тела. Оно меня долго грело и мучило. Из головы, сердца, туловища тепло ушло куда-то вниз в ступни, пятки ног и до поры до времени спряталось там. Прошло много лет, и оно, поднявшись вверх, разверзлось – лавой вырвалось из меня, поглотив всего. Тогда я уже не боролся с ним. Мне этого не нужно было. Жизнь измени-

лась. Ситуация была не той. Не было у меня больших влекущих зеленых глаз.

Жена и ребенок отдыхали в поселке у Филиппа Григорьевича и Марии Федоровны. Я их навещал по выходным дням. Меня ждали. Мне не представляло труда забраться в автомобиль, завести его и минут через двадцать-тридцать оказаться уже на месте. В моем распоряжении были субботний вечер, ночь и день – воскресенье, затем я торопился назад, домой. Дома я зря времени не терял – Светлана желала меня видеть мастером спорта. За месяц усиленной работы под наблюдением Олега Анатольевича Физурнова, я быстро восстановил свои силы: натренировал ноги, руки, плечи. Работал я неторопливо, но с усердием, вначале разогревал тело и уж, затем только приступал к основным занятиям. Легко подходил к подставке и брал штангу с нужным весом на плечи, приседал и вставал, затем принимал другое положение – ложился на спину отжимал тот же вес, но от себя и третьим моим упражнением было поднятие штанги на вытянутые руки и удержание ее. Правда, я его практиковал при небольшом весе. Решающей, заключительной стадией занятий я считал толчок штанги. Тут уж я нагружал ее «железными блинами» под завязку. Меня страховал Олег Анатольевич. Он знал, какой для меня вес приемлем, и я своевольничать, не смел.

– Не хватало, – говорил мой тренер, морща лоб, – чтобы ты еще надорвался – тогда пиши, пропало – инвалид на всю

жизнь!

Отправляясь на стадион, я хотел от Физурнова одного, чтобы он меня не жалел.

– Я, смогу! – шептал я себе. – Я, смогу!

Ежедневные занятия, принесли свои плоды. Я стал показывать изо дня в день стабильные результаты. Это явилось сигналом к тому, что меня можно «вывести в люди». Олег Анатольевич так мне и сказал:

– Ну, Асоков, наши дела идут хорошо, по плану. Эту неделю ты никуда, понял, даже к жене и ребенку на выходные дни не езд, я тебя не отпускаю. Мы будем готовиться к соревнованиям. Хочу тебя вытащить. Поэтому ты должен быть у меня все это время на глазах. Понял?

Я подчинился. А что было делать. Правда, предупредил Светлану, чтобы она не беспокоилась и ждала моего следующего звонка.

– Тебя ждет сюрприз! – сказал я и повесил трубку.

Состязаться мне выпало в Москве на одном из престижных стадионов известного спортивного клуба.

Рано утром я, забравшись в «Жигуленок», заехал к Физурнову и пригласил его сесть в салон, но он тут же воспротивился, и убедил меня, что лучше отправиться на электричке. Мой тренер не хотел, чтобы я уставал.

– Андрей, дорога тебя вымотает. Ты думаешь, что посадишь лишь одни глаза? Десять-двадцать минут отдыха, и ты снова как огурчик? Нет, через глаза ты посадишь весь ор-

ганизм. Я это по себе знаю. Так что бросай машину у меня возле дома и пошли на станцию.

День для меня оказался счастливым. Погода благоворила, лишь только на последнем этапе состязаний стал накрапывать дождик, но он мне не помешал, а лишь слегка охладил пыл: выступил я отлично – достиг желаемого результата и, появившись вечером дома, тут же бросился к телефону.

– Что случилось? – спросила мать. – Ты весь светишься!

– А то и случилось, – сказал я и, достав из-под пиджака на тесьме медаль, покрутил ее гранями, добиваясь игры света. – Я сегодня выступил превосходно, занял первое место, а еще, что главное – стал мастером спорта. Мы с Олегом Анатольевичем подали необходимые бумаги. Скоро я получу документ и знак. А сейчас, хочу вот отчитаться перед женой.

– Хорошо, звони, а я пойду, обрадую отца, – сказала она. – От нас передавай всем привет. Да и затем на кухню – ужинать.

Я долго крутил телефонный диск и все напрасно. Линия была не доступна. Такое часто случалось в сырую погоду, когда шли дожди – весной, летом, осенью. Лишь зимой – «звони, не хочу». Не дозвонившись, я на следующий день отпросился у Олега Анатольевича – мне же положен был хотя бы день отпуска за труды – и отправился в поселок. По дороге на меня обрушился ливень. Такого давно уже не было. Я сожалел, что не взял с собой зонтик, но Светлана ждала меня. Она сидела у окна и смотрела на улицу. Едва завидев авто-

мобиль, выскочила ко мне:

– У меня было предчувствие: я знала – что-то должно произойти хорошее, – крикнула супруга пересиливая шум дождя, тут же подняв надо мной зонтик. – Ты долго не приезжал – две недели. Мы уже с сыном соскучились. Однако я не паниковала, а наоборот молилась за тебя, за твою победу. Ты победил?

– Да! – ответил я и заметил, как Светлана с облегчением вздохнула, наверное, какие-то сомнения у нее были, но мой утвердительный ответ их сразу же развеял. Она ликовала.

– Конечно, победил! – крикнул я, затем обхватил жену рукой ниже талии, привлек ее к себе, обнимая все крепче и крепче.

– Я, поздравляю тебя мой милый со званием мастера спорта по поднятию штанги! – четко продекламировала она и, сверкнув необычайно зелеными глазами, принялась меня целовать. Зонтик при этом качнулся, и нас как из ведра облило водой. Светлана взвизгнула и выровняла его купол. Мы тут же запрыгнули под навес, а затем вошли в дом.

У входа нас встретил Филипп Григорьевич.

– Перед вами мастер спорта, – тут же радостно воскликнула жена. – У Андрея даже есть медаль. Вот так!

– Для Светланы мое звание было важно. Она гордилась моим успехом. Для тестя это была возможность отметить мое событие и пропустить стакан-другой, для Алексея тоже. Он тут же появился рядом возле нас и, разыскав мою руку,

принялся ее жать. Глаза его сверкали болезненным цветом – ему нужно было опохмелиться.

Филипп Григорьевич оторвал меня от жены и потащил на кухню, за стол. Он был накрыт. Семья готовилась к ужину.

Я, вспомнив о том, что у меня в машине баночки с пюре для ребенка, погремушки, кое-что из одежды, (по дороге в поселок подрулил к нескольким престижным детским магазинам и накупил) тут же пожелал увидеть сына, но Светлана сказала, что это невозможно:

– Сын не дождался тебя – крепко спит, несмотря на непогоду. Завтра все будет, завтра. Дождь слышишь, не кончается, льет и льет. – Железная крыша дома звенела, от крупных капель дождя, время от времени, словно от молотка жестящика – ударов грома буквально разваливалась. Я не сопротивлялся, отправился со всеми за стол и без слов уселся на предложенный мне стул.

Тесть, тут же запустил руку в холодильник, и достал бутылку. Он смачно открыл ее и принялся разливать по стаканам, которые торопливо, едва успевая, расставляла Мария Федоровна.

– Это за достижения! – негромко сказал Филипп Григорьевич, подняв стакан, несколько виновато. – Я понимаю нельзя, но может можно?

– Чуть-чуть можно! – ответил я, чтобы не обижать тестя и пригубил стакан. После у меня много было в жизни подобных ситуаций. Но я всегда был в состоянии удержаться и не

выпить – силы хватало. У Алексея ее не было. Он словно жажду утолял – набрасывался и пил, пил большими глотками. Это его в будущем и сгубило.

Ужин проходил за беседой. «Дрова в огонь» подкладывал мой тесть. Его многое интересовало. Я отвечал – парировал. Филипп Григорьевич расспросил меня о новостях в городке. На что я толком ничего определенного не мог сказать, затем он принялся говорить о моей матери Любовь Ивановне, высказывая ей слова благодарности за то, что она заботится о его доченьке и, наконец, переключился на моего отца. Я сообщил ему, что Николай Валентович рад моим успехам, но в последнее время ходит сам не свой. Руководитель страны, побывав на Тольяттинском автомобильном заводе, выступил с пространной речью о перестройке и необходимости частного предпринимательства. Его уже государственное предпринимательство не устраивает. Вот так!

– Далась ему, этому руководителю «пересройка», – тут же отреагировал Филипп Григорьевич, то ли нарочно изменив слово, то ли случайно так получилось, – и частное предпринимательство. Он разве что строил, а все туда – спешит перестраивать.

– А вот и далась, – сказал я. – Николай Валентович обеспокоен положением в стране. Их министерство в который раз принялись реформировать. Раньше, обычно дальше сокращений дело не двигалось, а теперь даже вывеску решено изменить. Вот он и мучится – боится, что возьмут и отправят

на пенсию. Все может стать.

Рядом со мной сидела Светлана. Ее брат забрался в угол – место, где таились лики святых – стояли иконы. Из него в любой момент можно было выскочить и убежать к бабе Паше. Он, так уж получалось – часто чувствовал себя неуверенным и оттого всегда искал в жизни укромные места.

Я заметил, Алексей Зоров испытывал напряжение. Что-то его тревожило, он нервничал. Однако я своей радостью – завоеванием первого места, медали и звания мастера спорта, отодвинул негатив, беспокоивший его, осветлил, что ли этот дом.

Мне не раз приходилось слышать от Марии Федоровны. Она не скрывала и говорила даже при сыне:

– Алешенька, Алешенька видно такая у тебя судьба – несчастная! Ты, и маленький был, несчастный. Годочка два-три было, не знаю с чего вдруг неожиданно за температурил. Вызвали скорую помощь. Нашли – воспаление легких. Отправили в больницу, ни куда-нибудь в самую Москву. Благодаря этому ты то и выжил, правда, там тебя окалечили. Я приехала забирать, здоров был, должны были выписать, но нет, не отдадут моего мальчишка. Причина простая. Не уследили – поломали. Открылось все после катастрофы. Абдула – армейский хирург Филиппу Григорьевичу так и сказал: «У вашего сына старые переломы таза». – Мария Федоровна обо всем этом говорила с долей вины перед сыном. Я не мог слышать ее причитания, не знаю, какого приходилось Зоро-

ву. Он, наверное, от них находился в прострации. Поэтому, брат Светланы никогда не стремился быть в жизни активным – шел по течению.

Беда не ходит одна – другая неминуемо поджидала его на жизненном пути – пострашнее той, которую Алексей пережил во время службы в армии. Он предчувствовал ее и по инерции, словно, попав в водоворот или же смерч, приближался к ней, его затыгивало.

Я жалел Зорова, но ничего не мог поделать. Он был слаб. Однажды я не удержался и спросил у жены:

– Свет, я никак не пойму, с чем это связано: ты – энергия хлещет через край – в аспирантуру вон надумала поступать, знаешь, чего хочешь, а твой брат – полная противоположность – без огня в глазах, безынициативный, развальня. Я не знал его родного отца, какой он был человек, но Филипп Григорьевич сильный мужчина, разве он не мог, держа Алексея «в ежовых рукавицах» развить у него упрямство? Я думаю, мог. Отчего он не такой как ты?

– Андрей! Не пытай меня! Я, не знаю! Я, не хочу знать, пойми меня – не-хо-чу!

Она не хотела грешить на свою мать. Я догадывался о том. Мария Федоровна невольно была виновата в судьбе своего сына, наверное, по причине того, что любила его чрезмерно, жалела. А ей этого делать ни как нельзя было. Однако она это делала и оправдывала себя:

– Я же его мать! Кто его пожалеет, если не я, кто? – Мне

тоже приходилось ее оправдывать. Кто я такой, чтобы судить свою тещу?

Застолье продолжалось. Я, единожды пригубив стакан с водкой, только ел. Отец Светланы, в который раз выпил большой, так называемый маленьковский граненый стакан и наша беседа стала подобно дождю носить затяжной характер. Правда, он нет-нет и срывался, любил поспорить, для чего обычно все делал, чтобы зацепить собеседника. С Николаем Валентовичем моим отцом он был предельно вежлив. Я тоже отбил у него охоту задираться. Мне даже казалось, что тесть меня после того памятного случая – нашей стычки, побаивался, и, глядя на меня, мутными глазами, держался, не переходил дозволенной границы. Он находил нейтральные темы, часто разглагольствовал «о перестройке» – новом веянии в нашей политике. Этот не имеющий высшего образования человек в своих кирзовых рабочих сапогах только что перед этим откинув от коров навоз, выйдя из сарая, мог с удовольствием топтаться по головам значимых для страны людей.

– Андрей! Как ты считаешь, мы неплохо живем? – спрашивал тесть, и сам же мне отвечал: – Неплохо... и я не очень то верю в то, что реформы – эти вот, – чтобы не расписывать их подробно Филипп Григорьевич, неуклюже взмахнув рукой, гаркнул: – о которых, там наверху кричат, нам подойдут. Были уже реформаторы. Ну, и что? – Помолчал. – Помнишь, наверное, застал очереди за хлебом. Так я, думаю, что все к

тому и идет. – Слова моего тестя перекликались со словами отца.

– Что это за такие преобразования, не понимаю, зачем они, – выказывал свое недовольство Николай Валентович, – зачем, если для того чтобы перестроить экономику страны вначале необходимо все разрушить, – хмыкал вдруг, подхватываясь с кресла и принимался ходить по комнатам: – Нам даже деньги для этого дают, присылают из-за моря специалистов, – внезапно вынырнув из-за угла, восклицал отец, – разрушайте, пожалуйста, разрушайте. А вот дадут ли нам деньги после... – Молчал, затем, возвысив голос, кричал: – А вот! – и показывал дулю, направив ее в сторону далекой и близкой Москвы, туда, где находился кремль.

– Ну, Коля, как тебе не стыдно, – влезла в разговор мать. – Ты, что тот Филипп Григорьевич!

– А что Филипп Григорьевич? – снова возвышал голос отец. – Он, простой советский человек, а его дурят, да и не только его, но и нас всех – и умных и глупых, всех. Ради чего? – умолкал отец, а затем с жаром начинал говорить снова:

– Чтобы избежать третьей мировой войны? Так она уже началась! Идет! Разрушения будут огромные. Потери немыслимые. Миллионы погибнут ради светлого будущего. – И отец был прав, сто раз прав. Он знал жизнь и мой тест тоже. Они были людьми одного поколения – военного. Они предчувствовали развал страны нутром. Я же лишь только пытался приблизиться к их пониманию жизни, заглядывал в га-

зеты и журналы – благо у нас, их выписывали с десяток. И ничего не понимал, ничего. Розовый туман.

Время за столом в беседе шло неумолимо быстро – стрелка часов приближалась к двенадцати ночи. Я в который раз под столом толкнул Светлану и вопреки желанию хозяина – Филиппа Григорьевича и его пасынка Алексея Зорова поднялся, следом за мной встала Светлана. Мария Федоровна тут же нас поддержала:

– Завтра будет день. Наговоритесь еще. Пора и на покой.

Филипп Григорьевич, приподнявшись на стуле, снова плюхнулся в него и еще долго сидел за столом, крутил головой и бессмысленными глазами, не видя окружающих его предметов, словно всматривался в недалекое, но поганое будущее. Он словно тот экстрасенс чувствовал его и беспокоился за нас всех, долго еще оберегал наш сон, спать ушел далеко за полночь.

На следующий день рано утром я уехал. Мне нужно было на работу, а Светлана с маленьким осталась. Вместе со мной отправился и брат жены – Алексей Зоров. Мне не было скучно в дороге. Он, хотя и не был разговорчивым, однако нет-нет и вступал в беседу. Долго не говорил. Минуту-две не больше. Отдельные фразы. Но, наверно, у него наболело или очень уж хотелось поделиться, при подъезде к городку мужика неожиданно, словно прорвало:

– Андрей! Ты меня, наверно, не понимаешь, думаешь, какого он черта мыкается? Знаешь, меня с завода выгнали,

по статье. У меня дочка – скоро замуж выдавать, а я без работы. Конечно, я виноват, но и не только я. Она – Надежда, больше. Я человек выпивающий, ты знаешь, но не на работе, а тут злость такая меня стала распирает на нее, что я просто обезумел, потерял над собой контроль. Неделю целую пил, «не просыхал». Мастер со мной возиться не стал, тут же написал докладную и отправил к начальнику цеха, а тот в отдел кадров. Может моя мать и права? – Он помолчал. – Такая уж у меня несчастная судьба? – сделал заключение Алексей.

Я, оторвав взгляд от дороги, мельком бросил его на Зорова:

– Не говори глупостей! Ты сам строишь свою судьбу. У тебя была девушка, внучка бабы Паши – Людмила. Она тебя ждала из армии. От чего ты не вернулся к ней? Что тебя толкнуло на измену?

– Я пожалел ее! Зачем ей нужен калека? Из армии я вернулся без радости: состояние среднее не то лежачий, не то сидячий, словом, не человек... – помолчал, а затем со злостью выкрикнул:

– Не человек я был, как ты это не поймешь!

Некоторое время мы ехали молча. Я ждал, когда Алексей успокоится. Мне были понятны рассуждения парня, его позиция. Людмила здоровая цветущая девушка, а он чем мог похвастаться – первой нерабочей группой инвалидности и еще приличной пенсией, которую ему дало государство. Это уже после он занялся собой и поднялся на ноги, добился то-

го, что ему изменили группу, на вторую, на третью, а затем и вообще сняли. Алексей устроился на работу. Может он и прав, подумал я, но, открыв рот, отчего-то не согласился с ним:

– Ну, и что из оттого? Ты, не должен был решать все за Людмилу. Дал бы ей возможность самой высказаться. Ты любил ее, любишь – отвечаешь за себя, кричишь ей – да, да, да! Все... – сказал я и замолчал, не выдержал, продолжил:

– Будущее неопределенно, ты в этом сам теперь убедился, на себе, на собственной шкуре, ну и зачем было тебе руководствоваться сиюминутным состоянием настоящего времени, оно на данный момент было паршивым. А будущее могло быть прекрасным, хотя бы оттого, что ты поднялся, – помолчал, затем продолжил: – запомни это, прекрасным, если бы ты не испортил его.

– Андрей, я был дурак, – перебил меня Зоров, – дурак, что я могу сказать. Ты не представляешь, какое я испытал удовольствие, когда впервые, рано утром, едва забрезжился рассвет, как все вышел из дому? Работа, так себе – на мельнице, не трудная – занимался оформлением документов: встречал автомашины с зерном и отправлял их уже с мукой. Правда, порой и она – эта работа была мне невмоготу. Но я держался, не показывал людям свое недомогание: тайком охал, тайком глотал обезболивающее – большей частью анальгин, чтобы ни дай Бог, никто не увидел. Дома – рядом находилась внучка бабы Паши – Людмила. Она тогда была замужем, у нее

рос сын. Я смотрел на него и думал, что и у меня мог быть от Людмилы сын. Если бы ... – он на мгновение замолчал, а затем продолжил, торопливо выбрасывая слова: – если бы я задумался о будущем, не думал, меня тяготила группа. Она была, на нее указывали документы, даже после того, когда я добился ее снятия. Ох, как мне пришлось тяжело, чтобы избавиться от нее полностью. Я был вынужден забросить паспорт, военный билет – однажды потерял, а уже затем, получив новые бумаги – чистые, уехал в твой городок, – сказал Алексей. – Я из-за Людмилы уехал на новое место жительства. Мне тяжело было ее видеть с колечком на пальце, тяжело. Надоумили меня уехать мои друзья, а еще Светлана. Разве я думал тогда о том, что мне не следовало уезжать, нет, не думал. Жизнь у меня бы сейчас была совершенно другой. – Алексей помолчал, а затем продолжил: – У вас на заводе обо мне уже никто ничего не знал. Я уже не был инвалидом – здоровый. На машзаводе мне дали место – это работа не то, что на мельнице – самая настоящая работа, мужицкая, тяжелая и выматывающая...

Времени у меня было много, я не торопился – вел машину осторожно. Дорога не позволяла мне идти на большой скорости. Мельком, я нет-нет и посматривал на Зорова, он сидел на переднем сидении рядом со мной, опустив глаза вниз, под ноги, нервничал. Не было в его теле здорового духа. Он покинул парня. Инвалид – этим все сказано. Не нужно даже листать документы. Я, взглянув на Алексея, сделал попытку

хоть как-то приподнять его настроение:

– Да, понимаю тебя! Без работы тяжело, ситуация нелегкая! Правда, лично я тебе не в состоянии помочь, но, если хочешь, попрошу мать или же отца. Они что-нибудь придумают, может, снова тебя пристроят на машиностроительный завод. Для них это не проблема!

– Нет, ненужно. Я, думаешь, отчего за тобой увязался?

Мне сказали в отделе кадров, чтобы я недели через две, если ничего не найду, подъехал. Они мне предложат работу. Заводу люди всегда нужны. Много! – и он умолк. Я это знаю!

У меня чесался язык. Я не выдержал и спросил у своего родственника о его зазнобе:

– Алексей, вот ты мне объясни, Людмила, она без тебя счастлива? – Он весь съезжился и ответил:

– Не знаю!

– Кто из вас выиграл? Уж точно не ты и не она! И не Надежда. Она осталась в странном положении, сам понимаешь: и жена тебе и не жена. – Мне, Светлана рассказывала о ней. Ее нельзя сравнить с Людмилой. Людмила просто красавица. За нее была и баба Паша, не из-за того, что она ее внучка. Видела она однажды эту Надежду, держала за руку и, почувствовав ее всю, сказала: «Ты, девушка не наша! Твоя тяга к моему внучку вызвана обычным невниманием к тебе мужчин. Не останавливается их взгляд на тебе. Скользит мимо. А все оттого, что тебе много не надо, быстро насытишься, и эта твоя непонятная любовь пройдет. Хорошо если зацепит-

ся за ребенка, которого вдруг родишь. Дай Бог, дай Бог!»

Так оно после и вышло. Надежда родила девочку и отшатнулась от Алексея. Маленький человечек ласкался, тянул к ней свои ручонки, требовал внимания и полностью зависел от нее. Мать Надежды отгоняла зятя, чтобы тот не мешал им быть вместе, не отнимал драгоценное время. Алексей и тем и другим к жене боком, но все напрасно. Скоро оказался в семье лишним человеком. Мужчина, Надежде отчего-то уже не требовался. Что-то в организме молодой женщины изменилось: вспыхнуло, погорело и быстро загасло. Она даже подумывала о разводе с Зоровым. Мать в случае необходимости всегда могла подменить ее, посмотреть за ребенком. Нагружать ее еще стиркой для своего, так называемого мужа, готовкой для него, чтобы насытить – не хотелось. Деньги он получал приличные, но она особо в них не нуждалась, к тому же при разводе можно было заставить супруга платить алименты.

Я плавно свернул с трассы и въехал в городок. Дорога дала о себе знать. Мой «Жигуленок» стало сильнее мотать то в одну, то в другую сторону. Улицы имели хороший асфальт только центральные, до остальных у администрации города не доходили руки. Руководство нашего машиностроительного завода оказывало большую помощь городку. Он, по сути, держался за счет завода, рос – то там, то тут, словно грибы, воздвигались многоэтажные дома. Но до благоустройства руки у них не доходили.

– Тебя куда доставить? – спросил я у Алексея.

– А ты куда?

– Домой! Заеду, поставлю машину и на работу! – ответил я.

– Мне не к спеху! – сказал мой родственник. – Я с тобой.

Было часов семь утра. Родители еще находились дома. Меня и Алексея усадили за стол. Я есть не хотел. Меня тесть накормил яичницей с салом. Но пришлось. Мать предложила растворимый кофе. Я не отказался.

Расстался я с Зоровым на улице. Он меня проводил до техникума и исчез. Но, ненадолго – на день. Вечером он снова предстал перед глазами. Я открыл ему дверь и пригласил в квартиру.

– Привет, еще раз! – сказал Алексей. – У меня с работой ничего не получилось. То, что мне предложили меня угробит. Выход у меня один: я поеду к себе в поселок. Там буду работать. Здесь я никому не нужен. – Я хотел, было спросить: «Как это не нужен?» – Но, Зоров меня опередил и, не дожидаясь вопроса, объяснил: – Я уже заглянул домой, в который раз поцапался с женой и с тещей. Они меня просто-напросто выперли за двери, даже с дочерью не дали повидаться. Вот так!

Зоров переночевал у меня. Мы с ним позавтракали и вышли из дома. Я, перед тем, как отправиться на работу, проводил его до самого вокзала и посадил на автобус. Взгляд у него был, как у бездомной побитой собаки. Мне его было

жалко. Однако я понимал, что мне не нужно уподобляться его матери Марии Федоровне и вести себя подобно ей. Я не должен был его жалеть. Он же сумел подняться после армии. Найдет в себе силы подняться и сейчас.

Прошло время, и моя жена через своего брата Алексея дала мне весточку, что она уже «на отдыхалась» и рвется приехать домой. Ей надоело находиться вдали от меня – в поселке, к тому же у Светланы заканчивался декретный отпуск. Прежде чем выйти на работу она должна была подготовиться.

Эту новость Зоров завез мне в городок, приехав проводить свою дочку. Он своим визитом нарушил мой график – я был вынужден остаться с ним, и провел весь вечер и ночь дома. Утром мы позавтракали, и брат Светланы отправился к Надежде, а я в техникум. Там в спортзале я позанимался с Олегом Анатольевичем штангой. Он жил рядом с техникумом, и все свободное время отдавал спорту.

Зорова я увидел возле дома, прибыв на обед из техникума. Он пропадал у жены недолго. Несколько часов. Я тут же пригласил его подняться в квартиру и усадил за стол. Покушать со мной он не согласился.

– Я посижу тут с тобой рядом, – сказал Алексей, – а потом поеду в поселок. – Я кивнул ему головой. Он оперся локтями на гладкую поверхность стола и, обхватив ладонями голову, задумался. Молчал долго, пока я его не привел в чувства.

– Мне необходимо навестить родителей, – сказал я Зорову. – Дней пять уже не заходил к ним, а пользовался теле-

фонной связью. Этого недостаточно. Они беспокоятся обо мне. – Помолчал и спросил:

– Ты, со мной или может останешься?

– Не-е-е, я с тобой, – ответил он.

Мы спустились вниз по лестнице, и пошли разговаривая. Брат Светланы сказал мне, что его жена изменилась, стала другой: за порог уже не выталкивала. Разрешила даже передать дочери подарки. Я сразу подумал, наверное, ей чего-то от него требовалось, большего, чем платица и куклы – Алексей приехал после полочки – с деньгами. Вот она его и терпела рядом. Ждала расчета.

– Алексей, ну что ты решил для себя, нужно же что-то делать, а не болтаться, как... – ну, сам знаешь? – Я дал ему возможность поделиться со мной своими откровениями. Зорков, скривив на лице гримасу, ответил:

– Не знаю, что делать, не знаю?

Мы шли одной дорогой, затем должны были разойтись. Алексей торопился на автобусную станцию.

– Ты, уже в курсе, я говорил, в городе меня ничто, почти ничто не держит. Я, можно сказать, окончательно переселился в поселок – работаю на ферме: ухаживаю за телятами – молодняком, с напарником Федькой Окаянным – ну и прозвище у него – смех,. Отчим приглашал к себе – заниматься дойным стадом, но я ни в какую не согласился, не выдержу его присутствия, – сказал Алексей, торопясь уложиться в отведенное дорогой время. – Ты, молодец, справился с Фи-

липпом Григорьевичем, а я слаб. Меня одно держит в этой жизни – рядом со мной Людмила. Иногда встречаюсь с нею. Она, говорит, что из-за меня ушла от мужа, бросила дом. Может это и так. Сейчас женщина живет у бабы Паши, хочет пойти работать на ферму дояркой. У нее есть сын, Григорий, так он уже почти взрослый и в тоже время ребенок, приедет на заборах фашистских свастиках нарисует и в Москву. Филипп Григорьевич потом оттирает, и ругается. Правда, если быть честным Людмила с парнем уже справиться не может. Григорий пьет, курит и не только табак, но порой и травку. Еще связался с нехорошей компанией, вступил в какую-то нацистскую организацию, – выдохнул Зоров, перевел дух, а затем снова принялся говорить – времени не хватило. Я остановился у дома родителей, чтобы выслушать его до конца, затем немного прошел в сторону автостанции.

– Надежда, слезно просит, чтобы я вернулся домой, – переключился с Людмилы на жену Алексей. – Написала мне письмо, листов на пять, а когда я попытался ее прижать, оттолкнула. Вот и пойми их женщин – то нужен ей мужик, то не нужен, – опустил глаза, затем поднял их и сказал: – Меня разрывают на части и «туды и сюды», – помолчал и, не дожидаясь от меня совета, тут же спросил:

– А ты когда собираешься за своими?

– Сейчас какой день? – задумался я, и сам же ответил: – Выходной – воскресенье! На следующей неделе ждите меня. Нормально будет? – я посмотрел на Зорова – если бы ты не

приехал...

– Понятно! Ты бы был у нас! – дополнил меня Алексей.

– Да! – подтвердил я. – Да, и не забудьте баньку истопите. Мне нужно сбросить вес, разжирел я что-то. Видно, плохо меня гоняет мой тренер Олег Анатольевич, не справляется.

– Хорошо! – крикнул Зоров, махнув на прощанье рукой, и чтобы не опоздать на автобус – у него было в запасе минут десять, не больше, – заторопился на станцию.

На следующей неделе я, в выходной день, отправился в поселок за женой и сыном. На обратном пути за мной увязался Филипп Григорьевич. В машине было мало места. Я не знал, что и делать. Светлана предложила часть вещей оставить до следующего раза.

– Ну, куда ты лезешь, не видишь? – сказала ему Мария Федоровна. – Из-за тебя Андрею нужно снова приезжать! Я, что не знаю, отчего ты в город прешься? Далась тебе эта политика?

– Я, хочу поговорить с Николаем Валентовичем, – сказал ей Филипп Григорьевич. Наверное, моих слов для него было мало. Моего тестя интересовал один вопрос, который мне был не понятен – для какой цели государство разрешило создавать кооперативы. Ему казалось странным то обстоятельство, что в банке даже ссуду давали. Он не понимал и требовал разъяснения.

– Я, вот работаю в госхозе...

– Не в госхозе, а в совхозе! – тут же поправила его жена.

– Да какая разница, – парировал Филипп Григорьевич.

– А такая! – снова вмешалась Мария Федоровна. – Что бы не произошло, на твой век работы хватит! Сколько у тебя в стаде голов? Восемьсот! И у Алексея триста. Вот и крутите коровам хвосты, зачем лезть туда, куда тебя не просят. Политикой пусть занимаются люди, сведующие, знающие в ней толк. Вот так!

Однако Мария Федоровна оказалась не права – эти люди, которые должны были заниматься политикой, не очень-то и были сведущими, иначе совхозные стада не стали бы так стремительно сокращаться. Скоро их этих самых голов в совхозе стало пятьсот, затем триста и после стадо снизилось до сорока. Ферма стала не нужна. Да и не только ферма, поля тоже перестали засеиваться.

Я подбросил тестя по дома родителей. Он, тут же едва поздоровавшись с Любовью Ивановной и Николаем Валентовичем, вышедшими нас встречать, затеял разговор. Мать оставила моего отца и тестя и накинулась на внука.

– Максимка, Максимка, иди сюда! Дай-ка, я тебя потискаю! – сказала она мальчику. – Вон, какой ты большой вырос. Он тарасил на бабушку глаза и улыбался.

Мой отец в это время рассказывал Филиппу Григорьевичу об изменениях произошедших у них в министерстве:

– Я удержался, – говорил он, – а вот многие были вынуждены «уйти». Нет, их не выгнали просто так – на улицу. Процентом десять пристроили в учреждения более низкого ста-

туса – отраслевые научно-исследовательские институты, на заводы, для другой части специально создали структуру – своего рода буфер между министерством и предприятиями отрасли. Он – для координации. – Николай Валентович помолчал, затем многозначительно поднял глаза вверх:

– Что я скажу, грядут большие перемены! Президентом дано указание на создание частной собственности. Насколько это серьезно – неизвестно. Может шаг, два сделают и на попятную, не ориентируюсь. У тебя есть какие-нибудь задумки, не раздумывая, бери в банке деньги – сколько можешь унести, нет – и суда нет. Вот так. Для верхушки – той, которой понятен курс – время реформ, лафа. Для простого народа – эти реформы, я думаю, принесут много горя. Хорошо, если и зачинщиков затронет... – не так обидно будет.

В дом я и Светлана не заходили. Немного потолклись во дворе. Погода была отличной. Конец августа.

Я забрал сына у матери и передал его жене. Мы попрощались и поехали к себе, в микрорайон. Филипп Григорьевич остался у родителей. Я заехал вечером, забрал его и отвез в поселок, заодно на обратном пути прихватил вещи, которые не вошли в салон «Жигуленка».

Жизнь у меня по возвращению жены и сына стала веселее. Тишина сменилась звонким лепетом, криками, плачем, топотом ног. Сын просыпался рано. Он для меня заменял будильник. Я работал и благодаря, наверное, только сыну не просыпал – вовремя уходил на работу.

Жена кормила мальчика и бежала с ним в поликлинику. Необходимо было показаться множеству врачей и получить медицинскую справку для того, чтобы отправить сынишку в «детский сад», без нее его не принимали, хотя и выделили место. Светлана мечтала о том дне, когда она отправиться на завод. Работать она на нем долго уже не собиралась – ее мысли витали далеко в Москве.

Наступил день – анализы были все сданы – врачи дали – «добро» и я рано утром, взяв сынишку за руку, вышел на улицу. Светлана убежала на работу несколько раньше нас.

Детский сад был недалеко от дома. Мы прошлись по улице свернули во двор – немного пропетляли и оказались у белого двухэтажного здания, расположившегося в зелени деревьев, кустарников, огороженного ажурным забором. Я с Максимкой прошелся по аллее, а затем вошел в здание, попавшаяся нам навстречу женщина в белом халате спросила:

– Вы куда? – Я тут же достал направление и подал ей. Она, мельком взглянув на бумагу, отправила нас в кабинет к директору – пожилой невысокого роста миловидной женщине с мягким голосом и уж та, забрав направление, назначила группу, в которую должен был ходить Максимка, поднявшись из-за стола, повела нас по длинному коридору, нашла нужную дверь, и мы вошли. Она передала нас воспитательнице. Молодая девушка показала мне ящичек, где можно оставлять верхнюю одежду, обувь и хранить белье. Сын спокойно без крика взял ее руку и отправился следом в груп-

пу.

– Андрей Николаевич! – обратилась ко мне воспитательница – молодая девушка, вдруг остановившись, – если все так хорошо – видите, он не плачет – то приходите сразу же после обеда, до сна. А вот завтра, я думаю, что мальчик, может остаться и на весь день.

Проблем с сыном мы не знали. Олег Анатольевич меня подменил, и я забрал Максимку из сада домой. Мне сделать это было проще. Жена работала на заводе, где с дисциплиной у них было строго. Опоздать или задержаться невозможно – чуть, что тут же пиши объяснительную бумагу. Я порой даже подумывал, что Светлана рвется уйти с работы из-за этой самой дисциплины. Но нет, в научно-исследовательском институте опоздания тоже карались строго, правда, задерживаться не возбранялось, сиди хоть час, хоть два. Причина в другом – жена желала ступить на иную непроторенную стезю – ученой.

Анатолий Никитич бомбардировал ее телефонными звонками и обещал счастливое будущее. Когда я бывал у родителей, мать Любовь Ивановна первая пыталась замолвить за Светлану слово:

– Андрей, ты не держи ее, пусть идет! Я сама когда-то рвалась в Москву, да вот он, – и она тыкала пальцем в отца Николая Валентовича, – не пустил!

– А ты разве в аспирантуру хотела поступить? – влезал в разговор отец и тут же сам отвечал, – нет!

Я сдался. Если честно мне не хотелось отпускать жену. Здесь она была рядом. Мы жили как бы одной жизнью. Та часть, когда она будет работать в НИИ – научно-исследовательском институте в Москве, уже вряд ли могла принадлежать нам, двоим. Рядом с ней должен был крутиться этот противный Анатолий Никитич – ее начальник и руководитель диссертации. Я догадывался: он брал ее к себе не только за трудолюбие, но и за красивые зеленые глаза. Таких глаз я нигде не встречал и никогда не встречу.

Наступило время, Светлана уволилась с предприятия переводом в НИИ. Ей это было сделать нелегко, но моя мать Любовь Ивановна помогла. Она была близка к руководству завода и замолвила за невестку слово. Моя тайная надежда, а вдруг ее не отпустят – оставят, не оправдалась. Я зря рассчитывал, что ее припугнут статьей, и она, чтобы не портить себе карьеру от увольнения воздержится – уход не состоится. Раньше уволиться без проблем можно было лишь по обоюдному согласию с администрацией. Моя жена добилась этого обоюдного согласия и стала работать в Москве. Мне пришлось смириться со случившимся событием и заняться собой. Я снова принялся усиленно заниматься спортом, удерживая достигнутую высоту, стремясь, в чемпионы. Мне необходимо все сделать, чтобы имя Андрея Асокова стало известным на всю страну, а может быть и на весь мир, хотя бы для того, чтобы быть достойным своей жены.

Жизнь не давала мне возможности вырваться – попасть

в сборную команду спортсменов. Я не мог кропотливо без перерывов работать над собой – заниматься штангой, хотя понимал – звание мастера спорта по этому виду у меня не случайно. Это мое.

По бегу я тоже имел разряд мастера, но я его получил в юном возрасте. В настоящее время мне совершенствоваться в беге было сложно. Я уже не мог угнаться за молодежью. Финиш из года в год отодвигался от меня. Достичь его было не реально для зрелого мужчины, приближающегося к тридцатилетнему рубежу своей жизни. А вот штанга – это то, что надо.

Моя жена Светлана была занята своей новой работой и еще наукой. В институт она уезжала рано, когда Максимка еще спал, и возвращалась поздно – видела его всего ничего – час-два. Сын все остальное время находился со мной. Я часто оставался с ним один на один. Для него я был и папой, и мамой. Не только он был на мне – весь дом.

Женщины они рождаются с умением вести домашнее хозяйство, мужчины этому при необходимости или чрезмерном желании могут научиться. Я научился. У меня не плохо получалось. Однажды ко мне заскочила Валентина, прежде навестив Татьяну. Ей хотелось увидеть мою супругу, так она мне сказала. Не застав ее дома, женщина, пробежавшись по квартире, сказала:

– Асоков, да ты, я смотрю, идеальный муж, таких – поискать! Вот бы мне такого, – и словно нечаянно, я после поду-

мал для проверки чувств, в тесной прихожей слегка прижала меня к стене, своей большой грудью. Я тут же весь задрожал, она извинилась и отскочила. Рядом оказался Максимка. Это он меня спас. Валентина не остановилась бы, тут же расправилась со мной. Мы мужчины противостоять женщинам не можем по своей природе – слабы.

Я выпроводил подругу жены за дверь и также как она прошелся по комнатам: проверил ее слова. У меня в доме блестело. И это было не все – на плите стоял обед. Мне пришлось научиться готовить. Это мое умение после очень пригодилось, только благодаря нему, я и сумел в тяжелое время противостоять напастям – выжить. Для меня не представляло труда придумать меню и накормить семью из троих человек. Я соединял несоединимое, использовал все, что было в холодильнике: мясо, рыбу, фрукты, овощи. Мне порой было достаточно одной банки килек в томате, картофельного пюре и зелени. На столе стояло шикарное блюдо. Ешь и наслаждайся дизайном.

Моя Светлана Филипповна, я ее так порой и называл – вначале сдавала экзамены, затем после того, когда ее приняли в аспирантуру на заочное отделение, без конца что-то читала, что-то писала, что-то чертила. Она буквально срослась со столом. Телефон ей также был нужен. Моя жена занимала его часто и надолго. Наши друзья: Виктор, Валентина, Михаил и Татьяна недоумевали. Их приглашения мне часто приходилось оставлять без внимания. Я из-за Светланы не мог

никуда пойти.

– Андрей, ну потерпи еще немного, хорошо! Я, уже скоро закончу, – говорила мне жена, – и тогда мы сможем ходить куда угодно. Хочешь в театр – пойдём в театр! Хочешь в кино – пожалуйста, в кино. Все, что хочешь – я уже не буду занудой. Я буду свободной женщиной. Мне осталось совсем немного – год-два.

Однажды, Светлана Филипповна все мне преподносила неожиданно, я узнал, что она сдала кандидатский минимум.

– Андрей, помнишь, как трудно мне давался немецкий язык в техникуме, в институте, пусть я имела по этому предмету пятерку, но, сколько я на него тратила времени, так вот сдала без проблем. Мне он стал близок и понятен. Я, даже подумываю изучить еще какой-нибудь, – сказала жена. Немного помолчала и добавила: – Ну, например, итальянский!

Я недоуменно пожал плечами и задал ей вопрос:

– Зачем тебе сдался этот, итальянский? Какой в нем прок?

– А затем, что моей работой заинтересовались итальянцы!

Вот так! – тут же выпалила Светлана.

Прошел месяц, и моя супруга вдруг, неожиданно похвасталась мне маленькой книжонкой – это был ее автореферат на диссертационную работу.

Мне и Максимке часто приходилось оставаться одним. Я терпел и соглашался со Светланой. Она так смотрела на меня своими зелеными глазами, что мне сложно было ей воз-

ражать. Друзьям я часто отказывал, но ссориться с ними не хотел и поэтому время от времени, ухватив за руку Максимку, отправлялся то к Крутовым – Михаилу с Татьяной, то к Пресновым – Виктору с Валентиной. Они, хотя и огорчались из-за того, что я без Светланы, но, тем не менее, были рады нам. Огорчения Валентины были не естественными, наигранными. Я, это видел, Виктор, наверное, тоже замечал.

Михаил с Татьяной жили в соседнем доме. С ними я встречался чаще. Да с ними мне было и проще. Виктора и Валентину я с Максимкой навещал, лишь тогда, когда бывал у родителей. Мне было достаточно сказать сынишке:

– Ну, что поедем к тете Вале и дяде Виктору и он тут же с удовольствием забирался в автомобиль, при этом старался оказаться на переднем сиденье вместо меня. Мне трудно было его уговорить перебраться назад. Я закрывал и стопорил двери, чтобы малыш случайно во время езды их не открыл и трогал машину.

У моих друзей дети были намного старше моего сына и для игры с Максимкой они не подходили, поэтому он чаще крутился возле нас взрослых, требуя к себе внимания.

В разговоре с друзьями я замечал, что их перемены в жизни страны не трогают. Они их принимали спокойно.

– Наше славное руководство позаботится о людях, не даст им зазря пропасть, – не раз я слышал и от Преснова и от Крутова, даже у нас в техникуме солидные люди и те были уверены в правильности курса. Физурнов говорил:

– Андрей, не наше это дело!

Это меня несколько успокаивало, злило лишь то, что мой тесть Филипп Григорьевич – везде во всем чувствовал подвох и в этих надвигающихся подобно тучам реформах, и не только чувствовал, я замечал, что его нервозность передавалась отцу. Но это было не так. Мой тесть только чувствовал, а отец, зная номенклатуру изнутри, понимал, что спокойствие мнимое, недолгое, словно перед бурей и в любой момент разверзнуться хляби небесные и тогда держись. Мало не покажется.

– Знаешь, сын, это тебе не цари, а всего лишь полуцарки, в политике они безграмотные люди. Они не дбали, – отец отчего-то вспомнил и вставил в свою речь старое слово родственное слову – «добывали», затем, чтобы я понял, сказал проще: – не присоединяли новые и новые земли, территории, дабы возвеличить русское государство, сделать его богатым. Эти все продадут не ради выгоды страны – своей, попомни мои слова – все и всех. Их мало на дыбу, мало распять... – говорил мне Николай Валентович, затем, немного успокоившись, возможно, усомнившись в правильности своих кровожадных намерений, он сказал: – Ты еще молод, должен выдержать невзгоды, которые грядут, а для людей моего поколения это не под силу. Эта «война» не для нас. Мы одну выиграли, достаточно. – Отец оказался прав. Он тяжело принял предательство номенклатуры, хотя и был ее частичкой. Тыкался, словно малое дитя, писал «наверх» письма пытал-

ся достучаться:

– Арестовать их всех, как предателей родины! Цари так и делали. Бунт необходимо устранить «малой кровью», пока он не захватил все слои общества и не смел всех нас в тартарары! – Но кто его слушал? – я и Филипп Григорьевич, мать и то отмахивалась – она понимала, что ничего поделаться нельзя, ничего. Сговор в Беловежской пуще был санкционирован самым главным – полуцарком по указанию из Америки. Я, часто после вспоминал слова отца: «Цари дбали-дбали дабы возвеличить Российское государство, а эти ради того, чтобы возвеличить себя – пусти все псу под хвост».

Отец такого положения выдержать не мог, но не поступился своей совестью. Предпринял все, чтобы повлиять на судьбу страны. В этой войне он проиграл. Мы же должны были выстоять. Нас ждало полуголодное прозябание: пустые полки магазинов, затем ломящиеся от товаров, но не для всех, а для определенной категории людей. Бродяг, убогих, всевозможных калек, просто нищих было, тысячи, миллионы. Они порой досаждали, толкаясь к тебе со своими проблемами. Этих самых проблем у себя было – черт знает сколько. Нам бы родиться позже, когда все стало бы на свое место. А то мы также как и поколение наших родителей, неожиданно оказались в самом пекле, но в отличие от них были вынуждены мыкаться в непонимании всего происходящего. А наверху знали, чего хотели от жизни – денег. Им было все равно, чьи это деньги – обездоленных, обманутых, нищих и голодных

людей или же привезенные из-за границы для подкупа. Ради них там наверху были готовы на все. Продать мать, отца, страну и продавали. Мы обычные люди были более честными и если не могли помочь всем рядом, то хотя бы лезли из кожи, заботясь о ближних. Я пекся о Светлане, о Максиме, о своих родителях, о тесте Филиппе Григорьевиче и теще Марии Федоровне. Беспokoил меня и брат Светланы – Алексей Зоров. Примерно, раз в неделю он заезжал к нам в гости. У нас в квартире у него даже было место в зале, напротив телевизора. Сам телевизор Зоров не привечал, он стремился выговориться. Для этого Алексей подыскивал себе благодарного слушателя меня или же Светлану и если этот слушатель был, уезжал от нас успокоенным, не обращая внимания на негативное отношение жены Надежды, если нет, то напряжение снимал водкой. Недели две-три не появлялся в городе – жил в поселке, отрывался. На мое замечание: «Что-то долго не приходит Алексей?» – жена отвечала:

– Наверное, снова поссорился с женой. Он в прошлый раз привез ей мало денег вот она оттого и не желает его видеть. – Время было трудное и приезды Зорова помогали Надежде. Она не работала, иногда что-то приносила, подрабатывая уборщицей, мать пенсионерка имела небольшое пособие, но и оно давалось ей не вовремя, с большими задержками.

Алексею Зорову разгульная жизнь вредила. Я об этом узнал поздно, да и не только я, но и Светлана. Нам бы нуж-

но уделять ему побольше внимания. Жизнь основательно его помолотила – последствия катастрофы могли в любой момент сказаться на здоровье. Не пил бы, возможно, в будущем ничего плохого с ним и не случилось. А так мы нашего родственника потеряли.

На работе, в поселке пьянство Алексея не было видно, рядом находился напарник со смешным прозвищем Федор Окаянный. Тот охочий до денег, с удовольствием, в любой момент его замещал, четко подсчитывал дни и во время полочки тут же являлся к Зорову за расчетом.

Алексей, отдав долю напарнику, часть денег пропивал, с остатками отправлялся к Надежде. Затем настало время, когда, не с чем было ездить – не было этих самых денег – зарплаты и он отправлялся в городок, нагрузив в сумку картошки, моркови, свеклы или же взяв кочан капусты. Это было для его семьи хорошим подспорьем и спасало от голода. Пришло время невыплат зарплат, и напарник отказался замещать Алексея, он был вынужден работать сам. Долг накапливался и накапливался. Зоров не выдержал, бросил однажды работу и отправился в Правление хозяйства выбивать деньги, и под расчет, за несколько месяцев, получил теленка и не только он, но и другим работникам дали. За что все его благодарили. Однако напарник обманул Алексея, он своего теленка придержал, и взял только через неделю, а вот заработанное братом Светланы «ушло» на водку и на закуску стихийно, собравшейся компании собутыльников. Так они

отпраздновали его победу над начальниками.

– Надо же почти целого теленка пропил, – возмущалась Светлана. – В дом, можно сказать, принес рожки, да ножики.

Застолье Федор Окаянный организовал у себя дома. Жил на отшибе, один и никто помешать им не мог. Рядом с Алексеем за столом оказалась и Людмила, неизвестный Зорову мужик, а еще какая-то женщина. Где он их всех подцепил, не запомнил, может быть во время похода за очередной бутылкой сивухи к известной самогонщице Алисе – это не главное. Главное, самогон лился рекой и напарник время, от времени, щелкая пальцами, насмешливо говорил:

– Алексей, давай дуй в страну чудес, к этой, как ее... – долго тер лоб, неизвестный мужик тут же подсказывал:

– К Алисе!

– Да-да, к Алисе, – затем, засмеявшись, он рассказывал, как она в погреб, ну что в ту нору плюх и вот уже с подарком – пузырем.

Мужик, сидящий рядом с Зоровым, оказался Людмиле не чужим – супругом. Долго смеялся из-за того, что Алексей его не узнал. Он приехал за женой из Москвы: были проблемы с «маленьким Гришей». Парень сидел в СИЗО и его необходимо было выручать.

Алексей, узнав о том, что это он поит супруга Людмилы, тут же полез драться с ним, но тот вместе с напарником заломил Зорову руки и принялся его успокаивать:

–Ты, что из-за Людмилы так ерепенишься, так бери ее и

владей, но не просто бери, с тебя еще пузырь. Я ее продаю за пузырь, ты понял меня? Про-да-ю, – по слогам заплетаясь промямлил объявившийся муж любовницы Зорова: – Про-да-ю! Вот так! – и громко засмеялся.

– А в придачу ты еще мне и своего сына «нациста» столкнешь, да? – полез к мужу Людмилы, Алексей.

– Хочешь, бери и сына, – еле выговаривая слова, произнес мужик. – Знаешь, мне не жалко. От него одни проблемы, – и засмеялся. Сын после приехал прятаться к Зорову от милиции, но с ним он не ужился, тот полез на Филиппа Григорьевича с криками:

– Тоже мне Филипп Григорьевич? Прикрываешься русским именем! Киргиз ты, вот кто, – и хотел хватить отчима Алексея топором, но Зоров, собрав все силы в кулак, так двинул ему в грудь, что того через минуту и след простыл.

Людмила, сидя за столом рядом с Алексеем, ничуть не уступала ему и, захмелев, несла несусветное, слезно просила его:

– Ты уж лучше бы расстался со своей женой – Надеждой. Тебе, что со мной плохо? Я вся твоя, бери, хошь здесь, хошь там, – она махнула рукой куда-то в сторону залы. Муж разрешает. Ох, и кричать буду, весь дом всполошу. Весь дом.

– Врет, не верь ей, не отдал бы, – тут же поправил жену продавец, махнув стакан самогона. – Она баба хорошая, не спорю, но ей нужна выдержка. Моя Людка лишь только когда в охотку может горы свернуть. Только когда в охотку... – и

противно засмеялся.

После того застолья Зоров долго не показывался в городке, не навещал свою жену и ребенка. Моя супруга, узнав о попойке брата и о том, что рядом с ним находилась внучка бабы Паши, до того благотворившая ее, вдруг отстранилась.

– Вот стерва, ну и стерва! Чего захотела! Надежда – законная жена, а ты кто? Только лишь им пользуется! – вспылила Светлана, глядя через меня на невидимую Людмилу. В тот же день она отправилась в поселок и сделала брату выволочку. Долго кричала на него. Зоров упал духом. Помочь ему ничем нельзя было. Светлана уехала, а он тут же снова запил.

Однажды Алексей долго не показывался в нашем городке. Я так и сказал жене, что-то стряслось, это не случайно и был прав: умерла баба Паша. Она страдала – ее мучил тромбоз вен. Внучек – для выздоровления старушки часто отправлялся на болото, ловил в банку пиявок. Это ее только и спасало, но как-то раз, Зоров находился в запое и ни то, что пиявок наловить не мог – даже двинуться. Баба Паша соблазнилась предложением соседки Марии Федоровны сходить в баню попарить свои больные ноги. Казалось, ничего в этом не было плохого, но после разогрева баба Паша принялась растирать вены мазью, и до того их массировала, что сдвинулся тромб.

Больше всех страдал Алексей – ее внучек. Он даже отказывался от квартиры – дома, который баба Паша отписала.

– Это я виноват со слезами на глазах, – кричал, как ре-

бенок, большой взрослый мужчина, – я, мне нужно было не валяться пьяным, а наловить бабе Паше пиявок. Они всегда ее выручали. – затем Зоров принимался ругать врачей: – Я вот в суд подам на врачей, будут знать! – В суд, конечно, Зоров не подал. Заботы, связанные с похоронами его несколько успокоили. Людмила, Мария Федоровна, Алексей тоже не сидел, сложа руки, все сделали. Дочь бабы Паши из Москвы не приехала. Людмила долго пыталась до нее дозвониться, дозвонилась – все напрасно.

Зоров был честен. Хотя он после и оформил дом, согласно завещанию на себя, однако им пользоваться не стал.

– Людмила! – сказал он своей бывшей зазнобе – внучке бабы Паши. – Дом этот твой. Ты зря не согласилась взять его у меня. Живи, сколько хочешь!

Алексея, я не узнал. Он приехал и сообщил нам, что, наверное, скоро снова будет жить в городе. Его берут на завод. Надежда на его переезд согласна. Да и как она не согласится, он прописан не в поселке, а здесь.

Жить в поселке не возбранялось. Он находился недалеко. Правда, народ из поселка обычно работал не у себя возле дома, а в городе.

Переезд Алексея состоялся в день защиты Светланой диссертации. Я не знал чему радоваться. Мне пришлось вначале отвезти супругу в Москву с чертежами в научно-исследовательский институт, а затем, оставив ее, я отправился за ее братом. Он обжился в поселке и имел предостаточно вещей.

Ему понадобился мой «Жигуленок». За вещами мне пришлось несколько раз сгонять в поселок и назад. Я освобо­дился поздно около шести часов вечера и тут же отправился за женой.

На дворе было не лето. Погода – скверная: слякоть – снеж­ное месиво. Ехать нужно было осторожно. Дорога до Моск­вы занимала полчаса и по городу час – итого полтора, а еще я попал в пробку – это плюс еще столько же – словом моя су­пруга уехала с руководителем диссертационной работы Ана­толием Никитичем. Дома она появилась поздно, правда, я еще позже, после двенадцати ночи. Мы плохо договорились и разминулись.

Защита у Светланы Филипповны прошла на ура. Тут же была отмечена. Моя жена организовала фуршет.

Я, конечно, все проворонил. Прежде всего, не вручил же­не цветы, и не поздравил ее с успешной защитой. Мне бы поднять бокал вина и произнести тост. Заготовил, был в на­строении произнести высокопарные слова – не произнес. Все это вместо меня сделал Анатолий Никитич.

– Он, он, а не ты поцеловал меня при всех! – кричала Светлана. – Где ты пропадал? – Ее глаза ярко горели зеле­ным огнем:

– Я, чья жена Анатолия Никитича или твоя? – кричала на меня Светлана Филипповна.

– Ты, ты моя жена, но попробуй разобраться, понять ме­ня? – в ответ кричал я. – Алексей твой брат мог он отложить

своей переезд? Мог, не отложил. Из-за его счастливого соединения с Надеждой я опоздал. Так что во всем случившемся вины не меня, а брата, – помолчал, а затем снова повысил голос, и, размахивая букетом цветов, пошел в наступление: – Ты, ты знала, что я приеду, отчего не дождалась меня, отчего уехала на такси, – затем опомнился, и сунул супруге потрепанные гвоздики. – Вот твои цветы! – Она была зла, однако цветы приняла, и отправилась на кухню, чтобы поставить их в вазу. Я, сбросив ботинки, скинул с себя куртку и тут же отправился в ванную.

Она должна была быть горячей, очень горячей. Это зависело от того, насколько я был расстроен. А я был расстроен не меньше Светланы.

Ванна меня успокоила. Я немного пришел в себя. Моя супруга также. О произошедшем разногласии мы желали поскорее забыть, и по этой причине больше не обмолвились ни единым словом.

Наш сын в тот злополучный день находился у родителей. Я отвез его им, перед тем как поехать с супругой в Москву. Утром я отправился за мальчиком, чтобы доставить его в школу. Однако сын, когда я заехал за ним, ни за что не захотел садиться в машину.

– Андрей, оставь Максимку, пусть немного отдохнет! – сказала мать. – Он плохо себя чувствует. У него вчера была температура. А в школу позвони, найдешь что сказать...

Я покрутился и уехал ни с чем.

Сын словно чувствовал что-то неладное произошедшее у нас в семье. Раньше он так себя не вел. Наверное, решение не вспоминать о случившемся мне давалось нелегко. Я, как ни старался скрыть свое состояние, не мог. У меня было много претензий к Светлане Филипповне. Я очень уж хотел ей многое высказать. Из-за нее я пожертвовал своей карьерой. Мне неплохо было бы поучаствовать пусть не в олимпиаде, но хотя бы в крупных состязаниях, например каких-нибудь спартакиадах. Но я замкнулся и никуда не выезжал. Я, конечно, спорт не бросал: занимался, даже Максимку, если была возможность, таскал с собой на занятия. Он тянулся вверх, и ему нужны были физические упражнения. Но все это было не то, не ассоциировалось с большим спортом. Олег Анатольевич, глядя на меня, лишь слегка поругивал, а должен

был ругать благим матом. Я застрял в домашнем хозяйстве. Мне не нужно было рассчитывать на то, что вот моя супруга защитится и уж тогда я все наверстаю! Нет, этого мне было не дано. Я отвык работать на пределе, отлынивал. Обещания Светланы, что после защиты я смогу заняться собой не оправдались. Она была занята еще больше. Ей дали возможность вести самостоятельно большие научные темы, а это отнимало немало времени. Она растрчивала его все – желала быть на высоте. Часто разъезжала по командировкам, оставляя меня и Максимку на произвол судьбы. Мне в воспитании сына помогала Татьяна и Михаил Крутовы. Еще, я часто при необходимости спихивал мальчика матери Любови Ивановне. Она, поработав после выхода на пенсию года два-три, решила отправиться на заслуженный отдых. Это мне было на руку. Я пользовался. Правда, мать недолго сидела на пенсии. Времена изменились, и она просто была вынуждена подрабатывать: на пенсию стало невозможно жить. Я – сын ей помочь не мог. Зарплата у меня стала мизерной. Моя супруга также не долго пользовалась прибавкой, положенной ей после защиты диссертации. Началась вакханалия. Я порой думал, не защитись Светлана, все оставалось бы как раньше. Но все это было не так. На наш век тоже должно быть послано свыше испытание – этим испытанием явилась перестройка.

Годы перестройки для многих людей были тяжелыми. Правда, не для всех. Николай Валентович часто возмущал-

ся и с презрением называл имена предателей. Особенно он ненавидел, так называемого Павлика Морозова. В происхождении тот разбирался, наверное, лучше всех.

– Дедушка революционер, его бы своими руками придушил, – говорил отец. – Не было у него чести. Иначе бы не разбогател.

Не мог Николай Валентович поступиться с совестью. Он первый заявил нам, чтобы мы не держали деньги в сберегательном банке, а израсходовали их. Я его не послушал. Наступил момент, когда вклады «заморозили» снять можно было лишь небольшую сумму. Мне дали денег немного, но их хватило на приобретение хорошего импортного магнитофона. Его купила Светлана у себя на работе. НИИ на то время приобрел статус акционерного общества, сотрудничал с иностранными организациями, и у него появилась возможность, минуя высокие государственные учреждения типа «Внешторг» сделать закупку самостоятельно. Правда, некоторое «шевеление», наблюдавшееся на отдельных предприятиях, оказалось после, лишь возней – видимостью подъема, роста экономики, но чуть позже произошло резкое их падение.

Мой отец Николай Валентович сменил всю обстановку в доме – выбросил старую мебель и приобрел новую, правда, эта была смена мебели «ДСП» на «ДСП». В будущем в моду вошла мебель из натуральных материалов – ценных пород древесины. Мой тесть Филипп Григорьевич совет свата при-

нял, и на свои деньги, снятые со сберкнижки, накопил телевизоров – штук пять и после лет десять их продавал. Они, эти телевизоры, были большими громоздкими и их у него покупали из-за того, что он не много просил. Денег у населения в то время не было. Инфляция их «съела».

Мой отец был очень уж советским, а еще старым. Он работал по инерции. Ему уже давно нужно было сидеть на пенсии, а он еще хорохорился. Правда, если бы он имел более высокое положение он бы, наверное, разбогател. Богатели люди из его окружения, находившиеся у денежных потоков. Некоторые, даже будучи очень советскими, вопреки своему характеру. Их использовали авантюристы, вдруг почувствовавшие вкус к новой жизни. Просто давали полные портфели долларов – втравливали. Они им были нужны на определенном этапе падения страны. Дальше, когда стало понятно, что возврата назад не будет ситуация изменилась.

Любовь Ивановна неожиданно для нас всех стала акционером машиностроительного завода – ей вручили несколько акций. Светлана также. Я был не удел. Мое учебное заведение было и оставалось государственным. «Ценную бумагу», так называемый ваучер я обменял на акции какого-то фонда, он просуществовал недолго, пропал, распался. Обычная махинация одного из родителей перестройки и всего лишь, сделанная для того, чтобы хапнуть наши денежки. Слова о том, что эта бумажка стоит больших денег и равноценна стоимости автомобиля «Волга», для меня не оправдались. Ни-

кто давать мне «Волгу» не хотел. Их скупали за бутылку водки. Алексей так и сделал, Филипп Григорьевич тоже и правильно иначе бы ничего не получили, оказались бы в моем положении.

В стране воспитывались низменные черты характера – животные на уровне инстинктов. На экране телевизоров появились новые программы, поднимающие на новый уровень эгоизм. Наш девиз один за всех и все за одного почерпнутый из известной с детства книги был напрочь забыт. Он вредил новому строю. Некоторые люди из верхних эшелонов власти готовы были спекулировать на чувствах народа. Везде и всюду стали звучать слова: «Зря мы в войне победили, зря – сейчас бы пили Баварское пиво и были бы все богаты». Фашизм стал культивироваться сверху – правительством. Он стал необходим. Его придерживали, не давали резко выделиться – занять господствующее место, но, тем не менее, его пропагандировали. Это было нужно, чтобы развалить страну. Страну развалили. Я об этом факте узнал неожиданно. Максимка тогда уже был большим – старшеклассником. Время от времени я после занятий заезжал за ним на «Жигуленке» и отвозил к родителям, затем снова отправлялся на работу в техникум.

Однажды я, забрав сына, подрулил к дому и остановился под нависшими ветвями каштана. Он тут же осыпал автомобиль почерневшими от первых морозов листьями.

Мы выбрались с Максимкой из автомобиля и отправились

в дом. На пороге я вдруг неожиданно столкнулся со сводной сестрой. Ее было трудно узнать. Черные глаза Инги были еще чернее. Она приехала вместе с маленьким сыном. Родила все-таки, подумал я. Родила, не смотря на трудное время. Захлебываясь от избытка слов, Инга принялась мне объяснять свое положение:

– Андрей, я не могу там жить, не могу! Мой дом уже не мой. Люди обезумели. Друзья, даже родственники, в прошлом добрейшие люди теперь готовы перегрызть друг другу глотки. Меня не может защитить даже муж. Он мне стал чужим. Мы днями спорим о том, чья раса главнее, его или же моя. Там я русская, а значит враг, хотя какая я русская? Вот ты, русский.

– По паспорту – да, по матери тоже, но по отцу – трудно сказать. Он, конечно, больше русский, чем... – и я задумался. Наш отец родился в месте смешения народов. В селе, где он жил было много русских, но хватало и украинцев, и белорусов. Были татары, евреи, грузины, молдаване и еще, я не знаю кто. Прадед был заядлым картежником, хотел назвать сына Валетом – причины такого обстоятельства мой отец не знал. И часто недоуменно говорил: «почему не назвал королем». Наверное, валет приносил ему удачу, выигрыш, поэтому. Поп не возражал, однако записал в метриках – Валент. После слезно клялся, что вышла ошибочка.

Валент жил вдали от родины. Он был отменным печником – клал печи. Печи его никогда не дымили и были долговеч-

ны. Жена у Валента была – молдаванка. Однажды она родила мальчика – моего отца и умерла. Его вырастила русская женщина. Этого оказалось достаточно. Я ни раз замечал, что в обществе русских людей, дети с ярко выраженными внешними чертами другой национальности с годами менялись и были неотделимы не только внутренне, но и внешне от живущего рядом народа. Что выдавало отца, так это смуглый цвет кожи, который он приобрел, живя на юге, но за то он там стал интернационалистом и до конца своей жизни придерживался принципов равенства людей. Николай Валентович не любил копаться в родословной. Наверное, поэтому и ничего не рассказывал мне о своих родных.

Инга первый человек, который заставил отца задуматься. Он не сразу нашел выход. Я, не знаю, что Николай Валентович сказал, когда Инга предстала у него перед глазами, не присутствовал. Уже значительно позже я услышал:

– Дочь, живи у нас! Дом большой места хватит, – и он посмотрел на жену. Любовь Ивановна возражать не стала. Моя комната была отдана в распоряжение моей сестре и ее сына.

Инга прожила у нас в городке несколько месяцев. Я за это время узнал ее ближе. Мне было интересно с ней общаться. Еще я пытался найти сходство, сравнивая ее, и отца. Мне приходили на память слова Николая Валентовича: «А глаза, глаза у нее – мои!»

Порой я видел это сходство, порой ничего не находил и

недоуменно качал головой, высказывая свои соображения матери.

Несколько месяцев, которые Инга вместе со своим сыном, прожила в доме отца и моей матери Любовь Ивановны, подтолкнули Николая Валентовича, и он начал действовать – выбивать квартиру в Москве. Он давно имел на нее право. Сейчас она была просто необходима.

– Андрей, как ты думаешь, что, если я возьму квартиру и поселю в ней твою сводную сестру?

– Это будет просто отлично! – сказал я, и отец, загоревшись, принялся действовать. Мне трудно понять, как он сумел все перевернуть. Он прописал Ингу и ее сына в своем доме. Затем дом отец оформил как дачу. Николай Валентович не был бы Николаем Валентовичем если бы у него ничего не получилось. Ему помогло обаяние – это значит, ему помогли женщины. Они всегда рядом возле нас мужчин. Женщины не могли оставить своего любимца в беде и не оставили. Чуть более года потребовалось отцу, чтобы получить на жилье ордер.

У нас в городке, глядя на отца, только удивлялись такому стечению дел. Мой тесть еще раз сказал:

– Николай Валентович горы свернет. Я другого такого человека не встречал. У меня нет слов!

Моя сестра не сразу заняла квартиру в Москве. Ее муж прислал слезное письмо и стал просить Ингу приехать. Он винил себя и всеобщее помешательство, которое обуяло все-

ми людьми страны Советов. Однако я, прочитав его письмо, отчего то ему не поверил и сказал сестре, стоящей уже с чемоданами наготове:

– Инга, ты ему зря веришь! Я согласен, он так и думает, как написал, но он не крепок, он может изменить свое мнение. Толпа наплет на него, и он снова будет не твоим. – Еще, я чтобы ее поддержать добавил:

– Ты там, далеко, не забывай, каким был долгим для тебя путь к отцу, сколько прошло лет, прежде чем ты смогла сказать: «Здравствуй папа!» Мы всегда будем тебе рады! Приезжай!

Инга обняла меня крепко-крепко, и несколько подумав, притянула к себе и поцеловала. Возможно, она думала, что прощается навсегда. Я так ни считал и поэтому расстался с ней просто без слез.

Моя жена не смогла проститься с Ингой. Она задержалась на работе. Ждать ее было опасно: мы могли опоздать к поезду. Это еще был один симптом того, что моя сводная сестра должна была вернуться. Изменений к лучшему, тех на которые она надеялась, ожидать не следовало.

Наш отец был печален. Он не хотел отпускать дочь, мою сводную сестру даже после того, когда ее вещи были занесены в вагон, уложены, просил остаться. Но она рвалась на родину. Родина ее была там – далеко на юге на территории другого государства – чужого государства.

Николай Валентович запутался с квартирами. Вначале все шло хорошо, как надо, но после у него случайно появился завистник из администрации нашего городка, выбранный жителями. Уже практиковались, так называемое свободное волеизъявление народа – выборы и этот тип имел все черты свободного человека, то есть такого, который был готов сделать плохо, тому от кого его судьба не зависела.

Однако мой отец не долго ходил с грустным видом. Он был находчив и быстро нашел выход. Правда, для этого ему понадобился я. И не только я, моя жена Светлана Филипповна с сыном.

Положение с квартирами было осложнено тем, что дом в городке никак не подходил под дачу, как был освидетельствован благодаря напористости Николая Валентовича. Новый глава городка напирал и требовал пересмотра дела.

– Все, пропала квартира в Москве! – сказал однажды отец, – пропала, если я, что-либо не сделаю такое... – и он многозначительно крутанул головой.

– Я, должен ее получить! – выдохнул он. – Должен.

Наверное, неделю размышлял Николай Валентович, просчитывая в уме все варианты. Ничего лучшего он придумать не мог, как позвонить мне – сыну и попросить помощи:

– Андрей, приезжай вместе со своей семьей я хочу с вами

поговорить! Я, завтра вечером, жду вас. Вот так! – сказал Николай Валентович.

– А мать знает, что ты задумал? – спросил я.

– Знает! – ответил голос в трубке.

Я понадеялся на Любовь Ивановну. Она всегда хотела, чтобы я не был похожим на отца. Отличался от него, нет не лицом – поступками. Любовь Ивановна не могла разрешить Николаю Валентовичу экспериментировать со мной и со Светланой Филипповной. У нас ведь был ребенок – их внук – Максимка. Любовь Ивановна дала Филиппу Григорьевичу слово приглядывать за его дочерью. Она уже не была рядом, но соглашение оставалось в силе.

Наступил день, и я вместе с семьей забравшись в «Жигуленок» отправился навстречу с отцом. По дороге мы заехали в магазин – хотели купить хлеб – дома не было ни крошки, однако не смогли, нам повстречалась Валентина. Она отвлекла нас:

– Мы теперь живем отдельно от родителей, подфартило, – сказала женщина, – купили дом, да и еще, – вывалила она вдруг, взяв меня за пуговицу пиджака, игнорируя стоящую рядом Светлану: «Виктора уволили с завода, и он не может найти себе работу. Не знаю, что и делать. Андрей, помоги ему!». – Я, находясь рядом, ощутил странную дрожь в теле. Еле себя успокоил и тут же поспешил ретироваться.

– Валя, я работаю в техникуме и не могу ему помочь, ты же знаешь это! Вот моя жена, – я скосил глаза в сторону

Светланы, ища у нее помощи, – она работает в той же отрасли, в которой работал Виктор, наверное, имеет связи, может что-то и подыщет ему. Ну, пока! Нам нужно торопиться.

Но мы уехать так сразу не смогли. Валентина рассказала нам о причине увольнения Виктора. На заводе было плохо: зарплата стала мизерной, ее постоянно задерживали, порой не выдавали месяцами. Мой друг, да ни он один, так многие делали – стал таскать с завода, что можно и продавать тут же у проходной.

В сквере у них образовался произвольный рынок. Чего там только не было: электрики несли лампочки, патроны, розетки, вилки, провода и другую всячину; водопроводчики и сантехники выставляли краны, патрубки, прокладки, а мой товарищ не мелочился – вытащил на продажу сварочный аппарат. Он никогда вором не был – деньги были нужны. Его кормили обещаниями, что вот-вот дадут зарплату, не дали. Он мне после, когда мы встретились, так и сказал:

– Ну, сколько можно терпеть? Руководство виновато! Не мы исполнители должны заботиться о работе – они. Наше дело выполнять эту самую работу. Андрей, ты знаешь, что они говорят, ни за что не догадаешься... Потерпите немного! Вот, что они нам советуют. Пусть бы сами терпели. Ты бы видел, какие они заимели себе машины. С твоей машиной – «копейкой», которой уже, наверное, лет пятнадцать – не сравнить. У них шестисотые «Мерседесы», вот!

Отец нас встретил на крыльце и сразу же повел в дом. Ни-

колай Валентович о деле не говорил ни слова, молчал. Внука он отправил к бабушке – Любове Ивановне, а меня и Светлану Филипповну пригласил к себе в кабинет.

– Проходите, – сказал он, открывая перед нами двери, – здесь нам никто не помешает.

Николай Валентович не стал садиться в свое кресло, а завалился на диван. Рядом с ним устроилась моя жена, а мне пришлось сесть в кресло за массивный дубовый стол, хотя я и не хотел.

Отец выглядел усталым и очень постаревшим. Он раньше умел скрывать свой возраст. Наверное, время уже настало такое, когда это сделать невозможно. Или же он не стремился – того требовал предстоящий разговор.

– Я предлагаю вам развестись! – выпалил вдруг Николай Валентович и, не давая нам сказать, изложил свои мысли.

И я, и Светлана Филипповна молчали. То у нас было много всяких слов, а тут вдруг ни одного. Молчание длилось вечность. Не выдержал сам же Николай Валентович:

– Ну, вы что? Светлана? Андрей? Вы как жили, так и будете жить вместе. Ничего в вашей жизни не изменится.

У нас ситуация была не лучше, чем у моего друга Виктора Преснова. Его, заставив воровать, уволили с завода, хотя понимали, из-за чего он пошел на преступление, но не пожалели. И здесь отец не жалел ситуация того требовала. Еще не было приватизации жилья. Нам бы немного подождать, но ждать было невозможно. Это был самый лучший вариант.

Отец так и сказал:

– Я ничего иного придумать не могу. Страна разваливается. Инга уехала, но она приедет. Я это знаю. Да и вы знаете. Я должен ей помочь. – Он помолчал, поерзал на диване и сказал: – Мы должны ей помочь.

– А что скажет Филипп Григорьевич? – спросил я у отца. – Ты подумал?

– Да, я подумал. Я с ним разговаривал. Он выразился прямо: «Светлана, уже ученая. До каких пор ей быть папенькиной дочкой – пусть решает сама!».

У него самого трудное положение. Он не знает, что делать. Я его подталкивал. Но Филипп Григорьевич не решителен или же очень любит Марию Федоровну не может сделать шаг.

– Не только Марию Федоровну! – сказал я и посмотрел на Светлану.

За дверями вдруг неожиданно раздался громкий смех Максима. Даже толстые дубовые двери не смогли удержать его и пропустили. Смех больно резанул по ушам и заставил задуматься. Если честно, запись в паспорте ничего не решала. Родители Светланы Филипповны, она мне однажды сказала – Филипп Григорьевич и Мария Федоровна долгое время жили без штампа в документе, то есть фактически не были расписаны. И ничего страшного.

Николай Валентович торопить нас не стал. Дал нам время подумать. Мы должны были развестись в течение месяца.

Для этого нужно было придумать причину.

На слова отца по поводу причины моя супруга решительно сказала:

– Причина есть. Мы тут встретились с моей подругой Валентиной. Вот она и причина. Пусть будет нашей разлучницей!

– Ерунда, какая-то! – буркнул я в ответ. – Причина должна быть серьезнее.

– Ну, серьезнее не придумаешь! – снова сказала Светлана Филипповна. – Отец поднялся с дивана. За ним поднялась моя супруга, затем я.

Слова жены меня несколько выбили из колеи. Я не думал, что она ухватится за свою подругу. Светлана Филипповна порой бывала бесцеремонна, я ее жалел и не мог ей все сказать, что думал о ней, боясь причинить боль, она же, что думала, то и говорила.

Предложение отца нас взвинтило и заставило как-то иначе и меня и Светлану взглянуть на наш брак. Мы стали выискивать причины для развода. Не я – Светлана Филипповна вдруг напомнила мне, что я уже давно не ревновал ее к Анатолию Никитичу.

Я был проще, мне не доставало выдумки. Мы бы, наверное, никогда и не развелись, если бы не моя супруга. Светлана Филипповна вскользь информировала о разводе своего руководителя, не сообщив ему причину, и он, хотя и без того часто звонил к нам домой, тут просто обнаглел и не пропус-

кал ни одного вечера. Максим, подняв телефонную трубку, бежал через всю квартиру мимо меня и кричал: «Мама, мама тебя к телефону дядя Толя». Не знаю, что такое сказала Светлана, Валентине, но ее подруга, выпятив свою большую красивую грудь вдруг ни с того, ни с сего снова набросилась на меня. Наши пути не пересекались: я работал в техникуме, который вдруг отчего-то переименовали в колледж, а она на заводе – встретиться нам было сложно, а тут она чуть ли не каждый день стала мне попадаться на пути.

«Андрей, привет!» – слышал я ее звонкий голос. А однажды Валентина залезла ко мне в машину, прижала грудью и принялась просить меня о помощи.

– Андрей, ты же друг Виктору, помоги ему. Он никак не может устроиться на работу.

Отчего раньше работы было много, а теперь нигде не берут – все остановилось. Только в Москве можно что-то найти. Михаил тот молодец! Он сам бросил завод. «А что мне за него держаться?» – сказал он и пристроился в столице. Он ни капли в рот не берет, а мой, денег ни копейки, а каждый день пьяный! Я, ведь еще молодая, но скоро охладею, замерзну! – Валентина прижалась ко мне, и я задрожал, мелкой предательской дрожью. Она, недолго думая, обняла меня и набросилась с поцелуями. Я, как мог, уклонялся. Но Валентина – женщина была сильная и еще страстная. Мне трудно было противостоять, хорошо, что это происходило в машине, и рядом было полно народа. Едва освободился мой

рот, я сказал:

– Валя, постыдись! Мы же не одни! Вон уже в окна заглядывают, ты, что это вытворяешь?

Мы долго приходили в себя. Я рад был тому, что подруга моей жены успокоилась и уже не пыталась меня зажать. Перед тем как выбраться из машины она сказала мне на дорожку:

– Ну, раз поцеловались, вот делов! Твоя Светлана, наверное, со своим руководителем всюду зажимается и не стесняется.

Я не успел ничего ответить ей. Валентина тут же выскочила из машины, хлопнула дверью и быстро пошла по улице.

Причиной нашего развода явилась так называемая супружеская неверность. С суда я ушел возбужденным оттого, что не знал, Светлана Филипповна виновата или нет. Анатолий Никитич причем или же все это враки. Порой ее поведение позволяло мне сомневаться в честности жены. Она, подобного рода претензии, могла предъявить и мне. Кто-то меня из доброжелателей – свидетелей не раз видел вместе с Валентиной. А это для суда что-то да значило. Было мгновение, и нам чуть было не дали испытательный срок, чтобы мы попытались успокоиться и помириться, но Светлана Филипповна напряглась и выдала:

– Я, люблю Анатолия Никитича. Я, не желаю жить с человеком, который меня обманывает и с кем, с подругой – моей лучшей подругой! – Нет, Валентина не была ее лучшей по-

другой. Я сразу же успокоился и не поверил словам жены – Анатолий Никитич тут же отошел на второй план. Я Светлану Филипповну уже не ревновал.

Хорошо, что адвокат не вмешивался – не старался защищать, а судья не настоял – нас развели.

Из зала суда мы демонстративно разошлись в разные стороны, а вечером встретились дома. Разговаривать не хотелось. На душе было не очень приятно. Желание Николая Валентовича было исполнено. Он мог ликовать. Возможно, он бы и высказался о том, как мы это все ловко провернули, но отец был наблюдателен и не проронил ни одного слова. Только потребовал сообщить ему, когда документы будут готовы.

Я исполнил волю отца и прописался на их жилплощади, а отец и мать зарегистрировались в московской квартире. Сам Николай Валентович с Любовью Ивановной разводиться не стал, посчитал, что на старости лет такой финт ему делать не предстало. Мне можно. У меня вся жизнь впереди. Я еще мог все исправить – изменить положение. Правда, делать это тут же после прописки на новой площади мне нельзя было – нужно было выждать время.

Неделю, две мы молчали, не говорили о совершенном поступке. Будто ничего и не произошло. Это нас устраивало. Мы даже стали друг другу ближе. Анатолий Никитич разрешил Светлане Филипповне не выходить рано на работу. Работы как таковой уже не было. Институт работал по договорам, а этих самых договоров раз-два и обчелся.

– Что там торчать? – говорила мне жена. – Толку никакого.

Она нежилась в постели, а я, поднявшись чуть свет, бежал к себе в техникум. Его теперь стали обзывать по-новому – колледжем. Мне, конечно, было все равно, лишь бы платили деньги. Все семья жила на них. Я получал исправно, хотя и мало, но за то два раза в месяц. Светлана Филипповна порой плакалась:

– Я, старалась, защищала диссертацию, а толку? Никакого!

Мне успокоить ее было трудно. Она ценила свой труд деньгами, а их не было. Я жену не упрекал. Не было необходимости. Она стала меня все чаще подменять в работах по дому. Подготовка еды, уборка, стирка и еще многое из того, что нужно было делать, чтобы содержать квартиру в порядке супруга взяла на себя.

Правда, я не долго наслаждался подобной жизнью. Скоро

ей это все надоело. Она стала молчаливой и не разговорчивой. Я пытался влезть ей в душу:

– Зорова, – спрашивал я у нее, – ну, что ты себя мучаешь? Разве мы виноваты в том, что произошло? Идет третья мировая война. Необходимо мобилизовать себя и победить в ней. – Я тут же вспоминал трудный эпизод из жизни моего отца, он рассказывал нам девятого мая в годовщину победы над фашистами о переправе через Вислу, весной сорок пятого года. «Детские забавы, игры, дающие навыки кататься на лыжах, коньках, играть в мяч, лазать по деревьям, плавать бывают очень необходимы в жизни. Я очень доволен тем, что не боялся воды, однажды мой товарищ тонул, и я его вытащил из омута – вытащил оттого, что отлично плавал, – говорил Николай Валентович, – и это мне пригодилось. Лед быстро накрыли минами, он глыбами громоздился на поверхности воды, того и гляди, раскроит тебе голову». – Сейчас ситуация была та же. Кто был крепок духом, тот должен был выплыть. Остальные, как Виктор Преснов, отец Михаила, мой родственник Алексей Зоров и еще многие знакомые мне люди шли на дно – спивались.

Я знал Светлане Филипповне – фамилия Зорова, не нравилась, но я использовал ее, для того чтобы разозлить и вывести жену из равновесия. А еще я был не виноват. Она сама после развода не захотела остаться Асоковой. Я, думаю это из-за Валентины. На кануне суда подруга что-то ей такое сказала про меня и на мгновенье вывела из себя. Мы после

помирились, но изменить уже ничего нельзя было. Отсюда в прошлом Зорова снова стала Зоровой.

Мои увещевания не помогали. Даже то, что я акцентировал внимание жены на ненавистной когда-то ей фамилии она уже так, как раньше, не воспринимала ее. Я зря надеялся на чудо. Зря. Мне не удалось поднять жену. Она опускалась все ниже – на дно. Зоров ее брат тот еще сильнее толкнул Светлану Филипповну в пропасть апатии и ничегонеделанья. Алексея выгнали с работы, он рассорился с женой и своей тещей, запил. Я часто видел его у себя дома. «Родственнички» наводили на меня уныние и грусть.

На подвиг, неординарные действия мою супругу толкнул Филипп Григорьевич – ее отец. Он спас положение. Мой тесть, хотя и согласился на развод дочери, но отчего однажды попросил у нее документ, затем долго его крутил в своих заскорузных руках, а потом, прочитав, бросил прямо в лицо дочери и выкрикнул:

– На, забери эту филькину грамоту! – хлопнул дверью и уехал. После я его у нас дома ни видел. Обиделся тесть, да еще как.

Филипп Григорьевич приезжал в город, но к нам не заходил. Он, если останавливался, то у моих родителей – Николая Григорьевича и Любови Ивановны. Я не понимал тестя и спрашивал у жены:

– Света, что случилось? Почему твой отец вдруг так резко изменился? – Моя супруга молчала. Пожимала плечами, а

порой плакала. Раз несколько Светлана Филипповна ездила в поселок. Я порывался отправиться с ней вместе, но она не разрешала. Я, так думаю, хотела поговорить с отцом наедине, без свидетелей.

Филипп Григорьевич не показывал вида, что он в ссоре с дочерью, но вел себя странно. Мария Федоровна, я не раз наблюдал, делала попытки примирить мужа и дочь, но напрасно. Однажды, ей приснился странный сон. Она недоумевала и рассказывала его всем и каждому, пытаюсь понять: «Значит, было это за огородами на совхозном поле, я и баба Паша, – говорила она, – жнем среди ржи в низине высокую молодую траву. Я сжала и вдруг смотрю, едет объездчик. Ну, думаю, все попались. Сейчас оштрафует. Бабе Паше подаю сжатую траву и кричу ей, чтобы она пригнулась – она пригнулась я и проснулась. Баба Паша то мертвая, царство ей небесное. Это, не зря. Кто-то умрет... И непременно молодой – трава молодая! Непременно молодой! Непременно!» – Я, выслушав ее сон, тогда сказал: – «Мария Федоровна, все обойдется! Кому умирать?».

Много позже я вспомнил о словах Марии Федоровны, пытался их привязать к произошедшим событиям, но у меня ничего не получилось. Жизнь оказалась значительно сложнее ночных галлюцинаций.

Мне не нравились отношения между женой и ее отцом. Что-то должно было произойти. Я был наготове. Однако о случившемся задумался поздно.

Однажды я находился у родителей Светланы в гостях – заехал за мешком картошки – мы ее уже тогда не покупали, да и не только ее, но и еще многое другое: морковку, свеклу, капусту – все, что можно было взять с огорода, и застал своего тестя возбужденным. Мне он показался странным. Таким его я ни разу не видел. Он же когда Мария Федоровна отправилась на огород еще за чем-то, вдруг неожиданно обратился ко мне.

– Андрей, ты отвезешь меня в Москву? – Я ему отказать не смог и утвердительно кивнул головой. Он тут же бросился в дом и притащил чемоданчик. Этот самый чемоданчик был старый-престарый. У меня сразу же мелькнула мысль, что с ним, наверное, Филипп Григорьевич возвращался с войны и задержался здесь в поселке, а вот сейчас зачем-то достал.

Мой тесть уехал тихо. Пока Мария Федоровна толкалась на огороде, он забрался в машину, успокоился и на слова жены, притащившей и бросившей в багажник сетку с капустой: «Ты, что это залез? Вылезай!» – ответил: «Я хочу немного проводить Андрея! Что нельзя?», – «Можно!» – недоуменно ответила Мария Федоровна и махнула на мужа рукой.

Филипп Григорьевич часто твердил, особенно если бывал пьяным: «Все, все брошу и уеду! Я не хочу больше здесь жить. Я не хочу, чтобы меня покарал Аллах. Он все видит. Все!» – У моего тестя давно было в мыслях – уехать. Его поступок, когда он вдруг забрался в салон автомобиля, меня не встревожил. Я, отчего то был уверен, что Филипп Григо-

рьевич быстро одумается и потребует остановить «Жигуленок». Но он этого не сделал. Сидел и молчал. Молчал, даже тогда, когда мы выбрались из поселка и покатали по широкой трассе. Я решил везти его к Николаю Валентовичу и Любове Ивановне, после отправиться к себе домой. А там будь, что будет.

На повороте к дому родителей Филипп Григорьевич вдруг ожил и потребовал:

– Здесь налево! – Я выполнил его просьбу. Теперь у меня не было сомнений – действия моего тестя серьезны. Мне, отчего-то тут же припомнились слова отца: «Филипп Григорьевич давно рвется уехать и разобраться. Для многих там, на родине твой тесть еще не вернулся с войны. А пора бы уже и поставить точку. Что есть, то есть». Давнишний коленкорый чемоданчик с бельишком и медалями был прихвачен Филиппом Григорьевичем не зря.

Я не знаю, возможно, то, что мне пришлось поучаствовать – отвезти отца Светланы Филипповны на вокзал, возымело действие, и после апатии у моей жены появилась непонятная мне злость: она вдруг вспомнила, что мы в разводе. Еще одной из причин явилось одно мероприятие – встреча Нового года у Крутовых – Михаила и Татьяны, где я перед Светланой Филипповной предстал не в лучшем виде – это из-за того, что на том вечере присутствовала Валентина. Она фигурировала – была одним из героев, вернее героинь в «романе о разводе», пусть и фиктивном, но на мою жену воздейство-

вала, что та красная тряпка.

На том вечере Валентина взяла меня в оборот. Она была зла на своего мужа Виктора Преснова. Едва поздоровавшись, Валентина тут же с порога мне и Михаилу сообщила: «Ваш дружок валяется пьяный в стельку. Ему ни старый год не был нужен, ни Новый год, вот так!»

Что я мог после припомнить – ее приставания были вульгарны. Я чувствовал себя неловко. Однако отчего-то не пресек ее действия и тем самым обидел супругу.

Плюс Анатолий Никитич приложил руку. Я думаю, что он Светлане Филипповне очень часто напоминал о разводе, говорил, что она должна вести себя несколько свободнее, а не быть привязанной к дому.

Это все возымело действие. Светлана Филипповна была женщиной деятельной, в душе лидер, а лидер должен находиться впереди – на баррикадах. Я не сумел ее «завести». Валентина «завела». Зорова снова рвалась в бой. Правда, меня рядом не было. Она одна несла стяг победы, одна. Злость, вызванная ревностью, заставила Светлану Филипповну изменить свою жизнь. Ей трудно было заниматься домашним хозяйством. Оно ее тяготило. Я сто раз считаю, что если бы моя супруга и изменила мне, когда-либо, то только из-за бездействия, апатии, на грани жизни и смерти. Бездействие для нее было этой самой смертью.

Новый год был прекрасен. Он был показателем жизни наших друзей: Михаила и Татьяны. Доходы Михаила Круто-

ва позволили им сделать в квартире прекрасный ремонт, поменять наш советский телевизор на импортный, купить видеомэагнитофон, музыкальный центр и даже начинавший заполнять интерьер помещений зажиточных людей – компьютер. На кухне мы порадовались новым приспособлениям – механизмам, необходимым в быту, как объяснила Татьяна – миксеру, соковыжималке, пластиковому чайнику и электрической мясорубке.

Стол был прекрасно сервирован. Все было, начиная от сырокопченой колбасы, сыра Пармезана, дорогой рыбы, оканчивая маслинами – двух видов с косточками и без. Я даже заметил маленькие бутербродики с икрой. В то время это был уже неповторимый шик.

Наши друзья сумели тронуть души незрелых гостей – голодных, давно уже истаскивавших по нормальной еде. Многие уже не один год питались в основном различного вида кашами. А тут такое благополучие. После того, когда желудки были приятно нагружены не только отменной едой, но и прекрасными винами Михаил запустил музыкальный центр. Он все сделал, чтобы продемонстрировать нам его возможности. Вот тогда Валентина и ухватила меня. Она до конца вечера не отпускала. Мне было неудобно танцевать только с ней. Первоначально она должна была дать мне возможность, хотя бы для приличия потанцевать с супругой. Подруга меня моей жене не отдала.

На следующий день я пытался до мельчайших подробно-

стей буквально поминутно воссоздать в памяти тот вечер. Но сделать это мне не удалось, я же не видеокамера в паре с телевизором. Возбужденность от близости Валентины «запортила мне пленку» – «на корочке» в пикантных местах – одни пробелы. Однако, что бы там ни было я и Светлана вышли из гостей вместе. Спали отдельно.

– Ты, пьян! – сказала мне жена. – Тебя ждет диван. – Я возражать не стал, хотя нужно было. Мне бы настоять. Я не настоял и тем самым еще сильнее отдалился от нее. Отчуждение началось именно в тот момент, когда я, вытащив из гардероба постельные принадлежности, осторожно, хотя сына не было дома – он находился у бабушки и дедушки – отправился на диван.

Жизнь наша дала трещину – изменилась. Светлана Филипповна теперь не нежилась на постели. Она снова, как и раньше еще затемно поднималась с постели и торопилась на работу. Я знал, работы у нее нет. И она это знала. Но Зорова как ей не было трудно – держала дисциплину. Она все делала, чтобы найти эту самую работу. И нашла. Я это понял тут же, когда однажды увидел ее обшаривавшей книжные полки. Она искала книги – учебники для обучения итальянскому языку. Скрыть ей от меня ничего не удалось. Я, не дожидаясь, когда она спустится вниз по лестнице тут же спросил:

– Зачем тебе дался этот итальянский?

– Надо! – ответила Светлана Филипповна. – Анатолий Никитич заключил соглашение с итальянцами. Я думаю, что че-

рез месяц, другой меня ждет командировка в Италию.

После поездки в Италию Светлана Филипповна предстала передо мной, и я не узнал ее. Передо мной была чужая женщина. У меня не было желания жить с нею вместе. Она стала другой. Другой ее сделала эта самая Италия. Она о ней только и говорила. Там все было лучше. Олег Анатольевич не раз бывавший за границей сказал мне, что сейчас для нас «заграница» – это уровень и спокойствие той бывшей нашей развалившейся страны. У нее ностальгия о прошлом. Это должно пройти, пройдет. Я успокоился. Но зря, ностальгия не прошла.

Однажды я не выдержал и сказал Светлане Филипповне:

– Ты отца – Филиппа Григорьевича обидела, а теперь хочешь и меня выставить за двери – все делаешь, чтобы я уехал. Я уеду! – и принялся собирать вещи.

– Максим, – обратился я к сыну. Он тогда уже был можно сказать достаточно взрослым – заканчивал среднюю школу и мог ответить сам за себя. – Ты, как со мной или же хочешь остаться с мамой? – Максим не долго думал, решил с матерью ему будет лучше. Он паренек был практичный. Светлана Филипповна привезла ему из-за границы много подарков. Я думаю, что эти самые подарки его и прельстили. А еще я был к нему очень требовательным, часто контролировал, а Максим желал свободы. Получить ее он мог, находясь с матерью. Она часто и подолгу отсутствовала – дома не бывала.

– Да, я с мамой! – ответил мне Максим и опустил вниз

глаза.

– Ну, хорошо! – жестко подтвердил я его выбор и, собрав вещи, переехал к родителям.

Николай Валентович и Любовь Ивановна недоумевали. Но не выгнали меня, приняли. А что они могли сделать. Я их сын. К тому же я был прописан ни где-нибудь там, в микро-районе, а здесь в доме дорогом мне с детства. Этот дом, если я и Светлана продолжали бы жить вместе, помог бы нам. Я только его и чувствовал своим, разрывался: микрорайон – старый город. Сейчас мне было хорошо. Здесь на меня с каждым прожитым днем снисходило умиротворение, хотя я и был разочарован. Зеленые глаза Светланы уже не горели желанным огнем. Она была не моя.

– Не переживай Андрей! – успокоил меня отец. – Все еще образумиться. Побудь один и реши для себя, что тебе нужно.

Не знаю, каким образом стало известно Валентине о моем переезде к родителям, возможно, Светлана при случайной встрече с нею, не желая того сообщила Пресновой, а та нашла возможность навестить меня в колледже и, разыскав после окончания занятий, посочувствовала:

– Андрей Николаевич, – сказала она очень уж официально, – в жизни не всегда все гладко. Я ведь тоже одна. Да, одна! – повторила Валентина и часто-часто задышала. – Мой..., – она хотела сказать муж, но не сказала, – твой друг спился. Я его выгнала. – Она помолчала немного, а затем, уходя, сказала:

– Одиноко мне. Очень одиноко. Зашел бы вечером как-нибудь, а? – Я ничего не ответил. И не мог, я весь дрожал. Меня тянуло к Валентине. После ее ухода я позвонил матери, сообщил, что поеду, съезжу, повидаяю Максима и Светлану. – Тебя, что, не ждать? – услышал я голос Любовь Ивановны и ответил: «Не ждите». – Вечером я забрался в свой старенький «Жигуленок» и поехал в микрорайон. Я должен был увидеть Светлану. Она должна была меня вывести из состояния прострации – спасти.

Легко и проворно я взбежал по лестнице, поднялся на третий этаж, достал ключи – они у меня были с собой, я их не оставил, долго стоял у двери, словно раздумывая, затем толкнул ключ в замочную скважину. У меня ничего не получилось. Замок, отчего то оказался другим. Ключ просто не подходил. Я принялся с остервенением давить на кнопку звонка, за дверью кто-то завозился. Однако дверь мне никто так и не открыл. Я плюнул тут же на пол и от обиды бросился по ступеням вниз. Меня в этом доме – квартире никто уже не ждал. Не хотел ждать!

Нервно, со злобой я забрался в «Жигуленок», долго сидел ничего не предпринимая, затем завел двигатель и поехал по пустынной улице. Я не знал, куда мне деваться. Дома меня уже не ждали. Мне, отчего-то тут же сразу пришли на память слова Валентины: «Одиноко мне. Очень одиноко. Зашел бы вечером как-нибудь, а-а-а?» – я решил, поеду к ней. Дорога была длинной. Я долго петлял по городку. Что-то меня

сдерживало: не мог найти дом Валентины. Он был простым обычным – деревенского типа. У нас в городке много было таких. Я не раз бывал в нем. Меня когда-то с собой водил Виктор. Я уже было хотел свою затею бросить, но тут вдруг свет фар вырвал его из темноты, уперся прямо в окна, «Жигуленок» стал как вкопанный – правая нога уперлась в педаль тормоза помимо моей воли. Минут пять я сидел не двигаясь, затем выключил свет, машинально выполнил необходимые действия, чтобы заглушить двигатель, вылез из автомобиля, закрыл его. На меня дохнуло холодным ветром и захотелось тепла. Мелькнула мысль забраться снова в машину – нет. Она уже остыла. Да и от ее тепла мало будет толку. Я перешагнул через палисадник, подобрался к окну, осторожно пальцем постучал по стеклу. Скоро в доме радостно вспыхнул свет, на шторах я увидел соблазнительные тени, затем отодвинулась штора, и в окне показалось лицо Валентины:

– Кто это? Кто это такой? Не ужели ты! Я сейчас. Иди к двери! – Я не заставил себя ждать и тут же торопливо бросился к калитке, вошел во двор и поднялся на крыльцо.

Дверь открылась, я тут же провалился в темноту. Женщина не стала включать свет. У меня за спиной, она резко задвинула засов. Я, понял, Валентина меня оставляла надолго, на всю ночь, а может быть и на всю жизнь. Я не знал, хотел я того или нет. Но не сопротивлялся. Валентина, не давая мне времени на раздумья, тут же завладела мной. Я не помню,

как оказался голым, в чем мать родила. Еще – было жарко. Большие груди Валентины стояли у меня перед глазами. Они плавно двигались вперед, назад. Я сторел на ней, упав лицом на них. Свет погас. Темнота взяла меня в плен. Я уснул сном младенца, ничего больше не желая. Даже нового дня. Жизнь остановилась. Я не желал приходить в себя. Зачем? Зачем?

Филипп Григорьевич уехал и ни слуху, ни духу – пропал. Мой отец Николай Валентович тоже рвался отправиться туда – на юг. Инга ничего не писала. Мы получили от нее только одно письмо и все. Отец не находил себе места. Раньше он был спокоен. Тогда было другое время. Сейчас его многое в этой жизни расстраивало. Он работал на последнем издыхании.

– Я все-таки еще съезжу в командировку! Съезжу! Сейчас на юге весна в разгаре. Я давно уже не видел весну – южную весну. Она совершенно не такая как у нас.

Я не понимал, как он мог пробить себе поездку. Это было возможно раньше, а сейчас тот завод, куда он время от времени отправлялся в дорогу, был заводом другого государства.

Николай Валентович, не был бы Николаем Валентовичем, он нашел возможность через своих женщин еще раз побывать в родных местах. Любовь Ивановна собирала его в поездку с неохотой. Она словно предчувствовала что-то не ладное. «Жигуленок» прежде чем завестись долго чихал, пыхтел.

– Андрей, я же опаздываю, постарайся, сделай что-нибудь!

Я покопался в двигателе, и мы поехали. Дороги были за-

биты. Трудно пришлось, но я доставил отца на вокзал. Он обнял меня и тут же отправил домой.

– Все будет нормально, не нужно меня сажать в вагон. Я, сам.

Он крепко пожал мне руку, отвернулся и быстро побежал по платформе. Я немного постоял, посмотрел ему вслед и отправился в обратную дорогу – домой.

Прошла неделя, другая мать не находила себе места. Я ее успокаивал, хотя мне также было не по себе. Однако отец вырвался – приехал. Был вечер. Мать накрыла стол. Раскладывая столовые приборы, она вдруг уронила нож и охнула:

– Не к добру это! – услышал я ее слова.

– Нет, ты не права. Это означает, что мужик придет, – сказал я в ответ, и мы услышали, как на улице громко хлопнула калитка. Я тут же подхватился из-за стола, набросив на плечи куртку – еще было прохладно – весна не вступила в свои права – и выскочил посмотреть, что случилось, кто пришел. Мать, недолго думая, тут же последовала за мной.

Мы смотрели на него и не узнавали. Николай Валентович был не здесь – далеко-далеко. Любовь Ивановна, как увидела, так и запричитала. Я, не смел даже подумать, что она так может плакать. Инга бросилась ее успокаивать. Мальчик стоял рядом и тоже плакал, не понимая происходящего, тер кулачками глаза. Я подхватил его на руки и сказал:

– Идемте в дом. Идемте, нечего стоять на холоде. – Мои слова возымели действие и мать, затем отец и Инга сдвину-

лись с места, за ними следом я с мальчиком.

Мне было жалко отца. Он крепился, не говорил того, что произошло. Инга за его спиной не удержалась, и открылась нам.

– Я, там чужая, – сказала она. – Мой муж он снова другой. Жизнь теперь не та, что была раньше. Люди друг другу враги. Хорошо, что отец меня забрал. Я бы там пропала!

Отец умирал, таял на глазах. Мы это видели и пытались его поддержать. Мне казалось, что он так просто не сдастся. Николай Валентович был сильным, всегда сильным. Я, возвратившись с работы, заставлял у его постели Ингу. Она пересяживалась на край кровати, а мне уступала стул. Мы подолгу сидели рядом у постели отца. Он редко молчал, больше говорил и говорил, словно боялся не успеть рассказать нам что-то важное. Мать, заглянув в комнату, уходила, оставляя нас втроем. Минут через пятнадцать-двадцать она приносила стакан чая. Чай она заваривала на травах, взяв у кого-то из друзей рецепт.

Отец, выпив стакан чая, на время набирался сил, после чего даже пытался встать, но встать не мог. Чуть ли не каждый день к нам заходил врач. Он выслушивал Николая Валентовича, многозначительно качал головой, и, успокаивая то отца, то нас говорил: «Все будет хорошо!» – затем тихо уходил.

Однажды мать не выдержала и выскочила за врачом на улицу.

– Ну, что вы все многозначительно качаете головой, выписываете какие-то ничего не значащие рецепты, Вы считаете, что Николай Валентович умрет?

– Я, не Бог! – ответил врач. – Не мне повелевать, кто должен умереть, а кто жить. Ваш муж плох. Его словно через жернова пропустили. Все внутри перемолото. Что будет, то будет!

День был прекрасен – воскресенье, выходной. Я не работал, копался на дворе в своем «Жигуленке». Он был слаб, как отец. Карбюратор барахлил. У отца отказывали почки, печень, сердце – сильно поколотили. Я его врагов иначе как фашистами не называл. Везде всюду были они эти самые «наци» – бритоголовые. И только у нас в городке жизнь была спокойна, оттого что у нас не было денег. И откуда им взяться – завод стоял. Там, где они были, там и был фашизм, крутились похожие на людей странные типы.

Машина, не человек. Я наладил свой автомобиль, а вот отца уже никто не мог спасти. Никто.

Забравшись в салон «Жигуленка», я завел его и минут пять-десять погонял двигатель, затем поставил машину в гараж и заглушил ее. Выбравшись из гаража, я, закрывая ворота, увидел Алексея. Он также заметил меня и от калитки направился в мою сторону. Подошел. Лицо у него было одутловато. Глаза покрыты туманом. У них не было блеска. От Зорова сильно пахло спиртным. Мы пожали друг другу руки.

– Андрей, я был у вас там, в микрорайоне, стучал-стучал в дверь, мне никто не открыл. Соседка вышла, сказала, что квартира продана. Сейчас в ней никто не живет. Новые хозяева делают ремонт. – Он вопросительно посмотрел на меня и добавил: – Что-то случилось?

– Наверное, случилось, если квартира продана, я не знаю. Мы со Светланой разбежались. Она с сыном живет отдельно, – я помялся и направился в сторону дома. Зоров пошел следом. У двери я его подождал и запустил вовнутрь. Затем предложил раздеться – снять куртку и уж, затем пройти в комнату. Алексей не понимал в чем дело. Тишина в квартире его насторожила. Он, раскрыв рот, хотел что-то громко сказать, но неожиданно поперхнулся и ничего не сказав замолчал, лишь по-рыбьи черпал воздух.

– Отец болен, – сказал я. – Иди за мной. – И повел Зорова в кабинет.

Николай Валентович лежал пластом – неподвижно.

– Что с ним? – шепотом спросил Алексей. Я ничего не сказал, а лишь пододвинул один из стульев. Он сел, и я тут же устроился рядом.

Отец открыл глаза и посмотрел вначале на меня, затем на Зорова. Кивнул ему и неторопливо выдавил из себя:

– От Филиппа Григорьевича что-нибудь слышно, есть какие вести? – и сам же ответил:

– Нет, я вижу, нет никаких вестей. Пропал он. Фашисты его убили – религиозные фанатики. Это они все. Я думал,

что мы их победили в сорок пятом, – видно ошибался. Они снова рвутся взять реванш. Это все связано с религией. – Он помолчал, затем снова продолжил: – Раньше у нас была одна вера – в счастливое будущее – коммунизм. Нет теперь ее этой веры. Нет, у народа желания быть одинаково счастливыми. Я не понимаю, зачем мне христианское счастье или мусульманское. Не нужно и иудейское... – Не желаю я непременно – своего счастья. Мне необходимо – народное счастье. Не буду я ради своего счастья убивать людей. А они ради своего – перегрызть всем глотки готовы. Что за люди? И люди это?

Николай Валентович говорил все тише и тише. Его голос угасал. Я быстро подхватился со стула и побежал звать мать и сестру. Они, заслышав шум моих шагов, тут же появились в дверях. Любовь Ивановна взглянула на меня и все поняла.

Мы стали прощаться с Николаем Валентовичем.

Последние слова отца были адресованы мне:

– Андрей у тебя все будет хорошо, я это знаю, – прошептал он и затих.

Слова отца меня успокоили. Я ему верил. Он не мог сказать просто так, лишь бы что-то сказать. Перед смертью не лебезят – режут матку правду. Что есть, то и говорят или, что предчувствуют. Я убедился в сказанном несколько позже – не прошло и года.

Инга плакала. Я не слышал, чтобы так плакали. У меня во рту вдруг все высохло. Слов не было. Только из глаз катились слезы. Алексей стоял не в силах был сдвинуться. Одна

мать не растерялась. Она закрыла рукой Николаю Валентовичу глаза, перекрестила его и бросилась звонить в больницу и еще друзьям.

Мне они – друзья Николая Валентовича были мало знакомы. Они у нас редко бывали. Отец делил одна сфера – работа и другая сфера – дом. Дома он редко кого привечал. Порог переступало мало людей, и еще, если и переступали, то не преднамеренно – случайно.

На звонок матери быстро без задержки приехала «карета скорой помощи». Врач тут же констатировал смерть и написал соответствующую бумагу.

Похороны состоялись через три дня. Я, и подумать, не смел, что у отца столько много друзей, товарищей, хороших знакомых. Один был даже из богатых. Это он когда-то нашел Николая Валентовича и вызвал к себе в Москву. Я понял все сразу из первых его слов. Он прикатил на мощном джипе и принялся распоряжаться. Из машины выгрузили много самых разных свертков, контейнеры с салатами, коробки со спиртным. Денег этот богатый не пожалел. Матери было неудобно. Однако она с трудом, но противостояла ему.

– Я делаю все, что могу. Мне хорошо был известен Николай Валентович. У меня, лучшего друга не было, – сказал богатый.

– Но я вас совсем не знаю, – услышал я голос матери. – Не беда. Давайте познакомимся, – сказал плотный широкоплечий мужчина в черном добротном костюме, и я подумал,

если бы не причина – похороны отца – он бы приехал в малиновом пиджаке, не иначе.

Через какой-то час-два у дома – яблоку негде было упасть – стояло множество разнообразных черных машин.

Кроме богатого благодетеля мне на помощь пришел Олег Анатольевич. Он занимался простыми, но важными делами: договорился о месте на кладбище, нанял рабочих копать могилу, заказал венки. Любовь Ивановна ничего делать не могла, была не в состоянии. Она с заплаканным лицом принимала соболезнования. Однако мать все-таки нашла в себе силы и удержала «руку дающую» – нашего благодетеля. Наверное, из-за этого похороны прошли благопристойно. Он сбавил свой пыл. Любовь Ивановна сказала ему прямо без обиняков:

– Мой муж не был этим..., – и многозначительно pokrутила рукой, шепотом добавила, – мафиози или же... – Друг отца понял и извинился, сказал, что он тоже не мафиози, просто хотел как лучше.

На похоронах у Николая Валентовича присутствовали отдельные представители из министерства и еще, вдруг неизвестно откуда прознавшие, отцы города. Я пригласил Виктора Преснова. Он был трезв, пришел с родителями Ниной Михайловной и Василием Владимировичем. Валентина у нас в доме появилась позже, отдельно от мужа. Она вела себя несколько странно. Я уже после узнал – женщина была беременна. Побывал и Михаил Крутов с женой Татьяной

Полнушкой. Я не удержался и спросил у друга:

– А где твой отец и мать?

– Отца я не пустил. Ты же знаешь, он любитель выпить. Мать без него не пошла. – Однако тот сына не послушался и несколько позже, но пришел. Он долго и со слезами громко говорил о Николае Валентовиче, о его добрых делах.

Николай Валентович себя показал в городке с хорошей стороны. Он многим помог. Просто так – по-соседски.

Я на похоронах увидел вдруг тетю Надю. Она меня остановила и принялась отчитывать.

– Извини меня старую! Я понимаю, не время. Но когда я еще смогу с тобой поговорить? Когда?... Вот. Так что слушай. У тебя такая работа. Ты же на виду. Ты должен быть как твой отец – царство ему небесное, – сказала тетя Надя и перекрестилась. – Не бросай ребят. Тащи их в спорт. Молодежь спивается, уже колоться начинает. Да, и еще, что я хотела тебе сказать, помоги своему другу – Виктору, помоги! Не дай ему скатиться в пропасть. Посмотри, как он поглядывает на бутылки. Как бы не напился? Он тихий, упадет где-нибудь, и будет лежать, но какого осознавать его родным – алкаш – опустившийся элемент.

Отца захоронили на местном кладбище. В этот день неожиданно, вдруг, пошел дождь, хотя в начале погода была солнечной. Весенний день, отчего то сменился – стал осенним.

Николай Валентович не был аборигеном – уроженцем, од-

нако никто из горожан не смог бы ему сказать: «Ты, не наш». Мой отец, как могучий дуб врос в эту землю, глубоко пустив корни и его было не выкорчевать. На года.

Народу пришлось проститься много. Я, как ни пытался увидеть Светлану Филипповну, не увидел. Она не знала о смерти отца, и поэтому ни приехала. На вопросы соседей: «А где же ваша супруга?» – Я отвечал: «Она в Италии, ничего не знает, и быстро добавлял, не дожидаясь нового вопроса – и Максим – сын тоже с ней».

Я ошибся лишь в отношении Максима. Он готовился к сдаче экзаменов в институт и сидел безвылазно дома. Во всем остальном мои слова на сто процентов были правдой.

На похоронах моего отца, Алексей Зоров, находясь в последние минуты жизни у его изголовья, вышел из себя. Вид у него был такой, будто это его кладут в могилу. Мне пришлось мужика отвезти в поселок. Я его сдал Марии Федоровне. О его судьбе – он, наверное, ее предвидел – я узнал через несколько дней.

– Несчастный мой мальчик! – причитала Мария Федоровна. – Несчастный... не зря мне снился сон, не зря! Как сейчас помню, я сжала пук зелено-презеленой травы и отдала ее бабе Паше... Царство ей небесное, – сказала она и перекрестилась. – Баба Паша зовет мальчика к себе.

Отец ушел в свой последний путь и дом опустел. Он не зря как-то сказал матери: «Ты ушла, пришла, посмотрела, а я здесь, дома лежу на кровати» – не было уже отца дома.

Смотри, не смотри – все напрасно.

Мне и матери было, наверное, легче – мы были единым целым. Мы держались друг за друга. Инга чувствовала себя обособлено. Любовь Ивановна для нее была можно сказать чужим человеком. Я Инге был братом. Меня она принимала – пыталась даже заговаривать со мной. Однако полностью не открывалась. Я ничего не знал о том, что произошло там – на юге. Мать также. Инга молчала или же плакала. Мы не скоро дождались от нее вразумительных объяснений. Мне в принципе они были не нужны – отца уже не было, а вот мать та хотела знать, во что бы то ни стало, всю правду. И она узнала:

– Любовь Ивановна, муж меня не отпускал. Роман он хороший. Вы не должны его ни в чем винить.

– Я, и не виню! – ответила моя мать. – Мне он, твой муж неизвестен, пока не довелось познакомиться.

– Это все его родня, – сказала Инга. – Родня – это клан. Он решает все. Я, для него – чужая – русская. Клан сам подвергался гонениям из-за меня. Я же русская, – снова повторила Инга.

– Какая ты русская? – не выдержала мать, – взгляни на себя в зеркало!

– Для них я русская! – потупила глаза Инга. – Отец выкрал меня и малыша – спрятал. Он попался, когда искал машину, чтобы мы могли перебраться в Россию... Мой муж здесь ни причем! Я, Романа не могу винить, не могу! – сказала Инга

и заплакала. – Он в этом во всем не участвовал.

Моя сестра Инга здесь в России была чужой. На родине ей также не было места. За кого она могла держаться – за Романа. Он сам был не в состоянии постоять за себя. Инге нужна была помощь. Она тянулась ко мне. Я это видел и не отталкивал ее. Однажды, она мне даже попыталась рассказать о том, как познакомилась с Романом – своим мужем.

– Я была еще совсем девочка. А Роман как сейчас говорят – крутой и красивый! – сказала сестра.

– Раньше крутых не было! – не выдержал и вмешался я. – Все были одинаковыми.

– У нас, крутые, всегда были, – просто ответила мне Инга. – У Романа денег было: куры не клюют. Он мебелью торговал, прекрасной дорогой мебелью – доставал ее в Москве затем переправлял к нам, находил пути.

– То же мне, крутой. Да он, обычный спекулянт! – сказал я.

– Ну, и ладно, он же не воровал, – ответила сестра. – Однако, не это главное, – продолжила Инга. – Роман меня не деньгами взял. Я и сейчас помню его первый поцелуй! О, что это был за поцелуй! – Больше я ничего от сестры не услышал. Она ударилась в воспоминания – я бы сказал – уехала к себе на родину – далеко-далеко. Я оставил ее, вышел из комнаты, хотел отправиться в гараж, но на крыльце неожиданно столкнулся с Людмилой.

– Здравствуйте Андрей Николаевич, здравствуйте, еле вас

нашла, – сказала она. – Добрые люди дорогу подсказали.

– Здравствуй Людмила, в чем дело, что случилось? – спросил я.

– Андрей Николаевич, помогите ему. Если не вы, он умрет! – и в упор взглянула мне в глаза.

– Кто умрет? – спросил я.

– Алексей Зоров, ваш зять, – ответила женщина и рассказала мне о случившемся.

Накануне, перед тем как все произошло, Алексей отчего-то отказался от стакана самогона. Людмила с большим трудом достала бутылку – взяла у Алисы в долг, толкала ему, слезно просила опохмелиться. А он, ну ни в какую, даже не пригубил, сказал, что ему плохо и отправился к себе – благо, что квартира рядом в одном доме. Дома, не раздеваясь, повалился на кровать. Мария Федоровна почувствовала неладное, подождала, думала, отлежится и поднимется – никуда не денется. Но он вдруг начал хрипеть и тогда она, вызвав «карету скорой помощи», прибежала к Людмиле. Подруга Алексея принялась тереть ему уши, бить по щекам. Чего делать не нужно было. У Алексея произошло кровоизлияние в мозг. Он бы умер, но тут подъехала машина, и Зорова отправили в больницу. С ним поехала и Людмила. Врач ей сказала: «Еще немного бы и его нельзя было вернуть».

– Хотя я и сейчас не очень уверена, что он отойдет, – сообщила Людмила. – Хорошо, если голова будет работать, а если нет, на всю жизнь дурак! Каково это?

Я пообещал Людмиле помощь, и она уехала. Не стала даже заходить в дом, торопилась.

Моя бывшая супруга нашлась неожиданно. Наверное, ей сообщила Татьяна Полнушка. Она поддерживала с ней отношения. Михаил по ее просьбе доставил информацию и о смерти Николая Валентовича и об ударе – парализации ее брата Алексея.

Светлана Филипповна приехала на иностранной машине. Ее привезли. За рулем сидел какой-то иностранец. Он почти совсем не говорил по-русски, отдельные слова: «привет», «спасибо», «до свиданье».

– Это Роберто! – бросила мне Зорова, прежде чем поздороваться, – познакомься.

Я назвал себя и пожал мягкую ладонь иностранца.

– Здравствуй, Андрей! – сказала Светлана Филипповна и, приподняв голову, взглянула на меня. Я тоже посмотрел на нее и поприветствовал. Нет, она приехала не для того, чтобы стать моей. Зорова была для меня чужой. Огонь ее глаз был не тем, который зажигал меня раньше. Я, если бы ходил в Дом культуры «машзавода» на танцы уже не заметил бы ее. Наше время ушло. Завод дышал на ладан. И все, что он построил, что начал возводить, но не успел, теперь рушилось, зарастало травой, бурьяном. Не было завода – не было и города. Не было людей. Не было зеленоглазой красивой девушки – моей невесты, моей жены.

– Здравствуй! – повторил я снова свое приветствие. – У

тебя я вижу все хорошо или как сейчас принято говорить – все «о кей». А у нас здесь все не очень... вот отец, Николай Валентович умер, и еще – Алексея, твоего брата парализовало. Он сейчас находится в больнице и не известно выкарабкается или... – я замолчал. Затем отвлекся: из машины вылез Максим. Он, как и Светлана Филипповна, выглядел не своим, я его ни сразу признал за сына, подумал, какой-то парень, наверное, один из молодых ранних специалистов, пролезших в хорошую многообещающую иностранную фирму. Но нет, оказалось, что это мой сын. Он подошел и мы поздоровались.

Зорова внимательно посмотрела на меня:

– Я хочу сходить на кладбище.

– Пошли, – сказал я. – А этот твой иностранец как же?

– Ничего страшного, побудет в машине, – ответила Светлана Филипповна и тут же что-то сказала ему.

– Си, си. Я понимаю! – ответил Роберто.

– Максим, пошли, ходим к дедушке на могилу! – Сын повиновался и отправился за нами – мной и матерью следом.

Я шел впереди, за мной Светлана Филипповна, последним плелся сын Максим. Мне было тяжело осознавать, что шедшая за мной женщина – мне уже не жена, сын Максим далек от меня. Нас ничто не связывает. Я спешил выполнить свою миссию и расстаться с ними.

Мы прошли до конца улицы – асфальт окончился, затем свернули на грунтовую дорогу в сторону огромных тополей,

на ветвях, которых чернели грачи. Я ступал осторожно, на дороге были лужи, и можно было промочить сапоги. Назад я не смотрел, делал вид, что мне все равно. Однако это было не так.

– Да подожди же ты, – вдруг, неожиданно закричала мне Зорова. – Ты что не видишь, на мне модельные туфли. Я не трактор и не могу, как ты месить грязь. Дай мне руку!

Я подождал свою бывшую жену и подал ей руку, и почему-то припомнил свои рассуждения из далекого прошлого – молодости – руки это, что оголенные провода, мы, сцепив их, способны чувствовать друг дружку, понять. Но отчего-то понимания не было. На руках у нее были перчатки. Я не чувствовал желания вести эту чужую женщину к отцу на могилу и готов был столкнуть ее в лужу – выместить свое отвращение – пусть знает, но я не посмел, так как был сыном Николая Валентовича. А еще рядом находился Максим. Какой я подам ему пример.

Могилка отца находилась на пригорке. Она вся была закрыта венками и поэтому сразу же бросилась мне в глаза. Мы поднялись вверх и остановились. Я молчал. Зорова тоже. Максим нервно теребил в руках вязаную шапочку. Я не выдержал – развернулся и стал спускаться вниз. За мной буквально скатилась Светлана Филипповна, и если бы я не сдержал ее своим телом, наверное, упала бы. Она сильно упечталась в меня. Я почувствовал ее. Зорова мелко-мелко дрожала. Еще мгновение и мои руки мне были бы не подвласт-

ны. Чертовы перчатки – она так и не сняла их.

Светлана Филипповна резко оттолкнулась от меня и снова стала чужой.

– Ой, я чуть не забыла! – сказала она. Я увидел у нее в руках шикарные цветы. Она достала их из сумки.

– Это цветы из Москвы – города, где Николай Валентович проработал долгие-долгие годы. Я купила самые лучшие.

Зорова, взглянув вверх, на черных траурных птиц, сидящих на ветвях огромных тополей, снова продолжила свой путь к могиле Николая Валентовича. Я ей не помогал. Лишь только наблюдал, как она неуклюже поднималась вверх, а затем спускалась вниз, пытаясь не свалиться.

Мы шли с кладбища медленно. Спешить было не куда.

– Мне всегда была памятна мечта твоей матери, ее желание жить в Москве, – сказала Светлана Филипповна. – Она мне импонировала, наверное, поэтому я после приватизации продала нашу квартиру, ту, что в микрорайоне и купила, ну, конечно, не такую – один к одному, но приличную – однокомнатную.

– В Москве? – спросил я.

– Да, в Москве! – ответила Зорова. – Она нас с Максимом пока устраивает.

Моя бывшая супруга старалась держаться крепко. Мы вышли на твердый грунт. Ее шаги были размерены. Ноги она ставила уверенно. Ей уже не нужна была моя помощь. Однако я все-таки уловил что-то такое, что меня заставило усо-

мниться в ее уверенности. Так часто бывает – пол добротен и крепок, но где-то, словно невзначай, нет-нет, и скрипнет предательски половица – покажет слабинку. Все было хорошо, но прошлое, наше прошлое нельзя было вычеркнуть. Вот так просто взять и вычеркнуть. При разговоре, словно невзначай я увидел вдруг скатившуюся слезинку. Пусть эта слезинка предназначалась Николаю Валентовичу – отцу, но я был его сын, а значит и мне.

Итальянец встретил нас спокойно. Он ждал безропотно. Когда мы подошли, увидел нас и заулыбался. Но я строго взглянул на него в упор, и он уга.

– Что с Алексеем? – поинтересовалась Зорова. – То, что с ним случилось серьезно?

– Серьезнее не бывает, – ответил я. – Его организм много претерпел. Ты же знаешь, в катастрофу попал, не один месяц находился в госпитале. На него оказало влияние сотрясение мозга. Ему нельзя было пить. А он последнее время довольно сильно «нагружал» себя. Надежда его выгнала, в курсе?

– Да-да, я знаю, – ответила Светлана Филипповна, – я знаю, – еще раз повторила она.

На машине крутой иностранной мы не поехали.

– Здесь не далеко! – парировал я приглашение моей бывшей супруги, кивнувшей на автомобиль. – Пусть твой итальянец покараулит.

– Он не мой, – нервно ответила Зорова. Я ничего не сказал. Промолчал.

Перед тем, как отправиться в больницу я повел Светлану Филипповну в ближайший магазин.

– А, это зачем? – спросила она, представ перед витриной, затем вдруг опомнилась, – ах, да, – и уставилась на полки.

Она не знала, что было необходимо Алексею. Я покупать ему ничего не собирался, если бы был один, тогда другое дело, а тут пусть Зорова сама для брата постарается, раскошелиться. Она чувствовала неудобство, и чтобы от него избавиться – сорила деньгами.

– Андрей, как ты думаешь?

– Бери, бери! – тут же говорил я. – И она покупала. Если не для Алексея, то для Людмилы купленный товар мог стодиться. Она дневала и ночевала с Алексеем в палате, была у него сиделкой, а порой и санитаркой. Завтраки, обеды и ужины в больнице были скудными, и без передач из дома нельзя было обойтись.

Больница состояла из нескольких корпусов и располагалась в бору среди редких огромных сосен. Место было хорошее, несколько в стороне от городка. Чем ближе мы подходили к корпусу, тем беспокойнее вела себя Зорова.

– Да, не переживай ты! – сказал я.

– Да, как же не переживать? Он мой брат, а я его можно сказать бросила. Мне бы не полагаться на одну Людмилу, а самой сидеть возле него!

– А кто тебе не дает? Я могу все это устроить!

– Ах, не говори глупости! Ты же знаешь, у меня работа!

Я, как никак заместитель генерального директора фирмы – фигура значимая!

За разговором мы довольно быстро подошли к нужному корпусу больницы. Я открыл дверь и пропустил вперед Светлану Филипповну.

– А нас пустят? – спросила она.

– Пустят! Сейчас, все стало проще. Никому нет ни до чего дела, – ответил я. – Нам даже халаты не нужны. Чужих – здесь не бывает. Кому нужно, здесь болтаться по коридорам, дышать затхлым воздухом – гнильем. Хорошего – в больнице мало. Кругом нищета.

Зорова еле поспевала за мной. Я не бросал Алексея и часто навевался, помогал Людмиле.

– Так, вот мы и пришли. Это, – я ткнул пальцем в дверь с номером «6» – есть его палата! – Светлана Филипповна неожиданно вся напряглась – я это почувствовал.

– А ну посторонитесь, – раздался вдруг, чей-то грубый голос. Я тут же среагировал, а Зорова нет, и мне пришлось ее столкнуть с пути – рядом толкая тележку, провезли больного.

Я для приличия постучал в двери палаты и тут же открыл ее, подтолкнул свою бывшую супругу вперед, а затем вошел сам. Палата была небольшая. В ней должны были лежать шесть человек. По документам она была заполнена полностью – на самом же деле лишь частично – были больные не лежащие – они приходили на процедуры, а после отправля-

лись домой. Я как-то раз не удержался и спросил у одного – он собирался уходить:

– Вы, куда? Разве не проще находиться здесь – кормиться и получать лечение.

– Нет, не проще! Здесь, хорошо умирать, а не лечиться! А если не верите, то – добро пожаловать к нам, – сказал он.

Алексей был положен в больницу умирать. Я не верил в сны. Считал, что Мария Федоровна не права. Однако, таская Зорову передачи, общаясь с Людмилой и часто приезжавшей Марией Федоровной, стал склоняться к мысли: Алексей, не жилец. Его состояние было плохим, можно сказать очень плохим.

Светлана Филипповна брата не признала. Он лежал лицом к Людмиле, сидевшей рядом на соседней кровати и спиной к двери. Она его не угадала и после того, когда увидела. Взгляд у Алексея блуждал. Он не мог его сконцентрировать на каком-то отдельном предмете или на ком-нибудь из присутствующих в палате. Нас не было. Не только нас, но и Людмилы.

– Это не Алексей! – сказала Светлана Филипповна. – Нет, это не он! – И заплакала. Я с трудом успокоил ее, а затем отдал пакет подошедшей к нам Людмиле. Она его убрала в тумбочку.

– Ему сейчас пока ничего не надо! – сказала женщина.

– Надежда, приходила? – спросил я. – Ну, после того, первого случая?

– Нет! – ответила Людмила. – Он ей такой не нужен. Да он ей и здоровый не всегда был нужен! Правда, вот квартирой бабы Паши она неожиданно вдруг заинтересовалась. После ее смерти она по завещанию отошла Алексею. Так вот Надежда, во что бы то ни стало, желает получить свою долю. Она же не разведена с Алексеем – значит, имеет право.

– Ладно, не переживай, я найду к ней подход, поговорю, – успокоил я Людмилу. – Она от квартиры откажется. Будь спокойна.

– Поговори! Будь добр, поговори! – взглянув на меня, попросила женщина. – У меня на руках Алексей, в любой момент я его могу потерять, в любой момент... – и Людмила заплакала, сквозь слезы я услышал: – Сына я уже, уже потеряла.

Прошло время, прежде чем женщина мне рассказала, что же произошло. Случай, когда ее сын набросился с топором на Филиппа Григорьевича, и Алексей его остановил, оказался не единственным. Однажды парень со своими бритоголовыми захватил на улице и запер в гараже женщину с девочкой шести лет из-за того, что они были не русскими. Неделю отморозки насиловали женщин, а затем убили их и бросили в реку.

Действительность была тяжелой. Газеты пестрели подобными событиями. Жить многим людям было опасно и просто невыгодно. Хотя бы оттого, что не могли они себя прокормит. Легче умереть. Я недоумевал. Что случилось с огром-

ной страной, со всеми нами, – отчего мы вдруг неожиданно озверели. Пытался устоять, выдержать, хотя и трудно было – злость порой переполняла сердце. С этой злостью я отправился к Надежде и помог Людмиле, отбил все ее притязания на дом бабы Паши.

– Зоров, твой муж? – спросил я, и, получив утвердительный ответ, продолжил: – Ты, претендуешь на квартиру бабы Паши, которую он получил по завещанию, так? Отвечай мне четко и ясно, не юли!

– Так, – согласилась женщина, заслонив своей неизвестно от чего располневшей фигурой дверной проем, не давая мне пройти вовнутрь.

– Ну, раз так и Алексей тебе муж я завтра привезу его к тебе. Ты видела его, видела?

Этого было достаточно. Надежда здорово напугалась. Мои слова, что я привезу Зорова к ней, завтра, отрезвили женщину. Она не желала ухаживать за Алексеем, а видеть его рядом тем более.

– Не нужна она мне ваша квартира, – крикнула Надежда, – не нужна и не нужен мне такой муж. – Помолчала и добавила: – Эта, как ее? – Людмила пусть ее забирает вместе с ним, пусть подавится! Я уж как-нибудь, не обеднею. Обойдусь без ее подачек, хотя у меня на руках его дочь. Она уже невеста. Нужны деньги. У меня их нет. Я не смогу выдать ее замуж...

Зорову эта квартира была не нужна. Филипп Григорьевич пропал, мать жила одна – места хватало. Она была необхо-

дима прежде всего Людмиле. Москва для нее стала чужой. Особенно чужой после того, когда осудили сына. «Я его туда не отправляла, – сказала однажды Людмила. – Пусть сидит».

Отморозка защищал известный адвокат, нанятый фашистской организацией. Это он заставил сына Людмилы отказать от признательных показаний и взять вину на себя.

– Одному тебе дадут немного, я постараюсь, – сказал холеный адвокат. Он был прав. Сидеть бы сыну Людмилы пожизненно. Таких бы адвокатов сажать рядом. Чтобы не по-вадно было.

Алексей Зоров нас ни видел, ни слышал, ни понимал. Светлане Филипповне в больнице стало плохо. Я зря удержал ее от слез, может быть, она выплакалась бы и отошла. Еще минут пять-десять, и она бы упала в обморок. Я вовремя подхватил ее под руку и, попрощавшись, вывел свою бывшую супругу из палаты.

– Бедный-бедный брат, – шептала подобно матери Светлана Филипповна, – какая же у него нехорошая судьба.

На улице моя бывшая супруга успокоилась и пришла в себя. Я повел ее под руку к дому. Мы спустились с пригорка и оказались на окраине городка. Уже, когда мы вышли на улицу к воротам, она вдруг отстранилась от меня и пошла самостоятельно.

Я видел по ее глазам, она рвалась туда, где стоял ее автомобиль, желала, как можно скорее, уехать из городка. Светлана Филипповна уже была не моя Светлана. Она легко об-

щалась с итальянцем. Я ей даже позавидовал и, не удержавшись, сказал:

– А ты прекрасно владеешь языком! – на что она ответила: «А ты откуда это знаешь?»

– Я, это слышу. Ты, когда строишь предложения, не подыскиваешь слова. Они из тебя прямо сыплются, – помолчал и добавил: – Мне одно будет противно, если я, да и мои соотечественники, для тебя превратятся в этих, как их, – я на миг задумался, а затем, вспомнив искомое слово, сказал: – ах, да «рашей». Нашей бы стране, новой России, подобно Молдавии, переименовавшей страну в Молдову, заставить весь мир называть себя не рашами, а, например, руссиями или еще как-то, но не ... Наступит, я думаю, время и мы заставим себя уважать. Мы не будем перед заграницей пресмыкаться. Они для нас будут обычными людьми и не более.

Не знаю отчего, но мне захотелось вдруг сильнее уколоть бывшую жену. И уколол бы, если не был бы сыном Николая Валентовича. С трудом, но удержался. А ведь уже был готов. Мне достаточно было сказать бывшей жене о Филиппе Григорьевиче – ее отце. Из-за нее он уехал. Она была виновата в случившемся событии. Я не знал этого, но я чувствовал. Хотя бы из разговоров с отцом Николаем Валентовичем. Он что-то знал о судьбе Филиппа Григорьевича. Но умер и не сказал. Моему бы тестю съездить туда – на родину в спокойное время, а не в годы лихолетья – перестройки. Он был, как и мой отец, человеком, веровавшим во всеобщее счастье.

Отец не признавал ни христианства, ни ислама, иудаизм тоже отодвигал от себя. И из-за этого пострадал.

Идеи «наци» довели над страной. Это нужно было лишь политикам, чтобы нас разъединить. Я слушал их этих новых политиков и, как когда-то смеялся отец, сам смеялся над их амбициями. Они все еще витали высоко в небесах. Уже не было страны могучей и великой, а они взахлеб выдавали прошлое за настоящее. Да, эти самые политики были могучи – богаты, но это они, а не Россия. Страна с нищим народом не могла быть великой. Они политики должны были заткнуться и молчать, иногда говорить, когда это требуется, примерно так: «Есть дядя Сэм! Все будет исполнено дядя Сэм!». На что-то большее они не способны и никогда не будут способны.

Я долго смотрел вслед уехавшей машине. Смотрел не видящими глазами. Мое будущее было туманно. Предсказать его в тот миг я, наверное, не смог бы. Да и не нужно было. Что есть, то есть, что будет, то будет! К черту все катись. Не до жиру, быть бы живу.

Дни шли за днями, что те воробушки: прыг-прыг. Я жил как в тумане. По инерции ходил на работу, по инерции коротал вечера, ложился спать. На все я смотрел не видящими глазами. Виктору – своему другу я не помог. Забыл о нем. Ему помогла тетя Надя. Его состояние в то время было не лучше, чем у меня. Друг туман на себя напускал, выпив бутылку-две водки. Он был никому не нужен. Не только Валентине, она его выгнала, но и родителям.

Однажды, я все-таки внял словам тети Нади и отправился к Валентине поговорить с ней о Викторе Преснове. Где-то глубоко в голове сидела мысль: «Ну, уж если не его, то глядишь, меня приголубит».

– Не знаю я, где твой друг! – прямо ответила мне Валентина, и отрывисто, неустойчиво задыхалась, уставившись мне в глаза. Я не удержался и полез к ней. Она тоже прильнула ко мне, но всего лишь на мгновение. Жар той ночи вспомнился нам и обуял нас. С трудом, нехотя она оттолкнула меня. Я успел лишь слегка помять ее большие соблазнительные груди.

– Я, беременная! – мягко сказала женщина. – Мне уже нельзя. Но я благодарна тебе. Если бы не ты, меня уже, наверное, и не было бы на этом свете. Что эта жизнь? Зачем она? Мой сын уже взрослый. У него своих проблем хватает.

Муж, знаешь – «объелся груш». Мы, здесь в нашей стране, никому не нужны. Я так решила тогда в ту ночь, и если бы ты ни пришел, я не знаю, что бы с собой сделала.

– Ну, а сейчас, что изменилось? – спросил я, пытаюсь помнить ее.

– То и изменилось, что у меня будет ребенок! Вот! – ответила женщина. – Можешь послушать, и я опустился перед нею на колени, держась за крутые бедра, приложил ухо к животу. Рано еще было – месяца три-четыре не больше, и я поднялся.

– Он, и мой, наверное? – спросил у Валентины, осторожно трогая ее ниже талии. – Ты об этом не подумала?

– Да, как ты мог такое сказать! Было то всего один раз и всего. Он мой и ничей больше, запомни это. Запомни раз и навсегда! – и женщина, не давая мне больше ничего сказать, вытолкнула меня из дома.

Я отправился к себе. Из головы, желание помочь другу, тут же выветрилось, наверное, на улице было очень ветрено. Слова, пришедшие мне внезапно на ум и высказанные Валентине о том, что ребенок, которого она ждет – может быть и моим, не давали покоя.

Прошло время, и Валентина родила прелестную девочку. Меня она пригласила быть ее крестным отцом. Я согласился. На этом выяснения отношений об отцовстве девочки были прекращены. Я не заикался. Женщина тоже.

Тетя Надя без меня справилась – помогла моему другу

Виктору Преснову. Состояние, в которое он попал, его самого тяготило. Не сразу сумел Виктор обрести человеческий облик. Однажды мужик чуть было не замерз. Что его толкнуло – может по привычке, может, вспомнил молодость – добрался на автопилоте до студенческого женского общежития и принялся стучать. Другая бы вахтерша вызвала милицию и все, но тетя Надя разобралась.

– Виктор, ни как ты? – спросила она, лишь только на него взглянула. – Заходи! – Он зашел. Тетя Надя провела его к себе в комнатку. Обогрела. Дала горячего чаю.

Не раз заходил Преснов на огонек к тете Нади. Она усаживала его на топчан и подолгу с ним разговаривала.

– Мне бы работу найти, работу! Разве я не понимаю, что это не жизнь, понимаю!

Тетя Надя пристроила Виктора на работу, правда, не ахти какую, но в то время найти у нас в городе что-то путное было невозможно. Завод, можно сказать – стоял. Работал несколько дней в неделю и не полностью, а отдельные цехи.

– Ну, не беда, – сказал мне однажды друг, когда мы случайно с ним столкнулись на улице, – дворники тоже нужны. Так?

– Нужны, – сказал я. – Иначе мы все потонем в грязи. Будет чисто, в голове станут появляться разумные мысли. А раз так, то и кризис уйдет в небытие. Вот! – Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Жизнь без отца, была не жизнь. Трудно было. Мне его не

хватало. Я ждал, что вот однажды услышу его шаги, его голос, но нет, в доме была гробовая тишина. Взгляд у меня был тусклым. Я довольно часто вспоминал слова Валентины: «Что эта за жизнь, зачем она нужна?», а затем ее признание: «Я не знаю, что бы тогда с собой сделала». Жизнь мне, как когда-то Валентине, казалась пошлой. Я не видел в ней смысла, не находил.

Однажды мать не удержалась. Я собирался на работу: неохотно, вяло. Еле двигался. Это ее вывело из себя:

– Андрей! – сказала она. – Взгляни на себя. На кого ты похож? Что с тобой случилось! Ты же таким никогда не был. Я знаю, ты не отец. Николай Валентович любил женское общество. Среди мужиков он был мужик, а вот среди нас женщин кавалером. Оттого за Николаем Валентовичем и ходили женщины косяками. Он умер, а еще долго больше месяца они звонили, и передавали мне соболезнования, и я их принимала, как мне не было горько. А сейчас мне горько за тебя. Ты даже с одной женщиной не можешь справиться. Я знаю, Светлана тебя любит. Но ей тюфяк не нужен. Ты даже зарядку перестал делать! Очнись! – громко, необычайно громко бросила мне мать. – Очнись! Отец тебе поручил заботиться о сестре. Зачем Инге такой брат? Она мучается. Прежде всего от неустройства. У нее на руках ребенок. Ты должен ей помочь, ты должен помочь себе! Вот так!

Я отправился в ванную комнату, стал перед зеркалом и долго на себя смотрел. На лице заросли. Мне даже бриться

было лень. Я брился через день, а то и два. Может мать права: я такой никому не нужен. Валентина как на меня смотрела, как смотрела и та оттолкнула. Олег Анатольевич Физурнов напирал на меня, пилит – не зря. Да, я должен стать другим – другим, ни смотря, ни на что. Пусть я не нужен Светлане, но я сейчас как никогда необходим своей сестре Инге. Я должен ей помочь. У нее, благодаря отцу, есть в Москве квартира. Я ее перевезу туда. Устрою на работу – друг отца поможет – он мне обещал, пристрою племянника – сына сводной сестры в детский сад. Я все сделаю!

Для олимпиады, я знаю, уже не гожусь, но я вспомню свои былые заслуги – буду стараться. Зеркало передо мной. Оно не обманет – покажет меня, какой я есть и каким я стану. Я буду стараться. Виктор Преснов – мой друг и тот вылез, и я вылезу наверх – поднимусь на ноги. Вначале ради Инги и племянника, а там видно будет: нужен я себе или же нет – время покажет. И я начал с утренней зарядки. Я делал ее подолгу, неистово – со злостью. Но по мере того, как мышцы наливались силой, – злость уходила – я начинал ощущать радость. Эта самая радость заставила меня увеличить нагрузки. Я стал заниматься после работы – дома у гаража. Для этого мне пришлось привести в порядок свой, так называемый гимнастический арсенал. Я подремонтировал перекладину: поменял столбы, наждачной бумагой почистил штангу. Еще, кроме домашних тренировок, я как раньше стал больше внимания уделять занятиям в техникуме – студенты это

заметили, и скоро показали неплохие результаты. Это меня окрылило. Физурнов, наблюдавший издали сказал:

– Андрей Николаевич, я рад за вас! Оставайтесь! Я жду ребят. Жизнь сейчас трудна. Смысл ее непонятен. Но у меня квалификация – тренера, и я выполняю свои обязанности. Стараюсь выполнять! Что я тебе хочу сказать, перешел он на «ты»: приглядишься к моим ребятам, а затем, возьми и себе крепких, задиристых, готовых на все. Молодежь, она поднимает настроение. Она не дает раскисать. Я, глядя на них, вспоминаю, как сам рос, делал свои первые шаги в спорте. Стране нужны мастера, чтобы там ни было.

Я остался. Мастер-класс – Олега Анатольевича мне пришелся по вкусу. Однако, для себя я решил: ребят, таких как у Физурнова мне уже не найти – он всех подобрал. Я возьму девушек. Девушки проще. Для них спорт – обычная реклама, а не выезд на олимпиаду. Они ведь любят покрасоваться перед ребятами. На спортивных мероприятиях возможности не хуже, чем на подиуме и себя можно показать и успехи продемонстрировать.

Мне для этого нужно было время. Я, работал неистово, не покладая рук, сам, и студентов не жалел.

– Андрей Николаевич, ну, может уже хватит? – говорили они мне.

– Еще минут пять и хватит, – отвечал я им. Проходило пять минут, и урок заканчивался. Занятия для меня обрели смысл. Хандра меня уже не посещала.

Я успевал заниматься не только собой, но и в колледже все делал, чтобы поднять физическое воспитание ребят на нужный уровень, время от времени ездил на московскую квартиру Инги. Ей нужен был ремонт. Я переклеил обои, покрыл лаком полы. Остальное, я рассчитывал сделать после переезда Инги с сыном, но она сидела без работы и поэтому думать о переезде, до поры до времени, не следовало. Мать, наверное, первой заметила во мне изменения:

– Сынок, я довольна тобой. Теперь, помоги Инге. Одна женщина мается, бьется как рыба об лед. У нас она себя чувствует неудобно. За стол садится с неуверенностью, сына пытается накормить, а сама есть, что та мышка, чуть что отвечает: «Я уже ела». А где она ела. Я знаю, ей жить не на что. Отец, конечно, снабдил ее кое-какими деньгами, да они уже закончились. Нужно же что-то сделать! Пристрой ее куда-нибудь. Сама она устроится на работу не в состоянии.

– Мам, я не сижу, сложа руки, обзваниваю товарищей отца. Они должны нам помочь. Один уже из них, тот, который когда-то вытянул Николая Валентовича из южного города на работу в Москву, пообещал мне поучаствовать в трудоустройстве Инги.

Неделя потребовалась, чуть больше и моя сводная сестра была определена на работу в частную контору. Правда, для этого я съездил с нею в Москву – она города не знала – на собеседование. Мой «Жигуленок» я оставил в покое. Он был стар. В столицу мы отправились на автобусе, а затем на

метро. Олег Анатольевич меня подстраховал: он с удовольствием вызвался мне помочь. Еще неделю-другую назад он бы ворчал, не соглашался, но то тогда, когда я был опустившимся элементом, теперь у меня была сила – огонек в глазах – этого для него было достаточно.

– Андрей Николаевич! Раз надо, какие дела, поезжай!

В Москву мы отправились не сразу и не на машине, а пользуясь общественным транспортом. Прежде я, заставил сестру убрать из ее гардероба темные платья несвойственные нашим женщинам. Мать помогла Инге выбрать на рынке одежду, простую, не бросающуюся в глаза. Затем, я, зная о кознях бритоголовых, перед тем как выбраться из дома потребовал, чтобы сестра перекрасилась в блондинку и с помощью помады обелила лицо. После чего отвел ее к матери и дождавшись от нее слов: «Ну вот, теперь ты русская», сказал:

– Поехали. Москва ждет нас.

Собеседование прошло на высшем уровне: претензий не было, руководство все в ней устраивало. До выхода на работу мы побеспокоились, навели порядок в квартире, даже мать, хотя она и несколько натянуто вела себя с Ингой, не удержалась – помогла обустроить жилье. Еще я для мальчика нашел «детский сад». Это раньше были проблемы – стояла очередь. В настоящее время из-за дороговизны и падения рождаемости детские учреждения были пусты.

Я перевез Ингу в Москву на выходные. Тут уж без автомобиля было невозможно. Это удалось сделать не сразу. Мой

«Жигуленок» вытащить в люди было проблематично. В городке я его использовал, но и то нечасто. Он больше проставивал, чем ездил. Для Москвы автомобиль уже был не пригоден. Но он не подкачал и выдержал.

Мы вначале отвезли самые тяжелые и громоздкие вещи, остальное – это мелочи, я доставлял Инге на автобусе и на метро. Мне не раз пришлось курсировать между городком и столицей.

– Андрей, что бы я делала без тебя? Как ты меня выручил. Не забывай обо мне, я буду тебя ждать каждый выходной. У меня, ты знаешь, нет здесь друзей. Я в большой Москве одна. Папа, папа... – и Инга заплакала. Я не удержался и обнял ее. – Я, все помню, – сквозь слезы сказала сводная сестра, – не забыла, как ты меня лупил прутом, – я отшатнулся, – но я тебя прощаю, – сказала сестра, – прощаю за то прошлое. Что было, то было!

Несколько месяцев усиленной работы для меня не прошли даром. Я даже мыслить стал иначе. Моя походка изменилась: летал, а не плелся. Однажды меня увидела Валентина и загорелась:

– Андрей, приходи вечером! Увидишь, какая у меня прелестная девочка. Будут Крутовы Михаил и Татьяна Полнушка. Может, приедет твоя Светлана, не знаю, но я передавала ей свое приглашение.

Я пришел на вечер. Валентина окрестила свою малютку. Я ей стал крестным отцом, а Татьяна Полнушка – крестной

матерью.

Крещение проходило на дому. Приглашенная для этой церемонии женщина окунула младенца в ванночку с подогретой водой и прочитала молитву.

Прошло время, и Преснова повторила крещение дочери в церкви – она после ремонта была открыта для прихожан – однако я и Татьяна Полнушка, так и остались для девочки после Валентины самыми близкими людьми.

В церкви, я во время обряда чувствовал себя неуверенно, хотя мне и нравилась обстановка – запахи горящих свечей, голоса молящихся, сам я не испытывал желания креститься. Одна знакомая мне тогда сказала – не время, вот наступит – будешь креститься – еще как.

Я во многом походил на своего отца – атеиста. Мне, также, как и ему было понятно прошлое время. Я в нем чувствовал себя более уверенно. Все новое меня тяготило. Чего я не принимал из прошлого, считал нецелесообразным – это разрушение храмов.

Моя жена не раз меня упрекала в консерватизме. Да я был консерватором. Я как герой одной известной поэмы ничего не мог выбросить – прирастал и сердцем, и умом. Я и Светлану не мог выбросить из своей жизни, хотя она жила где-то в Москве – отдельно и не со мной. Вот мой друг Преснов, тот не простил своей жене своевольное поведение. Однажды, мы шли с ним по улице – навстречу нам Валентина катила колясочку с ребенком. Виктор остановился, заглянул в нее и

сказал бывшей жене прямо и жестко:

– Это, не моя дочь. Ребенок прелестный слов нет, но я в его рождении участия не принимал.

– А ты нам и не нужен! – ответила на его слова женщина. – Отец у нее есть – это Андрей, правда, крестный! Я думаю, его будет достаточно, – и Валентина посмотрела на меня.

Девочка, Валентину «оживила». Она изменилась. Стала снова энергичной и требовательной к жизни. Я, однажды, взглянув на нее, сказал:

– Валь, да ты и не стареешь, как та ягодка, тянет тебя скушать!

– Нет уж! Я занята! Вот моя любовь, в коляске лежит, сопит, глаза таращит, между прочим, на тебя смотрит! На тебя!

Однажды я пошел навестить тетю Надю. Не зря пошел. Она мне подала идею привлечь девчонок к занятиям спортом. Они приехали из различных мест учиться к нам в городок, чувствовали себя брошенными, и нуждались в заботе как никто. Их свободное время было отдано им – молодежная организация распалась. Я это понимал и должен был помочь девушкам правильно занять это самое время, чтобы удержать их в будущем от соблазнов – предложений сутенеров, предлагающих красивую жизнь, распространителей наркотиков, строящих воздушные замки во сне, а не наяву. Этого им не нужно было, я знал.

Тетя Надя мне помогла. Она многих знала и скоро благодаря ей, я создал свою группу. Время от времени совмест-

но с ребятами Олега Анатольевича я устраивал состязания. Они помогали сближению девчонок и ребят. Результаты были прекрасны. Однажды я не удержался и вышел с предложением к Олегу Анатольевичу:

– Как вы считаете: ни пора ли нам что-то предпринимать, нужно же и в свет выезжать, ни сидеть же все время дома.

– Я тоже об этом задумываюсь, – ответил мне физорг. – Раньше работала «система». Мы лишь подавали заявки на участие, и всего лишь. Она – рухнула. Новой еще нет. Однако делать что-то нужно.

Андрей, съезди в Москву в спорткомитет или еще куда-то, не знаю. Ну, на худой конец зайди в свой институт, в котором ты учился. Найди возможность – нам просто необходимо вывозить наших ребят на соревнования. Не следует вариться в собственном соку.

Я внял Олегу Анатольевичу и отправился в Москву. Мне не сразу удалось решить данную проблему. Не один раз я ездил, оббивал двери больших кабинетов. Отправляясь в столицу, я заезжал к Инге.

Надо же такому случиться в метро я вдруг натолкнулся в толпе на зеленые глаза. Они меня поразили. Я смотрел и смотрел, не отрываясь, пока на одной из станций толпа народа, набившись в вагон, не скрыла их от меня. На следующий день я подгадал время и поехал той же дорогой и снова я тонул в зеленых глазах и снова на станции, той самой, в вагон хлынул народ, я не оплошал, и успел приблизиться к

женщине – обладательнице этих очаровательных глаз. Правда, не настолько близко, чтобы можно было заговорить. Каково же было мое удивление – это была Светлана. Я не удержался и закричал на весь вагон:

– Зорова! Зорова! – но, она, оттого, наверное, что шум стоял в электричке невероятный, ничего не заметила.

Я снова с ней разминулся. А как хорошо было раньше. Дом культуры машиностроительного завода не вагон электрички. Я там мог смотреть на Светлану сколь угодно долго. Здесь было трудно обратить ее внимание к себе. Она даже на фамилию свою – кричи, ни кричи – ноль внимания. Ну, увидел я ее ну, и что? Зорова меня не видит. Наверное, не по-пути нам.

Я выполнил пожелание Олега Анатольевича. Горизонты раздвинулись. Мы стали вывозить своих воспитанников на состязания в города ближнего Подмосковья – далеко путь нам был заказан. Однажды побывали даже в столице.

В Москве, в метро я вел себя беспокойно – все глаза проглядел, пытаюсь увидеть зеленые глаза Светланы Филипповны. Но время было неподходящее. Олег Анатольевич заметил мое состояние и спросил:

– Андрей Николаевич, ты кого-то ищешь?

– Да разве здесь кого найдешь! – ответил я и отвернулся.

– Ты прав! – услышал я его голос. Народу, полно. День рабочий в разгаре, а все здесь, а не на заводах... Разве мы будем жить хорошо, когда никто не работает – все занимаются

одной торговлей и ничем более. Было бы хорошо, если бы торговали своими товарами, а то чужими...

Уровень состязаний, на которые мы ездили, был невысок. Но это для нас было не важно. Главное положить начало. Дальше, все будет. Успехи не заставят себя ждать. Далеко нам выезжать не приходилось. Для этого необходимы были большие деньги. Колледж их не имел.

Зеленые глаза моей бывшей супруги зажгли меня. Я чувствовал на себе ее взгляд и уже не мыслил себя без нее. Я искал встреч со Светланой, не только когда выезжал на соревнования в Москву, но и когда торопился, каждый выходной день к сводной сестре Инге.

Однажды мать, закрывая за мной двери, не удержалась и спросила:

– Андрей, ты что, снова торопишься к Инге?

– Да-да к Инге! – ответил я. – Хочу ее навестить. Она в большом огромном городе совершенно одна. Ей тяжело и еще скучно.

– Навести, навести, – сказала мать, а затем добавила. – Ты изменился, очень сильно изменился и знаешь, я думаю, что Светлана бы сейчас мимо тебя не прошла! Обязательно заметила бы. Вот так!

Я заулыбался и выскочил на улицу. Мать почувствовала, что меня интересовала не только сводная сестра. Где-то глубоко в сердце сидела мысль, а вдруг я увижу зеленые презеленые глаза Светланы.

Мое время было насыщено. Порой мне казалось, что я в понедельник отправлялся на работу, а в пятницу приходил домой. Как я не был занят, но находил возможность, чтобы, забравшись в свой «Жигуленок» отправится в поселок к Марии Федоровне, к Алексею и Людмиле. Они меня ждали. Я им был необходим. После исчезновения Филиппа Григорьевича на мои плечи легли заботы, о которых я раньше не знал. Мне пришлось, познакомился поближе с отцом Татьяны Полнушки из-за того, что у него была лошадь. Он, заимев лошадь, стал в поселке известным человеком: без него по весне нельзя было посадить огород. Для посадки огорода собирались две-три семьи. Сажали огород гуртом, так выражалась Мария Федоровна.

Однажды и мне удалось самому пройтись с плугом. Отец Татьяны Полнушки доверил. Он до того напахался, что еле переставлял ноги. Было это связано с тем, что в каждом доме после посадки огорода пахаря угощали. Ну, вот он и «доугощался» – лежал на пригорке и командовал:

– Андрей, ты ручки плуга приподнимай, бери поглубже, а вы бабы, – кричал невысокого росточка мужик, Марии Федоровне, Людмиле и своей дочери, на Алексея он не обращал внимания, хотя Зоров крутился рядом и пытался помогать: – сейте через борозду. Я пытался его поправить, кричал: «Са-

жайте через борозду». – Но отец Татьяны был упрям и принимался мне объяснять, что картошку сажают под лопату, а под плуг сеют. Ты взгляни, как это делает Алексей – он идет и не сгибаясь бросает ее из корзины вниз, в борозду. Это что он делает? – Сажает? Нет! Сеет!

Я рвался в поселок, надеясь на то, что могу увидеть там свою бывшую жену Светлану Филипповну. В Москве ее увидеть было просто нереально. Даже то, что я однажды в вагоне метро, как говорят сварщики, поймал «зайца» – натолкнулся на ее зеленые-зеленые глаза, ни давало мне уверенности. Встреча могла, и не состоятся. Миллионы людей...

Мария Федоровна не раз спрашивала у меня:

– Андрей, отчего это вы стали ездить ко мне по отдельности? Раньше всегда приезжали вместе. Да, и еще, что хочу я тебе сказать, ты обязательно поругай Светлану. Она уже давно не была. Прошлый раз мельком заглянула и уехала, даже брата родного не навестила. Это не хорошо.

Я смотрел на морщинистое лицо своей тещи и не знал говорить ей о том, что мы со Светланой уже давно разбежались: она сама по себе, а я сам по себе. «Нет, не буду говорить, – решил я. – Ей и так тяжело. Давно уже тяжело: муж Филипп Григорьевич пропал – ни слуху, ни духу; Алексей, сын не дает расслабляться». Он буквально тянул из Марии Федоровны жилы. Не один месяц Алексей Зоров жил в доме у матери, восстанавливался после кровоизлияния в мозг и парализации. Людмила хотела забрать Зорова к себе, в квар-

тиру бабы Паши, но Мария Федоровна настояла:

– Меня же люди не поймут, хоть и квартира бабы Паши это его, но пойми деточка я, не могу... Хочешь сама приходи к нам жить.

Людмила пришла. Мария Федоровна для нее и сына освободила комнату, убрав все лишние вещи, за исключением кровати. Я поставил ее с тещей одной стороной к стене, а чтобы избежать падения Алексея на пол, другую сторону оградил легкими деревянными планками, которые можно было привязывать тесемками к спинкам кровати. Для отдыха Людмилы из другой комнаты был принесен диван.

Мария Федоровна и подруга Алексея намучились. Зоров испытывал страх, мертвой хваткой цеплялся за все, что попадало ему по руку. Оторвать ее было невозможно. За ним приходилось, как за малым дитем менять простыни, памперсов не на что было купить. Пролежни возникали то там, то здесь, в ход шел детский крем и не только он, что попадало под руку. Одних присыпок требовалось невероятное количество. Людмила оказалась слабее Марии Федоровны, неизвестно из-за чего, возможно ей досталось там, в больнице, оттого она, порой, не выдержав, выскакивала из дома и бежала в квартиру бабы Паши и день-два не приходила.

Однажды Мария Федоровна заглянула на квартиру бабы Паши и увидела Людмилу вдрызг пьяной. Рядом тлела сигарета, выпавшая из пепельницы на ковер.

– Не ровен час, ты меня спалишь деточка, – сказала Зо-

рова и принялась будить Людмилу.

Алексей окреп, взгляд начал становиться осмысленным, зрачки часто приобретали устойчивое положение, закатывались все реже и реже. Однако просветления еще не наблюдалось, мозг работал нестабильно. Но уже были сдвиги. Мое ограждение перестало выполнять свои функции: Зоров, когда Мария Федоровна и Людмила отсутствовали по известным, им причинам легко преодолевал его и полз к выходу. Он желал ходить. И научился, для чего я ему по просьбе Марии Федоровны достал и привез из городка костыли. Они помогли Алексею. Но одно дело научиться ходить, а другое это делать осмысленно. Не раз, ухаживающим за Зоровым женщинам, приходилось туго. Не из-за чего он выходил вдруг из себя. Откуда только у больного мужика бралась сила. Все что попадало под руку летело за ними вдогонку. Мог и прибить. Однажды Алексей ухватил лопату и бросился за женщинами, они тут же разбежались в разные стороны и остановились. Зоров тоже стал и не знал, что делать то на мать посмотрит, то на Людмилу, затем плюнул, бросил лопату и пошел в дом.

Заговорил брат Светланы Филипповны лишь полгода спустя, после того как я с Людмилой привез его из больницы домой. Очень тяжело давалась Зорову речь. Правильно говорить он так и не научился. У меня часто было желание ему крикнуть:

– Да выплюнь ты кашу изо рта.

Мария Федоровна могла разбираться, но частично, и лишь Людмила сумела влезть в голову Зорова.

По привычке Алексей просил у Людмилы то сигарету, то выпить. Марии Федоровне посоветовали соседки заваривать ему полынь для очистки крови, и он, ощущая ее горечь, принимал отвар травы за водку. Я наблюдал, как Зоров поднимал стакан и затем эффектно опрокидывал его в горло, при этом кричал:

–Ах-х-х, кепкая залаза, – не выговаривая, говорил он, морщась и тряся головой. – До пиченок забилает.

Я отворачивался, чтобы не засмеяться и уходил прочь.

Алексей Зоров мог жить у Марии Федоровны сколь угодно долго, но после того, когда он поднялся на ноги, Людмила забрала его к себе в квартиру бабы Паши. Это было рядом, Алексей словно и не переезжал. Женщины часто приходили дружка дружке на помощь. Я выручал их тем, что доставал успокоительные лекарства. Алексей много их попил после возвращения из больницы. Без них он не мог спать. Не отдохнув, Зоров начинал безобразничать: бить окна, бросать на пол посуду, переворачивать стулья, даже чуть не разбил телевизор.

Однажды я вставлял стекло в окна, которые разбил Алексей и ненароком пожалел Людмилу:

– Да, такое, наверное, выдержать невозможно, – сказал я ей.

– Полностью согласна. Я бы не выдержала, если бы его не

любила. А потом я виновна, перед Богом и людьми. Виновна за то, что мой сын Григорий, никто другой, хотя я до сих пор не могу в то поверить, надругался над девочкой и ее матерью – изнасиловал их, а затем убил... – женщина замолчала, на время, а затем, подняв глаза, продолжила: – Бог дал мне Алексея для искупления грехов. Я его не брошу, не хочу возвращаться домой. Там, – Людмила махнула рукой в сторону Москвы, и я понял – в родном городе, – недалеко от нашего дома храм – есть куда ходить отмаливать грехи, но я не смогу там жить.

Людмила нашла себе место возле Алексея. Она ему была нужна. Все в жизни могло быть иначе, если бы брат Светланы Филипповны был бы везучим человеком. «У него вся жизнь наперекосяк», – не раз говорила Мария Федоровна. Так оно и было. Мне, правда, тоже хвалиться нечем было. Я Олимпийским чемпионом не стал. На работе получал гроши. Со Светланой у меня ничего не получалось: она жила сама по себе я сам по себе. Сын со мной отношений не поддерживал, а раньше боялся на шаг от меня отойти – крутился рядом.

Однажды я приехал в поселок – можно сказать, заскочил, Мария Федоровна сразу же после приветствия набросилась на меня и стала расспрашивать:

– Андрей, я давно хотела у тебя спросить, у вас, что две машины? Ты ездешь на нашей, а твоя жена с Максимкой на этой – черт, знает какой. У нее и руль не в том месте сто-

ит. Все ни как у людей! Да, она сегодня была. Вон продукты сгрузила и уехала. Вы должны были, наверное, встретиться, да разминулись. Что я еще скажу, она была не одна с каким-то иностранцем, называла его Робертом. Мужик как мужик, но не жилец по лицу вижу не жилец, хотя и не больной. Вокруг Светланы он и так и сяк, но та ноль внимания, но помыкает им, как лошадю: «На, неси пакет, а затем возьмешь вот эту коробку, да давай поскорее, не тяни время, нам еще нужно многое успеть сделать» – это ее слова точь-в-точь.

Я, хотел, было рвануть за Зоровой, но взглянул на свой «Жигуленок» и остался. Мне за ней было не угнаться. А еще нужно было поправить забор, потом меня просила Мария Федоровна помочь Людмиле, перебросать дрова в сарай – могли пойти дожди и намочить их. Алексей был не работник. Он ходил следом, набрав в руку блестящих камушков, где он их только находил, торопился отдать мне, при этом говорил: – Андрей, это золото, береги его, спрячь куда-нибудь.

Я делал вид, что собираюсь спрятать их, но стоило ему отвернуться, тут же выбрасывал.

Светлана Филипповна была неуловима, но я встретил ее, когда однажды ездил в гости к Инге. Побыв у сводной сестры, я, поздно вечером простившись с нею, отправился домой. Забравшись в метро, я бессмысленно, глазел по сторонам. И вдруг поймал на себе взгляд. Это была Зорова.

Я не ожидал. Москва город огромный и не реально без договоренности встретиться с человеком. Народу в электрич-

ке было немного. Мне не представило труда, поднявшись с кресла подойти к ней. Она тут же встала. И вдруг неожиданно прильнула ко мне, затем поцеловала. Такой встречи я не ожидал.

– Здравствуй Андрей! – сказала Светлана Филипповна. – Ты, мне нужен. Я, не могла просто так приехать к тебе, хотя изо дня в день собиралась. Но ты знаешь – жизнь такая суматошная – ничего не успеваешь сделать.

– Знаю! – ответил я. – Но, еще я знаю то, что ты можешь, если тебе, конечно, нужно – многое сделать. Вспомни, кто оттолкнул Татьяну Полнушку и сказал: «Оставь моего парня» – ты! – Зорова просто находилась в состоянии неведения и желала подобного шага от меня и ничего более.

– Да, я! – сказала она. – А сейчас мне трудно. Я не рассчитала свои силы. Максим, наш мальчик, неуправляем. Он очень похож на Николая Валентовича – охочий до девушек, но это еще, куда ни шло, если бы... – Зорова замолчала. – Я теряю его, – продолжила она. – У меня надежда лишь только на тебя! Поехали, ко мне, – сказала Светлана Филипповна, – или тебе нельзя, ты уже женат?

– Да, женат, женат на тебе. Наш развод ведь несерьезен. Так?

– Да! – ответила женщина.

– А как же твой иностранец? – спросил я, не удержавшись.

– Итальянец?

– Да, итальянец, – поправился я и резко взглянул бывшей

жене в глаза.

– Он, не мой! – просто, без оправданий и ужимок ответила Светлана Филипповна.

– Но тогда объясни мне почему, когда я однажды, увидев тебя в вагоне метро, кричал: «Зорова, Зорова» – ты не ответила мне, почему? Что тебе помешало откликнуться?

– Вот пристал, – шутливо сказала Светлана Филипповна, – я не Зорова. Как ты это не поймешь. Владимир Зоров – первый муж моей матери и отец моего брата Алексея, он пропал на фронте. У моего отца Филиппа Григорьевича фамилия – Ямаев. Вот так! Моя мать не была с ним расписана. Да и сейчас он официально для нее пропавший сожитель и всего лишь. Мне не понятно выражение гражданский брак. Гражданский – я считаю это когда в ЗАГСе... – она помолчала, а затем продолжила: – Я думаю оттого, что моя мать носила фамилию – Зорова. Официально Зоров был ее мужем, и я долгое время была Зорова. А теперь я – Ямаева. Пойми – Ямаева! – она сглотнула слюну и продолжила: – Ссоры у нас в семье были из-за меня. Я была папенькиной дочкой, а фамилия у меня была не его. Свой долг перед отцом я выполнила. У меня теперь его фамилия. Раньше это сделать было невозможно. Сейчас другое время. – Я опустил голову, задумался. Теперь мне все стало ясно, отчего Филипп Григорьевич в отношениях с Марией Федоровной был неуравновешен и часто после выражений любви, неожиданно мог выйти из себя и наброситься на жену словно зверь. Зверем

Мария Федоровна не зря его называла. Пусть и ласковый, и нежный, но зверь.

– Ну, ты как? Едешь ко мне? – перебила мои размышления Ямаева.

– Еду! – ответил я и тут же утонул в ее зеленых глазах. Она почувствовала и, схватив меня под руку, подтолкнула к выходу. Мы буквально выпрыгнули из вагона и двери закрылись.

Мы снова были вместе. Это главное. Нам было вдвоем хорошо. Максим должен был снова стать нашим сыном. Он, без меня успел приобрести незнакомые для меня черты. Я не знал, как сын меня воспримет. Все обошлось. Максим признал меня отцом.

– Пап, ты, что ли? – спросил Максим. – А кто же? – Я, конечно, – сказал я и потрепал парня по шевелюре.

– Ну, ладно вы оставайтесь, – сказал он. – Меня ждут, – и выскользнул за дверь.

Сын появился только утром. Ночь я провел вместе со Светланой: один на один. Мне трудно было начать серьезный разговор. Я оставил его на утро и то долго говорил ни о чем, потом, взглянув на часы, задал вопрос:

– Как ты думаешь, из-за чего мы разошлись? – и тут же сам на него ответил: – из-за квартиры, из-за нее. Да, квартира пригодилась. Сейчас в ней живет Инга, моя сводная сестра. Мой отец сделал для нее доброе дело, для нее, но не для нас с тобой. Ты, знаешь, мы могли и не встретиться! Хоро-

шо, что все случилось так, как случилось. Теперь нам нужно решиться на следующий шаг – исправить нашу ошибку – снова расписаться и получить документ о браке. Я не желаю быть сожителем, хочу находиться в гражданском браке. Правда, как и ты, я под гражданским браком понимаю наличие записи в свидетельстве и отметки в паспортах.

Ямаева Светлана Филипповна молчала. Я не выдержал и, приподнявшись на постели, заглянул в ее зеленые глаза. Глаза вспыхнули и погасли.

– Я согласна с тобой, – сказала она, – мы должны быть вместе. Наше – это соединение должно быть как-то отмечено. Но я боюсь потерять свою фамилию. Вдруг вернется отец...

Я, хочу сказать ему: «Папа, папочка, я твоя дочь я, – Ямаева, Ямаева, а не Зорова!» Так что, не торопи меня! – продолжила разговор Светлана, не торопи. Мне необходимо обо всем подумать. На выходные, не знаю когда в субботу или же в воскресенье, я приеду к тебе, и мы что-нибудь решим. Хорошо?

– Хорошо! – прошептал я, поднялся, следом за мной из постели встала Светлана. Я торопился.

– Выпьешь кофе? – спросила моя бывшая жена и убежала на кухню готовить напиток. Пришел сын. Я открыл ему двери и впустил в квартиру. Мы попили с бутербродами кофе, и я принялся прощаться, но уже прощался не с Зоровой, а с Ямаевой. Она поцеловала меня и отпустила. Разноса от матери я не боялся, еще вчера мне пришло в голову позво-

нить и сообщить ей о том, что я остаюсь на ночь в Москве. О встрече со Светланой я ей ничего не сказал, побоялся. Да она меня и не спрашивала. У нее в голове было одно – я у Инги.

Добравшись до дома, я хотел тут же убежать на работу. Однако, чтобы не обижать мать мне пришлось снова выпить кофе, хотя голода я не испытывал и лишь после отправиться в колледж.

День в колледже выпал суматошным. Я до того устал, что встреча со Светланой отодвинулась, отошла на второй план, а затем и вовсе показалась мне сном – иллюзией, похожей на действительность. Мук оттого я не испытывал – просто ждал. Выходные пришли и ушли. Их я потратил на свой автомобиль – копался в двигателе. Затем вдруг снова наступила суббота.

Мать была в недоразумении:

– Андрей, ты, что же к Инге не поедешь? Прошлый раз не был! И сейчас не собираешься.

Я не поехал бы, если только она не спросила – находился в расслабленном состоянии – в прострации, ожидая Ямаеву. Мать меня подтолкнула. У нее был такой взгляд, что я волей-неволей сказал:

– Как это не поеду? Я уже можно сказать собрался, – подхватился с постели и начал одеваться. Часа через два я уже был у Инги. Она меня ждала, едва я переступил порог, тут же со слезами бросилась ко мне на грудь. Мне никак не уда-

валось ее успокоить:

– Что такое, что случилось? Ты из-за того, что я не приезжал в прошлые выходные плачешь? Ну, не надо. Я исправлюсь, – шептал я, обнимая сестру. Но нет, причина была в другом. Сестра не стала меня упрекать за невнимательность – прошлые выходные, которые она была вынуждена провести с сыном одна.

– Андрей, я долго размышляла над прошлой жизнью и не перестаю себя ругать за то, что много времени провела рядом с отцом и не спросила у него самого важного. Я до сих пор не знаю, кто меня спас в далеком детстве. Я попала в больницу с серьезным диагнозом, находилась при смерти, и уже никто из персонала не надеялся на то, что я буду жить...

– Ну, что ты успокойся, то ведь было давно, не думай о прошлом. Я с тобой и в обиду тебя не дам. Поверь мне, никому не дам. Все будет хорошо, только успокойся, не плачь, – и я, достав из кармана носовой платок, стал вытирать у Инги с лица слезы.

– Андрей, ты не хочешь меня понять это очень важно. – Я замолчал, и Инга продолжила. – Моя мать уже не могла меня спасти: она падала от усталости, я вываливалась у нее из рук. И тогда какой-то мужчина в белом халате, его никто никогда в больнице не видел, ни кто о нем после ничего не мог сказать, подхватил меня у нее из рук и сказал, что позаботится обо мне. «Приляг на кровать, – сказал он матери, – приляг» – и она тут же впала в забытие, а я осталась на ру-

ках этого санитаря. Он целую ночь ходил по палате со мною на руках и утром, я неожиданно почувствовала облегчение, температура спала. Прошло время, и я выздоровела. И уже забыла, но вот вспомнила и целую неделю хожу сама не своя.

– Это ангел-хранитель! – тут же сказал я, чтобы успокоить сестру.

– А может отец?

– Может и отец, я не подумал, – помолчал, а затем спросил: – Ну, а мать твоя, что она о том случае говорила?

– Она находилась тогда в состоянии прострации, что она могла мне сказать. Она ни о каком санитаре и слышать не желала. Считала, что это моя выдумка и всего лишь. Но я не могла выдумать, не могла.

– Значит, это был отец. Он часто ездил в командировку на юг, туда к тебе на родину и возможно не найдя тебя и мать дома, разузнав о том, что ты находишься в больнице отправился проведать и оказался, кстати. А то, что он не дождался твоей выписки тоже понятно – командировка была краткосрочной. Он надолго никогда не ездил: туда и назад.

– Ты, так думаешь?

– Я, уверен, – ответил я Инге, – на сто уверен, что так оно и было. Отец по жизни был очень внимательным человеком. Я не такой, вот видишь, на прошлой неделе ни приехал, а мог.

Инга принялась меня успокаивать. Мне было стыдно за себя, что я думал только о себе и Светлане и ни о ком бо-

лее, то есть свой интерес у меня пре возобладал над заботой об Инге. А я ведь обещал ей помогать и вот ни помог, заставил женщину мучиться, находиться в неведении. Я заметил, что Ингу не только это волновало. Мое отсутствие заставило ее задуматься о будущем. Не мог я часто находиться рядом. Москва не так уж и близка. Вытерев слезы, моя сестра тут же протянула мне конверт:

– Вот, пришло письмо от мужа Романа. Андрей, что мне делать? – спросила Инга. – Он снова меня «терроризирует» – просит вернуться.

– Это хорошо, что просит, а не приказывает! – ответил я, чтобы успокоить ее. – погоди, что мы стоим на пороге, дай мне снять куртку. Не будем же мы вести беседу прямо здесь в прихожей?

– Нет, конечно! – ответила сестра.

Я, освободился от верхней одежды, воткнул ноги в тапочки и прошел в комнату. На паласе играл сын Инги. Он тут же подбежал ко мне и принялся толкать мне машинку. Мальчик хотел со мной поиграть. Я взял его на руки.

– Сынок, отстань от дяди, не сейчас, – сказала Инга сыну. – Нам нужно поговорить!

– Да ладно тебе, – сказал я. – Пусть хоть на коленях у меня посидит. В саду ему, наверное, нелегко приходится?

– Да нет, я бы не сказала, он мальчик общительный, несмотря даже на то, что и нерусский, в группе прижился.

Мы уселись на диван. Я посмотрел в глаза сестре и сказал:

– Тебе не нужно торопиться, пороть горячку. Ты ведь уже раз обожглась, так ведь! Тяни время, пиши ему. Обещай, но ничего не исполняй. Ты же живешь в Москве, а ни где-нибудь! Только здесь и есть жизнь. Везде затхлость – гниение. Страна разорена. Здесь ты устроена.

– Ты, прав! – ответила Инга. – Но, он мой муж! Ты знаешь, что у нас было, я тебе рассказывала.

– Да-да, рассказывала, – отозвался я. – Послушай, ты говорила, что твой Роман раньше мебелью торговал, прекрасной дорогой мебелью – доставал ее в Москве переправлял туда к вам на юг.

– Да, торговал, – ответила Инга и вдруг оживилась, – а ведь это выход. Он может снова заниматься продажей мебели.

– Конечно! – сказал я ей. – Предложи ему. Но из Москвы ни куда. Здесь твой дом, запомни, здесь. Если он «крутой», то развернется в один миг!

– О, мой Роман развернется! – воскликнула Инга. – Мне тяжело без мужчины. Ты же не будешь ко мне ездить часто, культурно намекнула она, принимая во внимание мое отсутствие в прошлые выходные и нетерпение, которое я испытывал в настоящее время – ждал момент, чтобы попрощаться и уйти.

Я не торопился, но побыл у Инги недолго – отметилсЯ и уехал. Мне не терпелось увидеть Светлану и сына Максима. И я их увидел. И снова остался в Москве. Моя бывшая су-

пруга приняла меня с радостью, извинилась за то, что так и не выбралась, не нашла времени приехать ко мне.

– Мы завтра поедем! – сказала она. Однако дальше я ничего определенного по поводу нашей судьбы от нее не услышал. Развестись мы развелись – быстро, а вот, чтобы сойтись – начать совместную жизнь требовалось время. Я не знал, что мне думать – порадовало то, что Светлана Филипповна оставила меня у себя на ночь.

Из Москвы мы выехали чуть свет.

– На дорогах пробки, – объяснила мне Светлана Филипповна Ямаева, нужно торопиться!

Моя бывшая супруга была права – еще полчаса, и мы бы застряли, ну если не на всю жизнь, то часа на два-три это точно...

– На работу мама, – дополнил Максим, – часто ездит городским транспортом, так неудобно, но быстрее.

Машину – «Хундай» Светлана Филипповна вела осторожно без выкрутасов. Я не удержался и похвалил ее. Она тут же отреагировала:

– Женский стиль! Это вы мужики гоняете.

У ворот дома я потянулся к панели управления, нажал на клаксон – загудел.

– Это еще зачем? – спросила Ямаева.

– Ничего страшного! – отчеканил я. – Мать должна знать, что мы приехали!

Максим первым выскочил из автомобиля и побежал от-

крывать ворота, следом за ним я.

Мать тут же выглянула из дома.

– О, какие гости! – сказала она, а затем уже мне, когда я на миг оказался наедине, она шепнула: – Я догадывалась о твоих задержках в Москве.

Светлана не собиралась оставаться надолго. Мы с ней договорились съездить в поселок к Марии Федоровне. Ямаева поговорила со свекровью, затем предоставила ей возможность пообщаться с внуком – Максимом и после небольшого отдыха, сказала:

– Ну, нам пора! Мы еще хотим съездить в поселок.

Мать поняла ее.

– Ну, ладно, пора, так пора! На обратном пути заезжайте. Я буду вас ждать!

«Хундай» шел по дороге прекрасно – легко и быстро. Это не «Жигуленок». Автомобиль другого порядка. Я заметить не успел, как мы подъехали к поселку.

– Ну, что сделаем круг почета, – сказал Максим и стал приставать к матери.

– Хорошо, только отстань от меня, – ответила она, – хотя хвалиться автомобилем зазорно.

– Я хочу увидеть поселок! – сказал сын.

– С окна автомобиля, да? – спросил я его.

– Ну, пусть так! – ответил он и поморщился. Сын не любил, когда его в чем-то уличали. Он с удовольствием бы сам прокатился по поселку, но мать с ним была строга и автомобиль ему давала только в том случае, когда чувствовала себя усталой и управлять не могла.

Я не подозревал, что поездка по улицам поселка меня натолкнет на размышления, которые помогут в будущем мне, Светлане и нашему сыну соединиться – жить одной семьей.

В центре поселка я увидел церковь и попросил бывшую жену остановиться. Какой она была раньше – находилась в запустении – купола облезлые, лишь один большой долгое время сохранял свое величие, несмотря ни на что, другие – маленькие, лепившиеся по бокам, были в плачевном состоянии, звонница зияла дырами, и какой она стала, ее было

не узнать.

– Да, здесь поработали основательно, – сказал я Светлане и попросил ее подъехать ближе. Я, как когда-то в молодые годы, пожелал зайти в нее. Просто постоять. Однажды, расписавшись в Сельском Совете, став мужем и женой, мы уже заходили в нее. Но тогда было другое время.

– Нет, я к церкви не смогу подъехать, – возразила мне Ямаева, – с одной стороны улица – дома стоят плотно друг к другу. Там между ними есть проход, но не проезд; а с другой – школа – там тоже дороги нет. Мы лучше позже сходим пешком, хорошо!

Я согласился. Максиму было все равно. Светлана круто развернула машину, и мы покатали к дому.

Нас у дома встретила Мария Федоровна. Из калитки вышли Алексей и Людмила.

Мария Федоровна долго обнимала внука Максима, затем меня и уже после дочь.

– Сто лет вас уже не было вместе, – сказала она с горечью в голосе, – забыли вы нас здесь горемык. Андрей, – она посмотрела на меня, – хотя мне и не сын, но чаще тебя навещает, а ты – родная дочь...

– Мам, нет времени. Я о себе даже не могу подумать. Вот если бы не Андрей, то, наверное, и не приехала бы никогда. Он меня вытянул. Ругай, если хочешь! Я того заслуживаю!

Зоров сунул мне руку. Я пожал ее и посмотрел ему в глаза. Глаза его уже были не те, что раньше. Взгляд у Алексея

Владимировича был осмысленным.

– Это все она, – тут же сказала Мария Федоровна и показала на Людмилу, – не знаю, чтобы я без нее делала. А Надежда? – Она бросила его. Зачем он ей нужен больной – ка-лека.

Я подошел к Людмиле поздоровался. Ямаева обняла брата, а затем его подругу. Максим, вырвавшись от объятий бабушки, больше целоваться ни с кем не стал, отделался обычным: «Здравствуйте!»

– Вот еще нежности, – буркнул он и пошел к калитке. Я отправился за ним, следом – остальные. Мария Федоровна, ступая за нами, приговаривала:

– Вылитый отец и ростом вышел и статью. Девки, наверное, бегают – проходу не дают?

– Не дают! – ответила дочь и добавила: – Еще как не дают.

Мы прошли в дом. Мария Федоровна меня и свою дочь без всяких слов разместила в одной комнате, Максима в другой.

Дом мне показался пустым из-за того, что в нем не было Филиппа Григорьевича его глухого голоса. Он бы сразу же сказал: «А ну мать накрывай стол! Да побыстрее, не видишь, гости в доме?» и полез бы за припрятанной где-нибудь в тайнике, известном только ему – бутылкой. Я бы лишь пригубил и отказался. Он бы пил и говорил, говорил без конца.

Мария Федоровна, через какое-то время позвала нас кушать. За столом было спокойно. Разговор шел вяло. Я лишь

сказал теще о том, что после обеда мы со Светланой собирались сходить в церковь.

– Давно пора! – услышал я ее слова. – Не знаю, как тебе, но вот моей дочери обязательно нужно сходить и не только сходить, но и как следует помолиться. Совсем о матери забыла.

Ямаева сидела за столом сама не своя. Она готова была выскочить и убежать, но Мария Федоровна успела вовремя опомниться и перевести разговор на другую тему. Она стала рассказывать нам о ремонтных работах, которые велись в церкви.

– Храм не тот, что был раньше – внутри красота. В нем даже венчания проводят. Загляните к Алексею. Он с Людмилой ходил на работы. Там в церкви заправляет его знакомый, в прошлом учитель, а теперь поп. Алексей, вам все покажет, – сказала Мария Федоровна.

Брат Светланы Филипповны с удовольствием вызвался нас сопровождать. Максим с нами не пошел.

– Вот если бы на автомобиле я проехался, а пешком не интересно, – сказал он.

– Ну, раз не интересно, оставайся дома, – тут же предложила ему мать, и мы вышли на улицу.

Мария Федоровна жила на краю поселка. Я, приезжая к ней на своем «Жигуленке», далеко в центр не забирался – тут же сворачивал с трассы и оказывался на нужной мне улице.

Мы с удовольствием шли рука об руку. Я и Светлана. Мне было приятно идти с нею. За нами следом шел Алексей и Людмила.

До храма мы добирались минут десять-пятнадцать. Оставили позади ни одну улицу. Оказавшись в центре поселка, мы прошли вдоль ставшего ненужным закрытого на замок Дома культуры, затем у одного из прудов развернулись и по узкой грунтовой дороге между домами стали подниматься на возвышенность, на которой стояла церковь. Ямаева оказалась права, подъехать к ней на машине мы не смогли бы. Нам бы пришлось ее бросить на одной из центральных улиц поселка.

Я задрал вверх глаза и осмотрел храм. Купол был один – большой, покрыт оцинкованным железом и отсвечивал солнцем, показывая круглые бока. Луковички, маленьких четырех куполов, были снесены. Наверное, на их восстановление не было денег. Вместо колокола я увидел кусок рельсы. Отличия резко бросались в глаза. Но это было не главное.

Мы зашли вовнутрь. Было тихо. Где-то у алтаря возился какой-то человек в рясе. Алексей его окликнул, и он подошел к нам.

– Михаил Потапович, – назвал он себя. Мы познакомились. Говорил поп приятным, тихим голосом. От брата Светланы я после узнал, что отец Михаил неплохо поет, но еще не вошел во вкус. Ему мешает стеснение.

– Это пройдет, – сказал он.

Поп рассказал нам о своем приходе и людях, посещающих церковь. Ничего, не скрывая, он пожаловался:

– Тяжело мне приходится, я еще не в полной мере освоил христианские обряды. Да вот, хотя бы взять венчание... – и он принялся описывать нам случай, имевший место в его практике всего месяц назад.

– Я столько претерпел, начав венчание, чтобы его закончить. – Поп потерял роскошную бороду. – Мне в поселке больше приходится отпевать покойников. Жизнь, видите какая? Но я бы не отказался еще раз попробовать и обвенчать кого-нибудь. Вот пристаю к Алексею и Людмиле. Но Алексей женат на другой женщине – ему прежде нужно развестись... Обряд венчания очень интересный. Его нельзя сравнить с регистрацией в поселковом Совете.

– А крещение часто проводите? – спросил я.

– Нет, не часто, а если случается, то у купели оказываются не младенцы, а уже взрослые люди. У многих еще нет веры, но торопятся, хотят во чтобы то ни стало, повесить на шею крест – модно, видите ли, быть крещеным.

Провожая нас, священнослужитель не удержался и обратился ко мне и Светлане:

– А вы не хотите обвенчаться?

– А что можно? – вопросом на вопрос ответил я.

– Я думаю можно, если вы являетесь мужем и женой – расписаны – это закрепит ваши отношения, или же если свободны, не имеете обязательств перед другими людьми, но жела-

ете быть вместе.

– Нет, мы свободны – разведены, но желаем быть вместе, – тут же сказала Ямаева.

– Тогда, нет проблем! – ответил поп и потерябил свою роскошную бороду. – Я не против, приходите!

Предложение священнослужителя – обвенчаться, мне пришлось по душе. Я слышал о том, что многие пары наряду с официальной регистрацией брака часто еще идут и в церковь. Светлана не хотела снова идти в поселковый Совет или же во дворец бракосочетания – обряд венчания давал нам возможность соединить разорванные узы. Найти что-то лучшее было невозможно. Обряд был красив, и я загорелся желанием.

– Как ты? – спросил я у Светланы Филипповны, – не против венчания? Менять фамилию тебе не придется. Ты сейчас Ямаева – Ямаевой и останешься. Венчание в церкви равноценно браку неофициальному – на документах это никак не отразится, но мы снова почувствуем себя мужем и женой перед Богом и людьми.

Убеждать долго Светлану Филипповну мне не пришлось. Слова Алексея и Людмилы о том, что они бы и не раздумывали – были ни к чему. Мое предложение тут же было принято.

– Я согласна, – ответила Светлана Филипповна и прильнула ко мне. – Ты это хорошо придумал.

Прошел почти месяц, прежде чем я и Светлана Филипповна Ямаева нашли время отправиться в поселок для венчания. Моя бывшая жена была человеком занятым и поэтому все дела переложила на меня. Я ни один раз ездил и договаривался со священником Михаилом, выяснял процедурные вопросы, утрясал их. Мне было интересно, и я подготовился, чтобы выполнить все требуемые обрядом действия осмысленно. Вместе со мной готовился и сам батюшка, чтобы не оплошать – опыт его был невелик – одна попытка и всего лишь. Михаил Потапович дал согласие только после того, когда проникся таинством, которое должен был совершить. Назначил день. Но все чуть было не сорвалось, Светлана Филипповна, отбыв в командировку, задерживалась. Я, о том узнав, когда, не дозвонившись до нее, отправился в Москву. Вначале я зашел к Инге и затем уже поехал на квартиру к Ямаевой. Двери мне открыл сын Максим. Я поздоровался и справился о нахождении матери. Она отсутствовала. Максим недоуменно сказал:

– Я не знаю, что могло такое случиться, она еще вчера должна быть дома, – и пожал плечами. Я был вне себя, ходил по квартире, натыкаясь на стулья, и бубнил себе под нос:

– Завтра у нас венчание, завтра, а ее еще нет. Даже, если она утром появится, то мы все равно не сможем отправиться

в храм. Она будет не готова. – Максим ходил за мной попятам из комнаты через коридор в кухню и обратно, успокаивал меня:

– Пап, да все будет нормально. Что ты так беспокоишься. У мамы к венчанию все уже готово. Все!

– И платье есть? – спросил я. – Сын промолчал, ничего не ответил, но затем дополнил свои слова: – Ну, почти все готово, – сказал он. Я хотел отправиться домой, но сын остановил меня:

– Оставайся, завтра будет все известно. Как там говорят – «утро вечера мудренее». – Я, согласился и домой не поехал, сходил в ванную и завалился на постель жены. Максим отправился на кухню. В однокомнатной квартире обитать Светлане Филипповне с взрослым сыном было тесновато. Он спал напротив столов и полок небольшого кухонного гарнитура на диване, упиравшемся торцом в холодильник. На холодильнике у парня стоял маленький телевизор с комнатной антенной, чтобы лишний раз не беспокоить мать. Светлане Филипповне было неудобно, если ночью приходилось вставать и идти на кухню за стаканом воды или же по другим каким-нибудь делам. Но что сделаешь – в тесноте, как говорят, но не в обиде.

На удивленье, я ночь спал спокойно, проснулся чуть свет, в бодром здравии, лишь только слышал шум в коридоре. Закрывая дверь на ночь, я ключ со своей стороны слегка вытащил, и Ямаевой не представило труда войти в квартиру, не

всполошив Максима звонком, так как он еще досматривал очередной утренний сон. Я не стал нежиться в постели, быстро оделся и вышел в коридор. У меня мелькнула мысль отчитать свою бывшую жену за опоздание. Однако я не стал поднимать бучу. Светлана Филипповна, у меня на глазах опустила с плеча на пол дорожную сумку, сбросила туфли на огромных каблуках, высотой все пятнадцать сантиметров, если не больше и тут же из «светской львицы» превратилась в обычную женщину, измученную ночной дорогой, достойную жалости.

Она подбежала ко мне и прильнула к груди.

– Я согласна, я согласна венчаться, – сказала Ямаева. Отчего задержалась, расскажу после, а сейчас нам нужно торопиться. Буди Максима. Я побежала в ванную.

Не знаю, сколько ей потребовалось времени, но скоро она предстала передо мной, и проснувшимся Максимом, в новом платье.

– Это я привезла из Европы, как оно вам? – не дав ответить, продолжила: – И вот это, – потрясла головой, – прическу. – Я, оглядел Светлану. У нее были прекрасные ноги и она, одеваясь соответственно, часто их выставляла напоказ, но на этот раз платье было удлиненное, как у нимфы из греческой или же римской мифологии. Оно гармонировало с туфлями, прической и зелеными-презелеными глазами.

– Нет, ты не зря ездила в командировку, не зря. Что еще я скажу? Ты в этом одеянии ни какая не заместитель директо-

ра фирмы, а владелица прекрасного природного ландшафта с журчащим ручьем – нимфа. Я готов пойти к тебе во служение. Словом, я доволен. Не буду говорить о работе, не знаю, похвалит ли тебя Анатолий Никитич или же нет, но вовремя венчания я рядом с тобой буду неотразим – это точно.

Ямаева покрутилась возле нас и приняла мои слова. Ее зеленые глаза заискрились. Я догадался, что она довольна не только приобретением – платьем, но и чем-то большим, словно выполнила договор, закрыла дело.

– Ой, нужно позвонить, Инге и матери сообщить им, что мы скоро будем, – сказал я Светлане Филипповне и Максиму, – и побежал к телефону, а они отправились на кухню. Затем и я присоединился к ним, где мы плотно покушали из холодильника вчерашней курицей гриль – сын притащил из ее магазина – не стали даже разогревать – готовить не хотелось, да и некогда было, после чего быстро собравшись, вышли из дома.

Автомобиль стоял недалеко от подъезда. Он был готов. Блестел. Бак полон, Максим постарался. Мы забрались в него и покатали по просыпающему городу. Светлана Филипповна после ночной дороги не выспалась и поэтому доверила руль сыну, при этом с заднего сиденья бросила лишь одну фразу:

– Максим, веди осторожнее, – и замолчала, возможно, чтобы еще немного поспать. Меня Ямаева посадила рядом с сыном: я должен был его контролировать. Но парень очень

хорошо себя чувствовал на улицах города, и у меня не было нужды открывать рот что-то говорить. Я молчал, правда, недолго, до тех пор, пока к нам в салон не забрались Инга и ее мальчуган. После него сидеть в тишине стало невозможно. Он требовал к себе внимания. Руки мальчугана тянулись к ручкам дверей, к кнопкам стеклоподъемников. Инга, глядя на проказы сына, сказала:

– У вас ни каких проблем – Максим уже взрослый парень, в институте учится, а нам расти и расти!

Ямаева потянувшись, усмехнулась:

– Маленькие дети, маленькие заботы, – так Максим, скажи тете Инге.

– Ну, так-так, – откликнулся Максим, слегка повернув голову, и заулыбался, наверное, вспомнив одну из своих «заек» – так молодежь называла любимых девчонок.

– Андрей, нам нужно бы по пути заскочить в магазин, не поедет же мы с пустыми руками? – добавила Ямаева.

– Хорошо, на выезде из города, заедем, – сказал парень и вскоре притормозил у большого магазина. Ингу с мальчиком мы оставили в машине, а сами отправились за покупками. Утром магазин оказался пустым – людей – раз-два и обчелся. Я хотел всего взять по минимуму, но Светлана Филипповна меня не послушалась, валила в коляски все, что попадалось ей на глаза, даже салатов набрала. Я катил свою – и ворчал. Максим молчал – знал, что с матерью спорить бесполезно.

– Не будем же мы готовить? Я просто не в состоянии, –

сказала мне Ямаева, – Деньги есть, – и достала у кассы кошелек, – а вот времени в обрез. – Она была права. Я беспокоился, как бы не опоздать к назначенному часу. Мы подвезли две больших коляски заполненных пакетами к машине и сгрузили их в багажник.

Задержка в магазине была небольшой. Мы потратили минут двадцать. На дорогу до городка еще пятнадцать. Могли бы потратить и больше, но на трудном участке автомагистрали, где Максима постоянно «глючило» моя бывшая жена, взяла «командование» на себя и сын успешно преодолел сложную развилку, выехал на нужную дорогу.

Моя мать встретила нас на крыльце в назначенный час. Она была ни одна: пришли наши друзья с большими букетами цветов и тут же их нам вручили. Я не хотел им говорить о венчании, но они каким-то образом обо всем выяснили. После выяснилось Татьяна Полнушка, часто бывая дома в поселке, однажды пообщавшись с Людмилой, привезла эту новость в городок. Правда, сама она отсутствовала. Михаил Крутов сказал:

– Моя жена будет вас ждать возле церкви, – и пожал мне руку. Затем я поздоровался с Виктором Пресновым и, приблизившись к Валентине, она пришла с дочуркой, подхватил девочку на руки, слегка помял ее и хотел поставить на землю, но ее мать поманила, и ребенок тут же потянулся. Я поднес малышку к Валентине и, передавая на руки, случайно коснулся ее тугой груди. Она тут же покраснела, и чтобы

прийти в себя принялась целовать девочку. Следом за мной, ничего не заметив, подошла к нам Ямаева:

– Девочка, уже большая. Сколькo, ей? – спросила она. Подруга ответила, затем Светлана Филипповна развернулась и пошла в дом. Я отправился за нею.

– Ну, что будем делать? – спросил я у Ямаевой. – За одну поездку мы всех не увезем. Может быть, я попробую завести своего «Жигуленка». «Старый конь – думаю, борозду не испортит», выручит нас.

– Да ничего не будем делать, – ответила моя бывшая жена. – Ты, считаешь, что они готовы все поехать с нами, даже Валентина с малышкой? – помолчала и дополнила: – Мы после здесь устроим встречу и отметим наше венчанье. Там, в поселке достаточно одной Татьяны, если мало давай возьмем Михаила, ну и все. – Я согласился со Светланой Филипповной, и мы вышли из дома.

– Ребята, кто готов поехать с нами в поселок на венчанье, – обратился я к друзьям и тут же добавил: – Для отказавшихся нас сопровождать я со Светланой устрою встречу здесь в городке. – Ямаева оказалась права – ехать никто не хотел, но за то с удовольствием согласились на мое второе предложение после отметить наш праздник. «Жигуленок» мне не понадобился. Я, мать, Инга с ребенком, Максим и Светлана Филипповна забрались в машину и отправились в поселок.

– Любовь Ивановна, – спросила Ямаева, когда мы уселись

в автомобиль. – «В тесноте, но не в обиде?»

– Точно, не в обиде, – ответила мать, и Максим нажал на акселератор. «Хундай» рванулся вперед и помчался по дороге.

Нас ждали: Мария Федоровна, Алексей и Людмила. Максим подрулил к дому и мы, выбрались из автомобиля. Минут пять постояли у калитки, приветствуя друг друга, а затем я, взглянув на часы, сказал:

– Уже время. Пойду к отцу Михаилу в церковь. Да, где наши кольца, – обратился я к Ямаевой. Она достала их из сумки. Они были приготовлены еще дома, и отдала мне. Это были наши старые кольца. Я положил их в карман, а затем взглянул на Зорова: – Алексей, пошли и ты, а то мне одному будет не очень удобно. Михаил Потапович твой знакомый, не мой. А ты Светлана со всеми подходи чуть позже – минут двадцать вам достаточно, чтобы собраться?

– Достаточно, – ответила за всех Ямаева, и я с Алексеем отправился в центр поселка.

Погода была прекрасной. Июль не январь. Большие, но редкие кучевые облака время от времени заслоняли солнце. Оттого на улице не было жарко, я, одевшись в добротный костюм, чувствовал себя уверенно, даже не вспотел. Добравшись до церкви, я увидел Татьяну Полнушку, поздоровался, сообщил ей о том, как будет проходить венчание и затем вместе с Алексеем зашел к отцу Михаилу. Он нас ждал. Я поприветствовал его и отдал кольца.

– Ладно, вы идите, ждите, когда все придут, я тут еще немного пробежусь по своим записям, – сказал священник, и мы вышли. Татьяны Полнушки уже не было. Я так понял, что она должна была подойти позже, и оказался прав: я ее увидел рядом со Светланой, Марией Федоровной, моей матерью Любовь Ивановной и Максимом. Он шел несколько в отдалении.

Началась праздничная литургия. Я не узнал отца Михаила – это был совершенно другой человек. Его уверенный голос, звучал торжественно и мы подобно сосудам наполнялись животельной силой любви друг к дружке, ко всем людям рядом стоящим, ко всем жителям поселка, нашей страны, нашей благодатной земли. Мы стояли рядом жених и невеста и боялись шевельнуться, чтобы не пролить ни единой капли из своих тел – сосудов.

Затем наступил момент обручения. Человек, помогающий отцу Михаилу, вынес на подносе кольца. Священник, держа перед нами поднос с венчальными кольцами, предложил мне и Светлане обменяться три раза этими кольцами. Мы три раза передвигали на подносе кольца друг дружки, а затем надели каждый свое, на пальцы. Затем наступил кульминационный момент таинства православного венчания. Отец Михаил взял венец жениха, и крестообразно ознаменовал меня этим венцом. Затем он дал мне поцеловать образ Спасителя, прикрепленный к его венцу. После этого возложил венец мне на голову. Тоже проделал с вен-

цом невесты – Светланы. Я помню, что нам подносили чашу с вином. То ли кагором то ли хересом, прежде освятив ее крестным знаменем. То я, то Светлана попеременно в три приема выпили эту чашу и стали единым целым. После этого отец Михаил своей рукой соединил мою правую руку с правой рукой Ямаевой, и трижды обвел нас вокруг анаоя. Далее нас подвели к царским вратам. Там я поцеловал образ Спасителя, а Светлана образ Божьей Матери. Затем я образ Божьей Матери, а моя невеста образ Спасителя. Я был окружен каким-то ореолом, нимбом и не только я, но и моя невеста. Не зря же говорят, что браки совершаются на небесах. Мы и были на небесах. Это точно. Нам произносили здравицы многолетия новобрачным, затем нас поздравили присутствующие, и мы отправились с гостями на свадебную прогулку.

Я не ожидал такого благолепия, не ожидала того и Ямаева. Во время церемонии Светлана шепнула мне:

– Вот бы отец находился, рядом с нами?

– А может быть он и стоит за нами, среди народа. Ты разве не чувствуешь его присутствия?

– Чувствую! – прошептала Ямаева.

Откуда стало известно о нашем венчании, я и предположить не мог, но – людей в церкви было много – может весь поселок. Все желали нас видеть. Мне было неудобно. Моей жене тоже. Мы рассчитывали, что обряд пройдет в узком кругу родственников и только, но не тут-то было. Однако мы

прошли через все, и вышли из церкви мужем и женой.

Я торжественно взял Светлану Филипповну под руку и повел к машине. «Хундай» стоял далеко от храма. Нам пришлось пройти через коридор, образованный жителями поселка. Кто-то сказал: «Новые русские венчаются». Я слова не принял, пропустил. Светлана тоже ничего не замечала. Добравшись до автомобиля, мы быстро забрались в него, и Максим надавил на акселератор. На заднем сиденье рядом со мной уселась Мария Федоровна, Любовь Николаевна забралась на переднее сиденье возле Максима. Инга с сынишкой, Людмила и Алексей отправились домой пешком. Им места не хватило, но они на нас не обиделись.

– Машина, не резиновая, – вставил свое замечание Зоров.

Максим был доволен, что ему доверили везти молодых – мать и отца, двух бабушек. Он неторопливо объехал весь поселок. В центре – сын остановился у памятника павшим воинам. Мы взяли букеты цветов и положили их у подножья воина-освободителя – белой фигуры на постаменте. Ямаева сообщила мне шепотом:

– На фронте, при защите отечества погибло более пятисот сельчан.

«Хундай» слушалась сына. Он вел автомобиль прекрасно. Я как водитель со стажем был им доволен. Максим умел плавно, остановить машину для чего заблаговременно снимал ногу с педали газа и выжидал некоторое время. Тяжелый автомобиль на грунтовой дороге довольно быстро сбрасывал

скорость. Затем, когда он уже ее полз, парень надавливал на педаль тормоза. Затормозив у дома, переключив скорость на нейтралку и поставив машину на ручной тормоз, Максим тут же соскочил с сиденья и помог выйти бабушке Любовь Ивановне и Марии Федоровне, а я открыл двери и подал руку Светлане Филипповне. Женщины тут же поспешили в дом. Я помог Максиму загнать «Хундай» во двор и уже затем мы поднялись по ступенькам на крыльцо.

– Ой, что такое? – услышал я голос тещи, – неужели я забыла запереть дом, или может пока нас не было кто-то забрался из чужих и похозяйничал?

– Мария Федоровна, пропустите меня, я сейчас быстро разберусь! – сказал я и открыл двери.

– Мама, не ходи, пусть Андрей, – тут же поддержала меня Светлана Филипповна.

Я осторожно вошел в прихожую. Она была пуста. Затем я побывал на кухне и заглянул в соседнюю с ней комнату. За мной по пятам следовала жена.

– Заходите, не бойтесь, в доме пусто, – крикнул я, и отправился осмотреть еще одну – последнюю комнату. В ней, развалившись на кровати, безмятежно спал Филипп Григорьевич. Я его не сразу признал и чуть было не набросился на своего тестя, но хорошо, что вовремя подросла Светлана и остановила меня:

– Да ты что? Это же мой отец!

Я тут же пожелал его разбудить, но супруга не позволила

мне.

– Нет-нет, отца сейчас не нужно будить. Он с дороги. Не проснется. Дней несколько, наверное, глаз не сомкнул.

Мы тихо прикрыли дверь и вышли.

– Ну, что там? – спросила с опаской, появившись на пороге дома, Мария Федоровна.

– Там, Филипп Григорьевич, он вернулся, – ответил я.

– Как это вернулся, не может быть? – запричитала теща. – А где же он, почему прячется, не выходит?

– Его сейчас из пушки не разбудишь, спит, как медведь, павший в зимнюю спячку, – сказала Светлана Филипповна.

– Ну, и ладно пусть спит на здоровье, – тут же успокоилась Мария Федоровна. – Я только взгляну на него, и давайте займемся столом, нужно же наше событие как-то отметить, так ведь?

Отец Ямаевой проснулся и вышел к нам в тот момент, когда стол ломился от кушаний. Он словно почувствовал подходящий момент, когда мы готовились торжественно отметить наше венчание.

Филипп Григорьевич разрешил нам всем обнять себя и поздравить с возвращением. Он подпустил к себе даже Алексея, и что было для меня странным видеть: по-отечески обнял его и похлопал по плечу, словно между ними никогда и не было разногласий. Зоров не боялся его, в общении был прост – плохое у него из памяти стерлось. Будто и не было. Филипп Григорьевич сразу же это почувствовал и спросил

у меня, как только представилась возможность. Я рассказал ему о том, что приключилось с Алексеем. Филипп Григорьевич сочувственно сказал:

– Я постараюсь для него быть не отчимом, а отцом – хорошим отцом.

Ямаев долгое время был в этом доме хозяином, им и остался. Он тут же взял на себя роль командира и принялся отдавать приказы, лишь свою любимую доченьку и слушался, правда, после того, когда она, выбежав из кухни, через минуту возвратилась и показала паспорт.

– На, посмотри, посмотри! – и протянула документ отцу.

Он долго и тщательно осматривал его, прочитал все страницы, ни одной не пропустив. Довольство так и светилось у Ямаева на щеках, на лбу, сверкало огоньком в зеленых глазах, он теперь знал, что его дочь – его. Он – Ямаев и она – Ямаева. Много-много лет она была дочерью Марии Федоровны, сестрой Алексея, но только не была его кровиночкой, и вот все образумилось.

– Ну, что убедился, чья это дочь? – и Мария Федоровна ткнула пальцем в Светлану. – Папенькина? Папенькина, вся в тебя, зря сомневался!

– Да не сомневался я, – в сердцах сказал Филипп Григорьевич, – не сомневался, но пойми, мне было обидно. Моя дочь и не моя – Зорова – твоего первого мужа. Я будто ни при чем, выкрикнул тесть и замолчал, но ненадолго. Он после нескольких лет отсутствия не мог молчать – хотел выска-

заться. Ямаев убедившись в достигнутой, наконец, справедливости, успокоился и уже без горести, спокойно сказал:

– Я, понимаю, в это наше беспокойное время – фамилия Ямаева для жизни не подходит. Меня, пока я добирался до дома, раз сто проверили и всегда странно косились, будто я не человек. Паспорт спасал, то есть прописка. Национальные передряги – распри изменили нашу действительность. Нужно приспособливаться: быть среди русских – русским. Я, например, маджاهد, твой отец, – обратился ко мне Филипп Григорьевич, пусть не по фамилии – по внешности – лицо кавказкой национальности, так ведь? – и мой тесть каждому из нас заглянул в глаза, даже к Людмиле.

– Я, не буду против, если, ты, Светлана снова возьмешь фамилию мужа. Вы ведь не зря отправились в церковь? Я, думаю для того, чтобы жить вместе?

– Да, папа! – ответила Ямаева. – Значит, ты там был?

– Был! – сказал Филипп Григорьевич, – и, хотя христианство это вера не моих отцов я рад за тебя и Андрея. Я, как мы все здесь, не был особо верующим и не стал им, если бы стал – меня уже не было бы в живых. Я должен был искупить грехи... Видел я своего сына, законную жену... Ты, у меня жена, одна единственная, – тихо сказал Филипп Григорьевич и обнял Марию Федоровну, – другой у меня нет. Никого у меня там, на родине, нет. Ну, разве что мать и отец, но они уже в земле. Я им поклонился... Отдал дань и уехал...

– Папочка-папочка, как ты мог усомниться в том, что я

не твоя? Я твоя и ничья более, – и Светлана бросилась к Филиппу Григорьевичу, стала его обнимать, целовать и все время что-то шептала и шептала.

Ямаев Филипп Григорьевич вернулся домой. Он должен был получить в Москве пояс маждахеда и погибнуть. Но желание увидеть перед смертью заблудшую дочь, находящую в здравом уме и выбравшую при разводе не его фамилию, а какого-то Зорова заставила его заехать в поселок. И эта заблудшая дочь оказалась папенькиной дочкой. Она спасла его.

– Папочка, папочка ты мне нужен! – шептала Светлана. – Грехи ты будешь искупать, когда наступит время и тебя возьмет к себе Бог. Мне все равно кто – Мухаммед или же Иисус? Только тогда. Сейчас мы тебя хотим видеть живым, только живым!

– Я, с вами, – сказал, словно, – отрезал Филипп Григорьевич. – И никуда не поеду. Я снова хочу жить. Мне бы поговорить с Николаем Валентовичем, увидится с Любовью Ивановной. А где же они? Андрей! – увидев меня, сказал Филипп Григорьевич, – Живо в машину и чтобы все были здесь. Я не сяду за стол без своих дорогих родственников.

– Пап, не нужно, Любовь Ивановна здесь, она сейчас где-то во дворе, с минуты на минуту подойдет – тут же поспешила ответить Светлана, – а вот Николая Валентовича уже среди нас нет, вот так.

– Как – это нет? – опешил Ямаев. – Я же его видел... Ну,

что же это он не дождался моего возвращения.

– Жизнь быстротечна, – ответила Любовь Ивановна, поднявшись в дом, – поэтому нужно торопиться жить. Давайте помянем Николая Валентовича, а затем отметим венчание Светланы и Андрея. Они снова вместе. Теперь уже навсегда, на веки вечные.

Филипп Григорьевич выпил стаканчик и задумался, отревшись от всех, не слыша голосов.

– Ну, что ты пап, не нужно так переживать, – подошла к Ямаеву дочь. – Все будет хорошо!

– Да-да, все будет хорошо! Одно мне не дает покоя. Я, находясь в поезде, борясь с собою, только благодаря Николаю Валентовичу заехал домой. Мог и проскочить свою станцию. А из Москвы я бы уже... – Филипп Григорьевич сглотнул слюну. – Поезд ведь не останавливается, а тут вдруг встал как вкопанный, что тот конь. Я вещи в охапку и выскочил. Мне вслед проводница кричала-кричала: «Пассажир? Куда вы, еще не приехали!» – Ямаев снова замолчал, а затем снова продолжил: – Я последние дни не спал и в поезде не мог смежить глаза, что-то не давало, мысли обуревали, а тут вдруг сморил сон. А может, это был и не сон – провидение. Будто я сижу на нижней полке и рядом Николай Валентович, сват и мы разговариваем. Я ему говорю все о Боге, о своей религии, словом, о том, что мне вбили в голову мои покровители – новые мессии, а он отмахивается от меня: «Бог, един, запомни это, един, а Мухаммед, Иисус, появившаяся неоткуда

Мария Девис Иисус и многие другие это всего лишь пророки. Бог никогда не пошлет одних людей на убийство других. Люди неправильно понимают законы жизни. Им их неправильно объясняют новоявленные пророки, толкователи сур. Они в этом виноваты. Бога не вини. Я тебе это говорю я, запомни мои слова», затем сдвинул зановесочку и, выглянув, крикнул: «Быстрее, быстрее твоя станция...» Вот я и здесь!

Праздник удался на славу. Все были свои. Когда насытились, наговорились и успокоились Мария Федоровна, Филипп Григорьевич и Любовь Ивановна вдруг остались одни. Алексей с Людмилой отправились к себе. Инга пошла, укладывая мальчика в постель. Ему требовался отдых. А я со Светланой вышел во двор, а затем мы, воспользовавшись случаем, выбравшись за калитку отправились по знакомым местам. Мне не терпелось найти пригорок, где когда-то я и Светлана нежились в васильках. Я не удержался, черт дернул за язык и спросил у своей зазнобы:

– А что случилось с твоим итальянцем, этим как его Робертом?

– Он не мой. Запомни это, не мой, я же не напоминаю тебе Валентину, – жестко ответила мне жена, а затем смягчилась и дополнила – Однажды он уехал и не вернулся. Анатолий Никитич долго ему звонил, но все бес толку, пропал. Я ездила в командировку, думала, что увижу его и скажу прямо и открыто, чтобы не было разнотолков, что я люблю мужа – тебя, – ткнула пальцем мне в грудь жена, но встретиться мне

не удалось – не знаю, что и думать.

– Права была Мария Федоровна, когда говорила, что он не жилец, – сказал я. – Мне кажется, что Роберто тебя любил.

– Ну и пусть, а я люблю тебя, только тебя и никого более, – услышал я тихий голос Светланы и ее зеленые глаза вспыхнули ярким огнем.

Цветов уже не было. Время было другое. Непокойное. Вместо васильков мне попались ромашки, и я преподнес их своей зазнобе. Жизнь для нас снова начиналась, начиналась с чистого поля. Мы были полны сил. Но уже топтали ногами не рожь, а высокую многолетнюю траву. Шли, заплетаясь пока не упали, вставать не захотели, развалились на траве-мураве.

– Андрей, я думаю, что мне и Максиму нужно вернуться жить к тебе в городок. Квартиру в Москве мы сдадим. А когда Максим жениться он может жить в Москве.

– На нашем автомобиле столица под боком. Тебе на работу и Максиму до института добраться пара пустяков. Раз – и вы там! Так ведь?

– Да, ты прав! Десять минут, до кольцевой, далее минут двадцать и... – я говорил, и говорил, описывая нашу будущую прекрасную жизнь. Голова жены покоилась у меня на плече. Она молчала. Затем я, заглянув ей в глаза, увидел, что они закрыты, Светлана спала безмятежным сном и во сне улыбалась. Я замолчал, пусть поспит, отдохнет – впереди вся жизнь. Будто и не было разногласий, не было лет разлу-

ки. Мой отец Николай Валентович знал, что мы будем вместе. Хорошо снова чувствовать себя молодыми. Я смотрел на небо на белые кучевые облака. Туда, где совершаются браки. В небе светило солнце. Нам было известно, что наступят лучшие дни, и снова здесь будет колоситься рожь – будут расти васильки – наши васильки, а не ромашки. Ромашки должны расти на лугах или же в садах, но никак не на поле.

2004г.